
VE
RI
TAS

А. Пазухинъ.

ПОДЪ СВИНЦОВЫМЪ ДОЖДЕМЪ.

РОМАНЪ

ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ.

МОСКВА.
Типографія «Вильде» преемн. К. К. Гаусманъ, Брестскій пер., домъ № 2.
1916.

А. Пазухинъ.

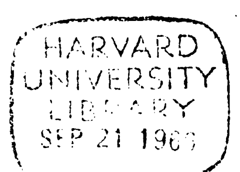
ПОДЪ СВИНЦОВЫМЪ ДОЖДЕМЪ.

РОМАНЪ

ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ.

МОСКВА.
Типографія «Вильде» преемн. К. К. Гаусманъ, Брестскій пер., домъ № 2.
1916.

Типографія Вильде, преемн. К. К. Гаусманъ, Москва, Брестскій пер., д. № 2.

Подъ свинцовымъ дождемъ.

РОМАНЪ.

I.

Такъ называемый «сезонъ» начался.

Всѣ москвичи съѣхались съ дачъ и изъ имѣній на зимнія квартиры, открылись почти всѣ театры, открылось даже нѣсколько новыхъ театровъ, но обычнаго оживленія и веселія въ Москвѣ не было,—началась грозная, великая, Священная война и было не до веселья.

Въ Москвѣ чувствовалось особенное напряженіе общественной жизни и это «сердце Россіи» билось усиленнымъ темпомъ, какъ всегда въ годины и моменты великихъ испытаній.

Открылись лазареты для раненыхъ,—а раненые начали уже прибывать въ Москву,—закипала благотворительная дѣятельность, а въ тѣхъ семьяхъ, изъ которыхъ отцы, мужья, братья или иные родственники ушли на войну, было особенное напряженіе и тамъ особенно чувствовался великій историческій моментъ.

Семья Василія Гавриловича Станина, довольно богатаго рязанскаго помѣщика, тоже пріѣхала въ Москву изъ деревни раньше обыкновеннаго.

Въ семьѣ этой не было никого идущаго на войну, но лѣтомъ дочь Василія Гавриловича Софья была помолвлена за присяжнаго повѣреннаго Аркадія Павловича Латанина и Латанинъ, кажется, долженъ былъ вступить въ ряды русской арміи, въ качествѣ прапорщика запаса.

Онъ пользовался какими-то льготами, родственники его говорили ему, что онъ можетъ пока избавиться отъ

воинской повинности, но самъ Латанинъ не хотѣлъ пользоваться льготами и ужъ тѣмъ болѣе не хотѣлъ «хлопотать» о томъ, чтобъ ему остаться въ Москвѣ.

Въ то время когда Станины переѣхали въ городъ, Аркадія Павловича въ Москвѣ не было, но его ждали съ часу на часъ.

Однажды утромъ, только что Софья сдѣлала свой утренній туалетъ, собралась куда-то выходить, какъ въ передней раздался звонокъ.

— Какой-то офицеръ, барышня, — сообщила ей горничная, проходя черезъ гостиную отпирать дверь. — Я видѣла, какъ онъ по двору прошелъ...

— Офицеръ?—переспросила Софья.—Не знаю кто это такой,—у насъ, кажется, знакомыхъ офицеровъ нѣтъ...

Горничная между тѣмъ пошла отпирать и Софья слышала, какъ горничная, впустивъ гостя, изумленно воскликнула:

— Батюшки, Аркадій Павловичъ! Я васъ, баринъ и не узнала!..

Софья Васильевна пошла навстрѣчу пришедшему и въ дверяхъ гостиной встрѣтилась съ своимъ женихомъ, одѣтымъ въ военную форму.

Дѣвушка слегка поблѣднѣла и когда подала гостю руку, рука эта замѣтно дрожала.

Аркадій Павловичъ Латанинъ, красивый, стройный брюнетъ, стоялъ передъ нею и съ улыбкою смотрѣлъ на нее.

Онъ почему-то сбрилъ бороду и теперь со своими тонкими красивыми усами, успѣвшій слегка загорѣть, былъ очень красивъ и военная форма, равно, какъ и эти закрученные усы дѣлали его мужественнымъ, очень измѣнили его и не даромъ горничная Саша его не узнала.

Онъ держалъ руку невѣсты въ своихъ рукахъ и улыбался.

— Поражена?—спросилъ онъ.—Не узнала?..

— Да, — съ трудомъ узнала, — тихо, тихо отвѣтила Софья.—Ты идешь на войну?..

— Да, Софья, иду...

Онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Это мой долгъ, Софья, я не могу оставаться, я долженъ итти...

Дѣвушка подавила вздохъ.

— Конечно!—также тихо отвѣтила она.—Я не буду, я не смѣю удерживать тебя, хотя, конечно, мнѣ очень, очень тяжело и жаль тебя!..

Она не могла удержать слезъ, дрогнула вся, сдѣлала шагъ впередъ и опустила хорошенькую русую головку на плечо жениха.

— Не плачь, Софья!—сталъ утѣшать ее Латанинъ.— Я, Богъ дастъ, скоро вернусь, вернусь вмѣстѣ съ побѣдоносными войсками нашими, вернусь, быть можетъ, отличившимся и тогда мы будемъ имѣть полное право на большое счастье, мы заслужимъ его...

Дѣвушкѣ хотѣлось сказать, что она вѣритъ этому, что она тоже ждетъ счастья, но она не могла говорить и тихо, тихо рыдала, склонившись головкою на плечо жениха.

Въ это время въ прихожей раздался новый звонокъ.

Горничная заглянула въ дверь, хотѣла что-то спросить, но увидавъ барышню, склоненную къ жениху и плачущую, отошла.

— Что тебѣ надо, Саша?—спросила Софья.

— Сергѣй Григорьевичъ Даевъ пріѣхали,—съ какимъ-то особеннымъ значеніемъ доложила горничная.

Софья слегка вздрогнула и измѣнилась въ лицѣ, а Латанинъ нахмурилъ свои черныя густыя и энергично очерченныя брови.

— Не принимать!—почти рѣзко распорядилась Софья.— Скажите, что нѣтъ никого дома...

— Ты боишься его, Софья?—спросилъ Латанинъ.

— Нѣтъ, мой милый, но я... Я ненавижу и презираю его!.. Не принимай, Саша, не принимай!.. Скажи, что... что я не приказала принимать!..

Горничная пошла отпирать, а звонокъ въ передней повторялся еще и еще, — видно было, что гость сгоралъ отъ нетерпѣнія и ждать не хотѣлъ, не могъ.

II.

Горничная пошла отпирать дверь.

— Дома?—отрывисто спросилъ высокій молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, но казавшійся старше, благодаря большой рыжей бородѣ, которая покрывала почти половину широкой груди его.

— Дома, но...

Горничная не договорила, тревожно, почти съ ужасомъ смотря на посѣтителя.

— Ну, что же?—прикрикнулъ гость.—Дома или нѣтъ?.. Отвѣчай, пожалуйста, безъ всякихъ выкрутасовъ.

— Василія Гавриловича нѣтъ дома, а барышня...

— Ну?..

— Барышня приказали сказать, что принять васъ не могутъ.

— Ага!.. Барышня одна, или у ней кто-нибудь есть?..

— У нихъ Аркадій Павловичъ Латанинъ...

Гость постоялъ въ нерѣшительности нѣсколько минутъ, досталъ изъ бумажника карточку, хотѣлъ на ней написать что-то, но не написалъ, изорвалъ карточку, бросилъ ее и сбѣжалъ со ступенекъ лѣстницы.

Онъ медленно прошелъ дворомъ, заглядывая въ окна дома, потомъ вышелъ въ переулокъ и сталъ медленно ходить по тротуару, дѣлая шаговъ тридцать въ одну сторону и столько же—въ другую.

Довольно красивый, хотя съ непріятнымъ выраженіемъ свѣтло-голубыхъ холодныхъ глазъ, очень элегантно одѣтый, высокій, стройный, онъ обращалъ на себя вниманіе прохожихъ, которые съ любопытствомъ посматривали на этого марширующаго по тротуару господина, бросающаго кругомъ какіе-то растерянные, словно чего-то отыскивающіе взгляды, размахивающаго дорогой тростью съ золотымъ набалдашникомъ и поминутно взглядывающаго на часы, на массивные золотые часы, которые висѣли на такой же массивной золотой цѣпи съ многочисленными медальонами, брелоками и украшеніями.

Какой-то оборванный, жалкій старичокъ робко подо-

шелъ къ нему и попросилъ «на кусочекъ хлѣба», но рыжебородый господинъ злобно закричалъ на него и прогналъ отъ себя, замахнувшись тростью.

Старичокъ съ ужасомъ отскочилъ и почти бѣгомъ удалился отъ господина, а онъ все продолжалъ ходить, посматривая на часы и на ворота того дома, въ которомъ его не приняли.

Прошло болѣе часа, и изъ воротъ этого дома вышелъ Аркадій Павловичъ Латанинъ.

Онъ не замѣтилъ марширующаго господина и пошелъ было на уголъ переулка, гдѣ стоялъ извозчикъ, но рыжебородый быстро догналъ его и окликнулъ.

— Господинъ офицеръ!—крикнулъ онъ. — Господинъ офицеръ, мусье Латанинъ, мнѣ нужно поговорить съ вами...

Латанинъ оглянулся.

Оба смотрѣли другъ на друга взглядами, полными вражды и ненависти.

— Я васъ ненавижу и презираю, господинъ Латанинъ!—проговорилъ, наконецъ, рыжебородый.

Офицеръ презрительно пожалъ плечами.

— Меня это мало интересуетъ, господинъ Даевъ,—отвѣтилъ онъ.

— Но, быть можетъ, васъ заинтересуетъ мое сообщеніе о томъ, что я сегодня же и въ самомъ непродолжительномъ времени пришлю вамъ моихъ секундантовъ...— продолжалъ рыжебородый. — Надѣюсь, что вы не будете трусомъ и вызовъ мой примите...

— Нѣтъ, не надѣйтесь, господинъ Даевъ,—съ улыбкою отвѣтилъ офицеръ.

— Вотъ какъ!.. Почему же это?..

— Потому что теперь происходитъ иная «дуэль», дуэль болѣе важная, священная дуэль, и я иду сперва на эту дуэль, и моя жизнь принадлежитъ теперь не мнѣ, а моему отечеству, моему царю...

Даевъ злобно улыбнулся и въ холодныхъ глазахъ его загорѣлись злые огоньки...

— Трусъ всегда найдетъ причину отказаться отъ дуэли!..—насмѣшливо проговорилъ онъ.

Латанинъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, глаза его метнули

молніей, но онъ употребилъ огромныя усилія, чтобы совладать съ собою, и совладалъ...

— «Я, можетъ быть, и трусъ, но вамъ не испугать и труса!..»—отвѣтилъ онъ стихами Лермонтова.—Я стою выше вашихъ оскорбленій и не обращаю на нихъ никакого вниманія. Оставьте меня въ покоѣ!..

— Да?.. Ну, а если я оскорблю васъ еще сильнѣе?.. Что будетъ, если я...

Латанинъ остановилъ его жестомъ.

— Достаточно!—почти крикнулъ онъ.—Я принужденъ буду убить васъ, какъ убиваютъ нападающаго разбойника, какъ убиваютъ бѣшеную собаку, но вы не доведете меня до этого... Господинъ Даевъ, Софья Васильевна Станина не оцѣнила вашихъ блестящихъ достоинствъ, отказала вамъ, и самое лучшее, если вы благоразумно удалитесь и забудете объ ея существованіи... Вотъ все, что я могу сказать вамъ, а затѣмъ прощайте...

Латанинъ дотронулся рукою до козырька фуражки и пошелъ.

— Если я вернусь съ той «дуэли», про которую я говорилъ вамъ, такъ я къ вашимъ услугамъ, — сказалъ онъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и обернувшись къ Даеву.

Сказалъ, кивнувъ головою, и быстро пошелъ по переулку, а Даевъ остался на своемъ мѣстѣ, долго, долго смотрѣлъ вслѣдъ ушедшему и потомъ медленно направился къ тому дому, двери котораго только что затворились передъ нимъ.

III.

Рыжебородый господинъ, котораго звали Сергѣемъ Григорьевичемъ Даевымъ, позвонилъ у подъѣзда.

Горничная отперла дверь, нѣсколько испуганнымъ, нѣсколько негодующимъ взглядомъ окинула посѣтителя съ ногъ до головы и придержала отворенную дверь.

— Ахъ, это опять вы!—воскликнула она.

— Да, это я, Саша...

— Боже мой, да вѣдь я же сказала вамъ, что самихъ нѣтъ дома, а что барышня васъ... не приказала принимать...

— А вы все же доложите обо мнѣ, Саша!..—настойчиво возразилъ Даевъ и немного продвинулся впередъ, напирая на дѣвушку грудью.

— Онѣ не примутъ васъ...

— А вы все-таки доложите!..

Саша повела плечами, презрительно выпятила нижнюю губу и снова окинула гостя взглядомъ.

— Странно!..—фамильярнымъ тономъ избалованной камеристки проговорила она.—Я бы на вашемъ мѣстѣ, господинъ Даевъ, не стала такъ настойчиво добиваться свиданія, ежели свиданія не желаютъ!..

— Милая моя, это не ваше дѣло...

Даевъ рѣшительно шагнулъ впередъ, дѣвушка отступила подъ его натискомъ, а онъ вошелъ въ прихожую, быстро оглянулся кругомъ,—расположеніе квартиры онъ хорошо зналъ,—отворилъ маленькую дверцу, которая вела въ чуланчикъ подъ лѣстницею, схватилъ Сашу за руки, и втолкнулъ ее въ этотъ чуланчикъ.

Саша слабо вскрикнула.

— Ни слова, ни звука!..—грозно, но совершенно тихо сказалъ ей Даевъ.—Сиди тутъ до тѣхъ поръ, пока я тебя выпущу и знай, что если ты подашь голосъ, если ты будешь стучать, такъ я задушу тебя, какъ курченка!..

Блѣдная, дрожа всѣмъ тѣломъ, опустилась дѣвушка на полъ чуланчика,—ноги у нея такъ и подкосились,—а Даевъ притворилъ дверцу и заложилъ ее крючкомъ.

Заложилъ, подошелъ къ зеркалу, расправилъ свою пышную огненную бороду, поправилъ прическу, усы и, не снимая пальто, слегка опираясь на свою щегольскую трость, пошелъ во внутреннія комнаты.

Въ гостиной его встрѣтила Софья.

— Ахъ, это вы?..—проговорила она и лицо ея вспыхнуло румянцемъ негодованія, а въ глазахъ заиграли огоньки.

— Да, это я, Софья Васильевна...

— Я откажу Сашѣ отъ мѣста, за то, что она нарушила мое приказаніе и впустила васъ...

— Увы, ваша Саша не виновата: я вошелъ помимо

ея желанія, а ее... ее заперъ въ чуланчикъ подъ лѣстницею...

Теперь Софья поблѣднѣла, какъ полотно и безсильно опустилась на маленькій диванчикъ, шагахъ въ трехъ отъ Даева.

Даевъ тоже сѣлъ.

— Я, какъ видите, поступаю настойчиво, энергично и не останавливаюсь ни передъ чѣмъ,—заговорилъ онъ, опираясь на трость.—Я думалъ, что я имѣю на васъ права и хочу этими правами воспользоваться.

— Никакихъ,—энергично крикнула дѣвушка и махнула рукою, словно отгоняя кого-то.

— А я думаю—напротивъ,—продолжалъ Даевъ.—Еще такъ недавно вы говорили мнѣ, что любите меня, что будете моею женою и мы даже обручились съ вами.

— Да, но все это кончилось,—опять перебила дѣвушка.—Я была неопытна, я была совершенно одинока, и увлеклась вами, но скоро я узнала, что вы нехорошій, злой человѣкъ и отказала вамъ... Я люблю Латанина, я его невѣста передъ людьми и передъ Богомъ, и вы должны оставить меня...

Даевъ положилъ подбородокъ на руки, которыми онъ опирался на трость, насмѣшливо и злобно улыбнулся.

— Вы думаете такъ, а я—по-иному,—сказалъ онъ.— Пусть господинъ Латанинъ возьметъ васъ, но сперва...

Онъ быстро, словно на пружинѣ, поднялся съ кресла, отложилъ трость, сбросилъ пальто и шагнулъ къ дѣвушкѣ.

— Но сперва вы дадите мнѣ поцѣлуй,—вы будете принадлежать мнѣ!..

Софья вскрикнула, лицо ея поблѣднѣло еще больше, до неузнаваемости исказилось ужасомъ и гнѣвомъ и она скользнула за спинку маленькаго дивана, на которомъ сидѣла.

— Негодяй!—крикнула она.

— Пусть будетъ такъ, но я исполню, что обѣщалъ!..

Софья прижалась къ стѣнѣ, уронивъ маленькій столикъ, на которомъ лежалъ альбомъ, быстро сунула руку за корсажъ и выхватила маленькій, съ ручкой изъ слоновой кости и отдѣланный серебромъ, револьверъ.

Никелированный стволъ этого револьвера былъ на разстояніи двухъ аршинъ отъ лица Даева.

Зловѣще темнѣли гнѣзда барабана съ никелированными пулями и отверстіе дула.

Даевъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Если вы, негодяй, сдѣлаете одинъ шагъ впередъ, я выстрѣлю,—сказала Софья, и револьверъ не дрожалъ въ ея рукѣ.

Даевъ скользнулъ быстрымъ взглядомъ по всей фигурѣ дѣвушки, сдѣлалъ едва замѣтный шагъ впередъ.

IV.

Дѣвушка замѣтила движеніе Даева.

— Стойте!..—крикнула она.—Стойте или я спущу курокъ!.. Поберегите себя и меня!.. Если вы хотите непремѣнно пролить кровь, такъ пусть она будетъ пролита тамъ, гдѣ уже льется благородная кровь...

Даевъ стиснулъ руки, какъ-то болѣзненно дернулъ головою и опустился на колѣни, почти касаясь теперь дѣвушки.

— Сжальтесь надо мною!—заговорилъ онъ голосомъ, полнымъ тоски, отчаянія и страсти.—Я люблю васъ, Софья, люблю безумно, неудержимо, у меня нѣтъ силъ побѣдить свою необузданную страсть! Если вы окончательно оттолкнете меня—я сдѣлаю что-нибудь ужасное!.. Софья, вѣдь, тотъ, другой, котораго полюбили вы, покидаетъ васъ и вы останетесь одна, а вѣдь вы когда-то любили меня...

Дѣвушка, не то съ ужасомъ, не то съ отвращеніемъ смотрѣла на ползающаго у ея ногъ человѣка и отошла въ сторону.

— Я не останусь одна,—отвѣтила она.—Я поѣду туда же...

Даевъ взглянулъ на нее.

— Вы ѣдете на войну?—спросилъ онъ.

— Да...

Даевъ съ трудомъ поднялся съ колѣней, словно онъ былъ не молодой, сильный мужчина, а слабый старикъ.

Поднялся, провелъ по лицу рукою и сѣлъ на стулъ.

— Я не отпущу васъ! — безсмысленно вращая глазами, сказалъ онъ.

— Вы?..

— Да, да—я!.. Не насмѣхайтесь, не удивляйтесь — я найду средства удержать васъ... О, если бъ вы знали силу моей страсти!

Онъ опять стиснулъ руки и скрипнулъ зубами и въ свѣтло-голубыхъ холодныхъ глазахъ его загорѣлся огонь и любви и ненависти.

Страшенъ былъ взглядъ этого обезумѣвшаго отъ страсти человѣка, и дѣвушка потупилась, не выдержавъ этого взгляда.

— Зачѣмъ вы обманули меня?—продолжалъ Даевъ.

— Нѣтъ, я не обманывала васъ!.. Я дѣйствительно полюбила васъ одно время, но когда узнала, что вы злой, нехорошій человѣкъ, такъ любовь моя обратилась въ ненависть, и я прямо сказала вамъ объ этомъ... Я никогда не обманывала васъ и вы не смѣете говорить этого...

Дѣвушка отошла къ двери сосѣдней комнаты.

— Уходите, Даевъ; вамъ здѣсь больше дѣлать нечего,—сказала Софья.—У васъ остается возможность сдѣлать какое-нибудь страшное зло мнѣ или Аркадію, но подумайте о своей душѣ... Зло сдѣлать не трудно, но трудно загладить его... Вы говорите, что васъ охватила страсть, что вы обезумѣли отъ этой страсти; такая страсть—болѣзнь, а отъ каждой болѣзни есть лѣкарство; такъ вотъ и поищите такого лѣкарства... Вы молоды, сильны, рѣшительны, а такіе люди теперь особенно нужны; вотъ, вы и идите туда, гдѣ такіе люди нужны... Въ битвахъ со врагомъ, защищая честь и славу родной земли, сражаясь въ рядахъ нашихъ великихъ героевъ и страстотерпцевъ, вы излѣчитесь отъ своей страсти, да въ то же время и искупите всѣ ваши грѣхи, а на васъ ихъ много, очень много!.. Идите на войну, Даевъ, вы тамъ нужны и, быть можетъ, вы вернетесь оттуда инымъ, обновленнымъ человѣкомъ...

Злая улыбка исказила красивое лицо Даева.

— А вы будете наслаждаться счастьемъ съ господи-

номъ Латанинымъ?—спросилъ онъ.—Нѣтъ, ужъ если я и пойду на войну, такъ послѣ того, какъ помѣшаю вашему счастью...

Онъ всталъ, надѣлъ пальто, взялъ шляпу и трость.

— Да, Софья Васильевна,—я сперва разобью счастье моего счастливаго соперника, а потомъ ужъ, быть можетъ, и пойду искупать свои грѣхи на войну... До свиданья, Софья Васильевна, до скораго свиданья... Я надѣюсь, что мы съ вами еще увидимся...

Онъ низко, низко поклонился дѣвушкѣ и пошелъ къ двери.

Софья смотрѣла ему вслѣдъ и сердце ея сжалось тоскою и страхомъ,—что-то зловѣщее было во всей мощной фигурѣ этого человѣка, что-то страшное было въ его широкихъ плечахъ, въ его наклоненной головѣ, съ могучимъ затылкомъ, съ самой походкой его.

Софьѣ казалось, что онъ идетъ на какое-то страшное дѣло и стало жутко при мысли о томъ, что этотъ злой, рѣшительный человѣкъ пойдетъ искать свиданія съ тѣмъ, котораго она любитъ больше всего на свѣтѣ.

— Сергѣй Григорьевичъ!—крикнула она.

Даевъ оглянулся.

— Не дѣлайте зла Аркадію!—съ тоскою крикнула Софья.—Вѣдь онъ ничѣмъ не виноватъ передъ вами и онъ хорошій, онъ лучшій изъ людей!..

Даевъ тихо засмѣялся.

— Сказавъ эту похвалу господину Латанину, вы только усилили мою ненависть къ нему,—отвѣтилъ онъ.—Я не буду отрицать превосходныхъ качествъ господина Латанина, Софья Васильевна, но скажу, что ненавижу его глубоко; что же касается до вашихъ опасеній, такъ они пока неосновательны: ни сегодня, ни завтра, ни на этихъ дняхъ я не сдѣлаю господину Латанину никакого зла, — у меня для этого есть свои расчеты...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, подумалъ минутку и ничего не сказалъ, а снова, низко поклонившись дѣвушкѣ, вышелъ изъ комнаты.

Софья была увѣрена, что человѣкъ этотъ рѣшился на какой-то ужасный шагъ и она не ошиблась.

V.

Страшнымъ казался Софьѣ Сергѣй Григорьевичъ Даевъ, а между тѣмъ такъ недавно еще она любила его, была его невѣстою.

Окончивъ курсъ гимназіи, Софья Станина захотѣла поступить на высшіе курсы и ей надо было сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости.

Живя въ это время на дачѣ, Софья сдѣлала публикацію, приглашая преподавателя по латинскому языку и, вотъ, къ ней явился высокій красивый мужчина, непохожій ни на студента ни на скромнаго преподавателя, почти среднихъ лѣтъ, красивый, элегантно одѣтый, съ золотистою бородою во всю грудь, которая старила его, но очень къ нему шла.

Онъ назвался присяжнымъ повѣреннымъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Даевымъ и предложилъ свои услуги въ качествѣ преподавателя латинскаго языка.

— Вы, вѣроятно, ждали, барышня, по вашей публикаціи какого-нибудь студентика, а можетъ-быть, и гимназиста даже, и мой стариковскій видъ удивилъ васъ,—говорилъ явившійся преподаватель, улыбаясь и пронизывая дѣвушку холоднымъ взглядомъ своихъ свѣтло-голубыхъ глазъ.—Вы не смущайтесь, я буду хорошимъ преподавателемъ...

Молодая дѣвушка съ нѣкоторою робостью осматривала внушительную фигуру Даева, его элегантный костюмъ, его золотую цѣпочку съ массивными брелоками, брилліантовый перстень на лѣвомъ мизинцѣ.

— Я живу здѣсь же, на дачѣ,—продолжалъ Даевъ, подмѣтивъ этотъ взглядъ,—у меня много свободнаго времени, я люблю педагогическую дѣятельность, несмотря на то, что я юристъ, и я охотно буду заниматься съ вами, а за успѣхъ ручаюсь, если вы будете усердны...

Дѣвушка застѣнчиво заикнулась о скромной платѣ, которую ея родители могли предложить за уроки.

— Эта плата меня вполнѣ удовлетворяетъ, — поклонился Даевъ.

И вотъ онъ сталъ заниматься съ Софьей.

Очень скоро дѣвушка увлеклась своимъ преподавателемъ и юное сердце ея забилось первою любовью.

Чуть ли не въ третій урокъ Даевъ признался Софьѣ, что давно интересуется ею, что ея красота поразила его при первой же встрѣчѣ съ ней, на майскомъ дачномъ гуляньи, что онъ искалъ случая познакомиться съ дѣвушкою и очень обрадовался, когда на дачномъ полустанкѣ прочиталъ ея публикацію.

Уже въ серединѣ лѣта Софья любила Даева, а скоро онъ сдѣлалъ ей предложеніе, принятое, какъ дѣвушкою, такъ и ея родителями очень благосклонно.

Надо было думать о свадьбѣ, но Даевъ сказалъ, что онъ человѣкъ женатый и что ему надо хлопотать о разводѣ, который, впрочемъ, его не задержитъ, такъ какъ дѣло его подходитъ уже къ концу.

И вотъ тутъ-то стала узнавать Софья «нѣкоторыя черты изъ жизни Сергѣя Даева».

Ужасомъ повѣяло на дѣвушку отъ этихъ разсказовъ.

Оказалось, что Даевъ исключенъ изъ сословія за какія-то весьма некрасивыя продѣлки, что онъ завѣдомый шулеръ, что онъ, охваченный страстью къ Софьѣ, сперва всячески притѣснялъ свою молоденькую, хорошенькую жену, и потомъ истязалъ ее, довелъ до отчаянія и сплелъ вокругъ несчастной женщины такую паутину, что женщина эта покушалась даже на самоубійство.

Скоро всѣ эти слухи подтвердились и въ одинъ прекрасный день къ Софьѣ явилась жена Даева, несчастная, замученная женщина и все разсказала ей, предупреждая и предостерегая.

Еще раньше этого Софья начала чувствовать какой-то страхъ къ своему жениху и этотъ страхъ одно время уживался съ любовью къ Даеву въ ея сердцѣ.

Въ это же самое время Софья познакомилась съ Аркадіемъ Павловичемъ Латанинымъ, очень скоро увлеклась имъ, полюбила его, и мрачный образъ «огненнобородаго», какъ его многіе звали, Даева, застлался туманомъ, отходилъ все дальше и дальше и, наконецъ, любовь къ Даеву смѣнилась сперва ужасомъ, а затѣмъ—ненавистью.

Она отказала ему.

Въ это время Даеву пришлось, кажется, невольно покинуть Москву и онъ пропадалъ цѣлый годъ.

Минувшимъ лѣтомъ онъ снова явился на горизонтѣ жизни Софьи, но въ это время дѣвушка любила уже Латанина, была его невѣстою, назначили день свадьбы, но разразившаяся надъ Россіей и надъ цѣлымъ міромъ гроза, измѣнила всѣ планы, всѣ намѣренія и Латанинъ долженъ былъ уйти на войну.

Провожая своего жениха на поле битвы, Софья рѣшила покинуть высшіе курсы, куда она поступила, чтобы итти въ сестры милосердія и вотъ тутъ-то на ея дорогѣ выросла мрачная фигура отвергнутаго Даева.

Сердце дѣвушки сжималось тоскою, сжималось предчувствіемъ чего-то страшнаго и Даевъ наводилъ на нее ужасъ.

Она знала, что человѣкъ этотъ рѣшится на все и не ошиблась.

VI.

Аркадій Павловичъ Латанинъ отправился въ дѣйствующую армію.

Софья къ этому времени сдала экзаменъ на полученіе званія сестры милосердія и должна была ѣхать съ женихомъ, но у дѣвушки заболѣла мать и это обстоятельство удержало Софью въ Москвѣ на неопредѣленное время.

— Поѣзжай, милый,—говорила Софья жениху, прощаясь.—Поѣзжай дорогой, будь здоровъ, счастливъ и жди меня: какъ только мама поправится, такъ сейчасъ же я оправлюсь на передовыя позиціи, и Богъ дастъ, увижу тамъ тебя, найду здоровымъ...

Не легко было разставаться Латанину съ любимою дѣвушкою, но крѣпился и мужественно перенесъ разлуку, а какое-то тайное чувство подсказывало ему, что онъ еще увидитъ эту любимую дѣвушку, что его впереди ждетъ счастье, какъ оно ждетъ и всю Россію, обновленную Рос-

сію, побѣдившую своего врага и вышедшую на широкую, свѣтлую дорогу...

Эта увѣренность въ грядущемъ счастьи не мѣшала ему тревожиться за любимую дѣвушку и ждать для ней какой-то опасности со стороны остающагося въ Москвѣ Даева.

— Берегись, Соня, этого человѣка,—говорилъ Латанинъ.—Это жестокое и злое животное, но животное съ умомъ человѣка, онъ способенъ рѣшительно на все, и зло его не имѣетъ границъ!..

Дѣвушка улыбнулась и безпечно тряхнула головою.

— Не бойся, мой милый!.. Что онъ можетъ мнѣ сдѣлать?.. Онъ, вѣдь, какъ и всѣ низкіе, злые люды—трусъ, а я дала ему хорошую острастку...

Она поцѣловала жениха и пошутила:

— Богъ не выдастъ, Даевъ не съѣстъ!..

Тѣмъ не менѣе Латанинъ уѣзжалъ съ стѣсненнымъ сердцемъ, но скоро всѣ посторонніе мысли, мысли о домѣ, о милой Москвѣ, всѣ заботы личной жизни, даже о Софьѣ, отодвинулись на задній планъ подъ тѣми впечатлѣніями, которыя охватили молодого офицера сперва во время слѣдованія на театръ военныхъ дѣйствій, а затѣмъ и тамъ, на этомъ кровавомъ театрѣ.

Здѣсь ключомъ кипѣла иная жизнь, и подъ вліяніемъ этой жизни забывалось рѣшительно все, что интересовало и волновало ранѣе.

Уже въ Варшавѣ, куда пріѣхалъ Латанинъ, чувствовалась близость чего-то огромнаго, могучаго и страшнаго.

Тутъ всѣ были поглощены войною, всѣ жили однимъ чувствомъ, всѣ были, какъ одинъ человѣкъ.

Латанинъ представился своему начальству, получилъ назначеніе и на второй день пріѣзда въ Варшаву отправился къ нашимъ передовымъ линіямъ.

Всюду кипѣла жизнь полная, захватывающая и некогда было думать о чемъ-нибудь постороннемъ.

Съ одной изъ маленькихъ станцій Латанину пришлось ѣхать съ пожилымъ офицеромъ, который нѣсколько дней лѣчился въ Варшавѣ отъ простуды и теперь снова ѣхалъ на позиціи.

Офицеры ѣхали въ маленькой, очень неудобной еврейской таратайкѣ, запряженной парою жалкихъ лошадокъ, которыми управлялъ длинный, какъ жердь, тощій и немного смѣшной еврей.

Дорога была скверная, колеса таратайки увязали въ грязи по самыя ступицы, съ пасмурнаго неба моросилъ частый мелкій дождь, которому конца не предвидѣлось.

— Какой противный, надоѣдливый дождь,—обратился Латанинъ къ своему спутнику, кутаясь въ резиновый плащъ и стараясь, чтобы струи холоднаго дождя не проникали за воротникъ.

Спутникъ, покуривая трубочку и, кажется, не обращая никакого вниманія на дождь, засмѣялся.

— Это, батюшка, что за дождь,—отвѣтилъ онъ.— Вотъ, какъ попадемъ подъ «свинцовый дождь», такъ, дѣйствительно, будетъ чувствительно, а это—пустяки!.. «Дождь—не дубина, а мы—не глина»—не развалимся, а вотъ, подъ свинцовымъ-то дождемъ, такъ развалиться можно!..

— А страшно, капитанъ, подъ огнемъ?—спросилъ Латанинъ.

Капитанъ выпустилъ клубъ дыма.

— Конечно, милый, страшно,—отвѣтилъ онъ.—Сидишь, либо стоишь и знаешь, что каждую секунду тебѣ шальная пуля лобъ продырявитъ, либо въ брюхѣ засядетъ, такъ какъ же не страшно? Жизнь, батюшка, каждому дорога, ну, и жутковато...

— Но вотъ, однако, вы были уже въ огнѣ, были подъ этимъ «свинцовымъ дождемъ», а ѣдете такимъ веселымъ, безпечнымъ...

— А зачѣмъ же киснуть-то?.. Надо въ руки себя взять, отнюдь не надо давать себя во власть унынія, ибо къ этому долгъ солдата обязываетъ, да и удобнѣе это... Чему быть—тому не миновать, голубчикъ!.. И грустная рожа только на другихъ уныніе наводитъ... А, кромѣ того, во время боя, какъ-то забываешь обо всемъ и хочется только побѣдить, хочется только «верхъ взять», ну и идешь на любую опасность совершенно свободно... У меня вотъ, въ Россіи, въ Рязанской губерніи, матушка-старушка живетъ,

сестра, дѣвушка, обѣ онѣ существуютъ моею поддержкою; такъ какъ у нихъ тамъ лишь крошечный участочекъ землицы и маленькій домикъ, жаль ихъ; думаешь о нихъ, а какъ начнется бой, такъ только и думушки, что о своихъ солдатикахъ, да о томъ, какъ бы поганаго нѣмца вышибить. Вотъ сами скоро все увидите и испытаете... Ну, Лейба, погоняй своихъ клячъ, а то и въ самомъ дѣлѣ размокли мы всѣ!..

Еврей только усмѣхнулся и тряхнулъ своими пейсами, видя, что погонять по этой дорогѣ довольно мудрено.

VII.

Еврей, начавшій было, погонять своихъ лошадокъ, вдругъ круто осадилъ ихъ и приподнялся на козлахъ.

— Что ты?—спросилъ спутникъ Латанина.—Отказываются везти, что ли твои клячи?..

— Да нѣтъ же, ваше высокоблагородіе, нѣтъ!.. Да мои же лошади никогда еще работать не отказывались, потому какъ я и кормлю и пою ихъ и все такое...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А вонъ...

Еврей указалъ длиннымъ кнутомъ впередъ и, снявъ широкополую съ оборванными полями шляпу, сталъ жутко прислушиваться.

— Вже непріятельскій огонь виденъ и вже выстрѣлы слышны,—сказалъ онъ.

Латанинъ сталъ пристально вглядываться черезъ сѣтку дождя въ туманную даль и вдругъ въ этой дали, на фонѣ сѣраго низкаго неба, прозмѣилась лента огня, окончилась большимъ кругомъ, отъ котораго во всѣ стороны брызнули лучи, а черезъ нѣсколько секундъ раздался далекій, далекій, но какой-то зловѣщій и угрожающій звукъ...

— Вже стрѣляютъ,—обернулся къ сѣдокамъ еврей.

Пожилой офицеръ засмѣялся.

— Ступай, ступай, Лейба, — сказалъ онъ, закуривая свою неизмѣнную трубочку,—это еще далеко—не бойся...

Возница подумалъ минутку, почесалъ затылокъ, надѣлъ свою шляпу и снова тронулъ лошадокъ.

Минутъ черезъ сорокъ тихой ѣзды, огни выстрѣловъ стали видны и гдѣ-то очень недалеко, какъ казалось, рвались снаряды, сотрясая воздухъ.

— Вже пріѣхали! — рѣшительно объявился Лейба и осадилъ лошадей.

— Ну, пріѣхали — такъ пріѣхали! — согласился офицеръ и сталъ вылѣзать изъ таратайки, — ступай, Лейба, назадъ, а то и въ самомъ дѣлѣ, оторвутъ тебѣ нѣмцы твою пейсатую голову...

— Оторвутъ, ваше благородіе, оторвутъ, — съ добродушной улыбкой согласился Лейба. — Оторвутъ, у меня пять вотъ такихъ крошечныхъ еврейчиковъ и не можетъ кормить ихъ бѣдный еврей, когда ему оторвутъ голову, потому что безъ головы жить человѣку очень трудно!..

Офицеры пошли пѣшкомъ.

Здѣсь дорога круто подымалась на пригорокъ и грязи уже не было.

Черезъ полчаса оба офицера были у линіи окоповъ, которая расположилась на склонѣ пригорка, защищенная низкимъ, но частымъ кустарникомъ, а подъ самымъ пригоркомъ была вырыта длинная и узкая землянка-блиндажъ, защищенная толстыми бревнами съ наваленною на нихъ землею.

Изъ нашихъ окоповъ не стрѣляли, такъ какъ расположеніе непріятеля было довольно далеко и онъ недавно повелъ артиллерійскій бой, обстрѣливая не эти окопы, а позицію нашихъ, расположенную дальше отъ окоповъ и много правѣе.

Тѣмъ не менѣе, съ линіи окоповъ не только ясно были видны огни выстрѣловъ, но отъ грохота ихъ сотрясался воздухъ и вздрагивала земля подъ ногами.

Латанинъ напряженно смотрѣлъ на эти огни, слѣдилъ за полетами снарядовъ и прислушивался къ треску и грохоту, которыми сопровождался взрывъ снаряда.

— Ну, пойдемъ въ блиндажъ, — обратился къ Латанину спутникъ, тамъ чаишко есть, можетъ, у господъ офицеровъ «горячительное» что-нибудь найдется и весьма

даже пріятно будетъ сейчасъ въ теплѣ посидѣть и чѣмъ-нибудь нутро согрѣть, мы еще съ вами не познакомились— капитанъ Яковъ Максимовичъ Сахаровъ.

Латанинъ назвалъ свою фамилію и очень крѣпко пожалъ руку капитану, который очень понравился ему.

Они, согнувшись въ три погибели, вошли въ низенькую дверцу землянки.

Пахнуло тепломъ, человѣческимъ потомъ, запахомъ махорки и прѣлымъ чаемъ.

Низенькая землянка была освѣщена двумя керосиновыми лампочками, прикрѣпленными на бревенчатомъ потолкѣ, и въ ней, въ этой землянкѣ, помѣщалось человѣкъ тридцать солдатъ и два офицера.

Солдатики сидѣли и лежали на кое-какъ примощенныхъ доскахъ, а налѣво отъ входа, за сколоченнымъ изъ досокъ столикомъ, на деревянныхъ обрубкахъ сидѣли два совсѣмъ молоденькіе офицера въ однѣхъ сорочкахъ, но почему-то въ папахахъ.

Предъ офицерами кипѣлъ большой мѣдный чайникъ и стояли два, налитые чаемъ, стакана.

Одинъ изъ офицеровъ пилъ чай, покуривая трубку, а другой, низко склонившись надъ столикомъ, что-то писалъ.

— Встать, — скомандовалъ унтеръ-офицеръ, увидавъ вошедшихъ офицеровъ.

— Здорово, ребята,—поздоровался съ ними капитанъ Сахаровъ,—господамъ офицерамъ почтеніе...

— Капитанъ!.. Яковъ Максимовичъ,—весело привѣтствовали оба офицера капитана.—Выздоровѣли, вернулись!..

— Какъ видите, а это вотъ вамъ новый товарищъ, — прапорщикъ Аркадій Павловичъ Латанинъ...

Офицеры радушно поздоровались съ Латанинымъ и назвались—одинъ поручикомъ Иваномъ Ивановичемъ Мухинымъ, а другой Степаномъ Николаевичемъ Касаткинымъ.

Назвались, опять пожали руки вошедшихъ и принялись угощать ихъ.

VIII.

Капитанъ, выпивъ два стакана чаю съ ромомъ, который нашелся у офицеровъ, всталъ, кряхтя подошелъ къ солдатамъ и велѣлъ имъ «посторониться немножко».

— Прилягу,—говорилъ онъ, закуривая трубочку.—Ревматизмъ проклятый разыгрался отъ этой погоды скверной, все болитъ, все ноетъ... Охъ, старость, старость!..

— Брось свое безконечное письмо, Мухинъ! — обратился одинъ изъ молодыхъ офицеровъ къ другому. — Пишетъ, пишетъ, а написать не можетъ!..

Мухинъ какъ-то застѣнчиво, по-дѣтски улыбнулся.

— Мамѣ пишу, въ Вологодскую губернію, — сказалъ онъ. — Давно не писалъ, мама ждетъ вѣсточки, вотъ я и собрался, наконецъ... Пишу, что живъ и здоровъ, прошу къ веснѣ парочку лошадей купить—хозяйство у насъ небольшое въ деревнѣ, я самъ занимался имъ...

Латанинъ пилъ чай, курилъ папиросы и смотрѣлъ на этихъ молодыхъ офицеровъ, смотрѣлъ на капитана, который старался поютнѣе улечься и заснуть, смотрѣлъ на солдатиковъ, которые разговаривали вполголоса, шутили, посмѣивались, слушали какую-то смѣшную сказку и временами, немного стѣсняясь господъ офицеровъ, принимались сдержанно, но заразительно весело хохотать.

— Какъ же это они? — думалъ Латанинъ. — Вѣдь, каждую секунду они идутъ въ бой, гдѣ смерть такъ и смотритъ въ глаза, такъ и караулитъ каждаго, а они веселы, безпечны, они, кажется, совсѣмъ не думаютъ объ опасности...

Онъ посмотрѣлъ на капитана, который все еще кряхтѣлъ и ворочался, страдая отъ разгулявшагося ревматизма.

— А вы, капитанъ, какой теоріи придерживаетесь?— обратился Латанинъ къ нему.

— Что вы думаете объ опасности, о возможности быть завтра убитымъ?

Капитанъ пыхнулъ трубочкою.

— А никакой, батюшка, я теоріи не придерживаюсь!— безпечно отвѣтилъ онъ.—Какая еще тамъ теорія? Прила-

ли насъ сюда нѣмцевъ бить, ну и должны мы ихъ бить и чѣмъ больше мы будемъ ихъ бить, чѣмъ скорѣе доколотимъ ихъ всѣхъ, тѣмъ лучше,—вотъ и все!..

— Ну, а мысль о смерти, никогда не приходитъ вамъ въ голову?—продолжалъ Латанинъ. — Объ опасности вы не думаете?..

Капитанъ опять пыхнулъ трубочкою.

— Да что же думать-то?.. Думай ни думай, а коли придется умереть, такъ умрешь... Опасность!.. А гдѣ ея нѣтъ, милый вы мой, прапорщикъ?.. Я помню какъ года три тому назадъ пошли мы на стрѣльбу, былъ съ нами поручикъ Захаровъ, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, счастливый женихъ, невѣста у него имѣлась красавица и богатая и вотъ онъ, отправляясь изъ лагерей на стрѣльбу, послалъ къ этой невѣстѣ солдатика съ записочкой и букетомъ цвѣтовъ, обѣщая прiѣхать къ обѣду и прося приготовить ему какое-то любимое блюдо... Пришли мы на стрѣльбу, стали палить, поручикъ Захаровъ наблюдалъ за молодыми солдатами, наклонился къ одному изъ нихъ, направляя винтовку, солдатикъ выстрѣлилъ, а въ стволѣ винтовки былъ свищъ и ее разорвало да поручика нашего, насмерть осколкомъ ствола и ухлопало,—вотъ вамъ и опасность!.. Выходитъ поэтому, что о смерти надо думать и тогда, когда ѣдешь въ трактиръ обѣдать, потому, что можетъ въ какой-нибудь этакой котлетѣ а-ля-марешаль косточка попасться, застрять въ горлѣ и въ лучшемъ видѣ тебя на тотъ свѣтъ отправить... Хе, хе, хе... Вотъ вамъ, сударь, и опасность, вотъ вамъ и смерть!.. У меня дядя, покойникъ, подъ Севастополемъ былъ, турецкую кампанiю сдѣлалъ и вернулся цѣлехонекъ, хоть бы тебѣ царапинка какая, а другой дядюшка, великiй заботникъ о животѣ своемъ, поѣхалъ поля на бѣговыхъ дрожкахъ осматривать, пустилъ молодого конька во весь махъ, да на какой-то перемоинѣ ось сломалъ, чебурахнулся головою подъ ноги лошади и привезла его лошадь на возжахъ мертвымъ и изуродованнымъ!.. Такъ-то вотъ, батюшка, такъ-то!..

Капитанъ повернулся на другой бокъ, отдалъ солдатику закурить трубочку и, кажется, задремалъ.

Въ блиндажъ все еще доносились звуки орудійныхъ выстрѣловъ и бревенчатая крыша блиндажа сотрясалась, а порою сквозь щели бревенъ осыпалась земля.

Все сильнѣе и сильнѣе гремѣла канонада, которая слилась затѣмъ въ одинъ сплошной гулъ.

— Наступленіе,—сказалъ одинъ изъ офицеровъ.—Это они всегда такъ — разведутъ страшный артиллерійскій огонь, подготовятъ имъ наступленіе и идутъ въ атаку.

И только что онъ успѣлъ проговорить эти слова, какъ на крышѣ блиндажа затрещала частая дробь барабана.

— Тревога!—крикнулъ поручикъ Мухинъ и вскочилъ.

Въ одинъ мигъ повскакали солдаты, надѣли амуницію, схватили ружья и побѣжали изъ блиндажа.

Капитанъ Сахаровъ поднялъ голову, оглянулся и тоже сталъ быстро подниматься, кряхтя и охая.

Откуда-то совсѣмъ близко доносились бѣшеные злобные крики и частая ружейная стрѣльба.

IX.

Нѣмцы, значительно превышая нашихъ количествомъ, устремились атаковать окопы.

Когда Латанинъ, вмѣстѣ съ капитаномъ и молоденькими офицерами, выбѣжалъ изъ блиндажа, шла еще перестрѣлка нашихъ съ нѣмцами.

Бѣглый ружейный огонь трещалъ по всей линіи нашего окопа, а съ праваго фланга его частыми перебоями тарахтѣлъ пулеметъ,—словно горохъ на желѣзный листъ сыпался.

Капитанъ Сахаровъ поднялся на глинистый гребень окопа, поднялся не безъ труда, продолжая кряхтѣть и охать отъ разгулявшагося ревматизма, остановился, перевелъ духъ и, не торопясь, вынулъ изъ ноженъ желѣзную и довольно-таки тупую шашку.

— Впередъ, молодчики!—крикнулъ онъ звонкимъ, возбуждающимъ голосомъ и, несомнѣнно, призывный кличъ этотъ отзывался во всѣхъ солдатскихъ сердцахъ.

— Ура!...

— Ура-а-а!—дружно отвѣтили солдаты и побѣжали впередъ, обгоняя капитана, который тоже бросился бѣжать.

Латанинъ, какъ-то помимо своей воли, тоже побѣжалъ, крѣпко сжимая въ рукѣ великолѣпную остроотточенную шашку, которую онъ пріобрѣлъ въ Москвѣ у одного любителя и собирателя оружія.

Латанинъ догналъ капитана и поравнялся съ нимъ.

— Съ Богомъ, батюшка!—крикнулъ ему капитанъ, весело, молодецки подмигивая правымъ глазомъ, точно онъ поощрялъ молодого офицера, начинающаго дѣлать какуюнибудь замысловатую фигуру мазурки.

Латанинъ кивнулъ ему головою и далеко оставилъ за собою.

Онъ совершенно не думалъ теперь, что бѣжитъ навстрѣчу разъяренному и вооруженному врагу, который стрѣляетъ въ него на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, который бѣжитъ на него съ ружьемъ, взятымъ «на перевѣсъ» и страстно желаетъ пронизать его штыкомъ этого оружья.

Ничего этого не думалъ Латанинъ, вообще ничего не думалъ и бѣжалъ, повинуясь инстинкту, громко крича, и стараясь, какъ можно скорѣй перебѣжать то пространство, которое отдѣляло его отъ темной, ревущей массы, наступающаго непріятеля.

Фигуры бѣгущихъ съ крикомъ солдатъ были видны лишь слабыми очертаніями, а лицъ такъ и совсѣмъ нельзя было разглядѣть, но порою надъ головами вспыхивали огни рвущихся снарядовъ и тогда на секунду можно было разглядѣть и фигуры и лица, до мельчайшихъ подробностей.

Одну секунду, при свѣтѣ разорвавшагося снаряда, Латанинъ увидалъ лица двухъ новыхъ знакомыхъ своихъ офицеровъ, которые бѣжали рядомъ плечо къ плечу.

Оба эти молодыя лица, выражали, вѣроятно, то же самое чувство неопредѣленности, которое охватывало и Латанина.

— Впередъ!—крикнулъ Латанину поручикъ Мухинъ, тоже разглядѣвъ его лицо, при мимолетномъ свѣтѣ разорвавшагося снаряда.

И вдругъ, какъ-то неожиданно, хотя ожидать этого

надо было каждую секунду, Латанинъ увидалъ передъ собою лица враговъ.

Съ блестящими мѣдью касками, замелькали передъ нимъ незнакомыя, чуждыя лица, съ безумно вытаращенными глазами, съ раскрытыми для крика ртами, съ сверкающими въ рукахъ ружьями.

Тамъ и тутъ вокругъ Латанина падали люди.

Падали и эти люди съ касками съ мѣдными украшеніями, падали и люди съ знакомыми, милыми лицами, въ фуражкахъ «защитнаго цвѣта».

Человѣкъ въ каскѣ, съ большими пушистыми рыжими усами, съ краснымъ искаженнымъ не то злобою, не то страхомъ лицомъ, бросился на Латанина, замахнувшись прикладомъ ружья.

Одинъ мигъ и тяжелый дубовый прикладъ раздробилъ-бы голову Латанину, но Латанинъ подставилъ шашку, прикладъ скользнулъ по этой шашкѣ, потерявъ свою силу, отошелъ влѣво, а Латанинъ въ тотъ же мигъ сдѣлалъ шашкою полуоборотъ и изо всѣхъ силъ ударилъ по усатой головѣ съ лѣвой ея стороны.

Голова качнулась, покрылась чѣмъ-то жидкимъ и темнымъ и словно пропала въ воздухѣ, а на рукѣ, стискивающей шашку, Латанинъ почувствовалъ что-то теплое и темное.

Латанинъ бросился впередъ, споткнулся объ упавшаго къ нему подъ ноги нѣмца, чуть не упалъ, но справился и побѣжалъ дальше.

И опять передъ нимъ были искаженныя злобою и страхомъ лица, а мимо мелькали лица нашихъ солдатъ и слышался непрерывный гулъ криковъ, лязгъ ружей, стоны и трескъ, страшный трескъ, въ которомъ Латанинъ какъ-то безсознательно узнавалъ трескъ разбиваемыхъ прикладомъ череповъ.

Онъ бѣжалъ и бѣжалъ впередъ, думая лишь о томъ, что бѣжать впередъ нужно, что этого требуетъ его долгъ.

X.

Бой разгорался.

Всѣ сражающіеся вмѣстѣ и каждый человѣкъ порознь разгорались одною страстью—сокрушать и бить, бить и сокрушать.

Всѣ другія чувства отошли на задній планъ, даже, быть можетъ, совершенно исчезли.

Никто не думалъ объ опасности, никто не жалѣлъ врага, да никто не жалѣлъ и самого себя.

Латанинъ все бѣжалъ впередъ, размахивая шашкой, опуская ее порою на голову враговъ или безсознательно, инстинктивно, защищаясь ею отъ ударовъ.

Кто-то впереди Латанина закричалъ звонкимъ, заглушающимъ шумъ битвы голосомъ: «Побѣда, побѣда..»

Этотъ крикъ возбудилъ и воодушевилъ всѣхъ.

— Побѣда, побѣда, ура!..—закричали кругомъ десятки голосовъ и всѣ ринулись впередъ съ новымъ увлеченіемъ, съ новой страстью.

Врагъ былъ дѣйствительно побѣжденъ.

Теперь Латанинъ не видѣлъ уже людей въ каскахъ, бѣгущихъ ему навстрѣчу, а видѣлъ ихъ или въ спину, скрывающихся въ паническомъ ужасѣ, или—бросающихъ ружья и подымающихъ руки вверхъ.

Враги бѣжали или сдавались въ плѣнъ.

Шумъ битвы затихалъ, какъ затихаетъ кончившаяся буря.

Тамъ и сямъ слышались рѣзкіе отрывистые выстрѣлы; гдѣ-то недалеко продолжали еще гремѣть орудія.

Латанинъ остановился, запыхавшись, оперся на окровавленную шашку и сталъ смотрѣть кругомъ.

Точно празднуя конецъ битвы, стала разгуливаться погода, туманъ разсѣялся, дождь пересталъ и стало гораздо свѣтлѣе.

Въ бѣлесоватомъ свѣтѣ, въ холодномъ воздухѣ, было какъ-то жутко, пожалуй, болѣе жутко, чѣмъ въ самый разгаръ битвы.

Теперь здѣсь царила смерть.

Вездѣ, куда хваталъ взглядъ, были видны тѣла мертвыхъ людей, перемѣшанныя съ живыми еще, но тяжело ранеными.

Раздавались стоны этихъ раненыхъ.

— Ну, вотъ, батюшка, и окрестились, и вы бывали подъ свинцовымъ дождемъ,—услыхалъ Латанинъ знакомый голосъ.

Латанинъ вздрогнулъ отъ этого голоса, оглянулся и увидалъ капитана Сахарова.

Капитанъ казался усталымъ, на лицѣ его играла веселая улыбка и онъ, какъ-то беззаботно, набивалъ табакомъ свою неизмѣнную трубочку.

Набилъ и сталъ закуривать.

— Да, ну тебя,—не мѣшай!—сердито крикнулъ онъ вѣтру, который задувалъ у него спички.—Седьмую спичку трачу и никакъ закурить не могу.

Латанина удивило, что капитанъ можетъ считать спички, когда кругомъ лежало множество несчитанныхъ убитыхъ и раненыхъ.

Наконецъ, онъ закурилъ и пыхнулъ трубочкою, дымокъ которой пріятно защекоталъ обоняніе Латанина.

Латанинъ закурилъ папироску и съ наслажденіемъ затянулся.

— Ну, что—не страшно, вѣдь, было?—спросилъ капитанъ.

Латанинъ не зналъ, что ему отвѣтить, такъ какъ самъ не понималъ, было ему страшно или нѣтъ.

— Молодцомъ, батюшка, дѣйствовали,—продолжалъ капитанъ.—Сочту пріятнымъ долгомъ представить васъ къ наградѣ... Георгія еще не заслужили пока, а анненскій темлячекъ на шашку получите...

— За что?—удивился Латанинъ.

— Какъ «за что?».. За храбрость, за лихую работу,—я, вѣдь, батюшка, видѣлъ, какъ вы впередъ рвались, рубили нѣмца и увлекали за собою солдатъ...

— А я этого ничего и не помню,—усмѣхнулся Латанинъ.—Мнѣ казалось, что меня солдаты увлекали...

— Хе, хе, хе... Вы—ихъ, а они—васъ, стало быть взаимно другъ друга увлекали.

Къ нимъ подошелъ поручикъ Касаткинъ.

— Вотъ тоже молодчага,—улыбнулся въ его сторону капитанъ.—Вѣдь юноша, совсѣмъ «юноша, ровесникъ младымъ цвѣтущимъ деревамъ», какъ это въ пѣснѣ поется, а дрался, какъ левъ!.. Экая у насъ молодежь славная, ей-Богу! На иного смотришь въ мирное время и думаешь, что онъ только польку-мазурку умѣетъ танцовать, да барышнямъ комплименты говорить, надушится всякими одеколонами, усики кольчикомъ завьетъ, бѣленькія перчаточки надѣнетъ и шаркаетъ лакированными сапожками по паркету, ну и думаешь, глядя на него, охъ, плохой изъ тебя воинъ будетъ!.. А онъ, глядишь, львомъ дерется, въ самое пекло идетъ, смерть, опасность презираетъ и окажется такимъ героемъ, что въ ножки ему поклониться хочется... А солдаты-то, солдаты-то, что это за герои!.. Иному курносому рязанцу грошъ цѣна на первый взглядъ, думаешь, что онъ при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ зареветъ, какъ баба, а онъ тебѣ—герой!..

У капитана даже глаза заискрились при этихъ рѣчахъ и онъ оглядывался кругомъ съ восхищеніемъ.

— А что нашего милаго Ивана Ивановича Мухина не видать?—спросилъ онъ.—Тоже молодецъ, тоже герой...

— Да, Вани что-то не видать,—проговорилъ поручикъ Касаткинъ,—ужъ не раненъ-ли онъ, не лежитъ-ли гдѣ-нибудь?

— Богъ милостивъ!—отозвался капитанъ и оглянулся назадъ.

Кругомъ копошились наши солдаты, подбирая раненыхъ.

XI.

Къ капитану Сахарову подошелъ фельдфебель его роты.

— Ну, что, Платоновъ? — обратился къ нему капитанъ.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, хоть и потеряли мы нашихъ, а нѣмца разбили,—отвѣтилъ фельдфебель, держа руку подъ козырекъ.

— Безъ потерь, братъ, не обойдешься, — ничего не подѣлаешь.—Посчитали нашихъ-то?..

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, а только не всѣхъ еще, потому какъ фронтъ развернулся далеко и всего поля еще не осмотрѣли... Варварчукъ убитъ, ваше высокоблагородіе, Кисточкинъ Иванъ, Пармeновъ, Кропинъ тяжело ранены, а пять человѣкъ легко ранены...

Перечисляя убитыхъ солдатиковъ, фельдфебель вздохнулъ и въ глазахъ его заискрились слезинки.

— Ну, царство небесное бравымъ товарищамъ нашимъ, положившимъ животъ свой на полѣ брани за царя и отечество! — широко перекрестился капитанъ. — Поручика Мухина что-то не видать!—поискать бы его надо...

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, — ихъ не видать... Такъ что сейчасъ санитары прибыли съ перевязочнаго пункта и пошли вонъ туда, за тѣ кустики. Прикажете, ваше высокоблагородіе, и мнѣ идтить?..

— Да, да,—всѣ вмѣстѣ пойдемъ...

Фельдфебель посторонился немного, пропустилъ мимо себя господъ офицеровъ и пошелъ за ними.

Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе и теперь ясно были уже видны трупы убитыхъ.

Латанинъ съ содроганіемъ смотрѣлъ на мертвыя лица и вотъ только теперь стало ему жутко, и тоскою сжималось его сердце.

Убитые лежали навзничь и ничкомъ, раскинувъ руки или судорожно скорчивъ ихъ въ предсмертной агоніи, уцѣпившись закостенѣлыми пальцами то за свою одежду, то за мокрую, орошенную кровью траву.

Латанинъ старался не смотрѣть на эти трупы, но какая-то невѣдомая сила заставляла его то и дѣло оглядываться на нихъ и онъ оглядывался, содрогаясь и болѣзненно сжималось его сердце.

Капитанъ Сахаровъ смотрѣлъ только впередъ и, прихрамывая, шелъ, не переставая дымить своею трубочкой.

Навстрѣчу къ нимъ подошелъ нашъ солдатикъ.

— Поручикъ Мухинъ убитъ, ваше высокоблагородіе,— доложилъ онъ, ставъ во фронтъ.

Латанинъ вздрогнулъ весь, поручикъ Касаткинъ перекрестился, а капитанъ сурово сдвинулъ брови.

— Гдѣ?—отрывисто спросилъ онъ.

— Вотъ тутъ, подъ горкой, ваше высокоблагородіе.

Офицеры, сопровождаемые фельдфебелемъ и солдатиками, быстро пошли къ указанному мѣсту.

— Вотъ они,—сказалъ солдатикъ, забѣгая впередъ.

Мухинъ лежалъ на спинѣ.

При свѣтѣ начинающагося утра хорошо было видно это молодое, красивое лицо.

На лицѣ этомъ застыла улыбка и ничего страшнаго, отталкивающаго оно не представляло изъ себя. Красивый юноша словно спалъ и видѣлъ какой-нибудь пріятный сонъ.

Лѣвая рука была откинута, правая лежала на груди и подъ нею темнѣло большое пятно запекшейся уже крови, которая виднѣлась и на поляхъ шинели и кругомъ, на травѣ.

Поручикъ былъ убитъ ударомъ штыка въ лѣвую сторону груди на четверть повыше пояса.

Всѣ сняли фуражки, перекрестились и долго, долго стояли молча.

Подошли санитары, подняли убитаго и понесли.

Когда Латанинъ и другіе офицеры вернулись въ свой блиндажъ, тамъ вѣстовой приготовилъ уже чай и аппетитно пахло этимъ чаемъ и все кругомъ было такъ мирно, ничто не напоминало тутъ о битвѣ, о крови, о смерти.

Латанинъ взглянулъ на тотъ столикъ, за которымъ видѣлъ вечеромъ поручика Мухина.

На разбитомъ чайномъ блюдечкѣ лежали окурки папиросъ, выкуренныхъ убитымъ поручикомъ и тутъ же, прикрытое коробкою изъ-подъ папиросъ, лежало начатое поручикомъ письмо матери.

Это недоконченное убитымъ письмо защемило сердце Латанина такою тоскою, что онъ не могъ удержаться, присѣлъ къ столу, уронилъ голову на руки и зарыдалъ.

— Ну, что это вы, голубчикъ? — обратился къ нему капитанъ Сахаровъ. — Перестаньте, милый!.. Плачутъ только бабы да дѣти, а мы солдаты, намъ плакать не

полагается... Ну, убили, такъ что жъ изъ этого?.. Помолится за него осиротѣлая матушка, потоскуетъ, но скоро утѣшится тѣмъ, что сынъ ея умеръ геройскою смертью, что онъ получитъ за свой подвигъ великую награду на томъ свѣтѣ и это утѣшитъ старушку и скоро безъ тоски, а лишь съ любовью будетъ вспоминать она своего милаго мальчика.

Такъ утѣшалъ капитанъ Сахаровъ своего подчиненнаго молодого офицера, а у самого, у него стояли въ глазахъ слезы, съ которыми онъ напрасно боролся.

Подали чай, которымъ и занялись офицеры на этомъ самомъ столикѣ.

Послѣ чая капитанъ и поручикъ Касаткинъ легли спать, совѣтуя Латанину послѣдовать ихъ примѣру, но Аркадій Павловичъ рѣшительно не могъ спать и, примостившись къ столику, сѣлъ писать письмо своей невѣстѣ.

XII.

Письмо Латанина застало Софью въ слезахъ.

Въ этотъ день дѣвушка встала очень рано, сходила къ ранней обѣднѣ, — она ежедневно молилась за отсутствующаго жениха и за побѣды русскаго оружія, — вернулась бодрая, веселая, успокоенная молитвою и сѣла было, напившись чаю, писать письмо жениху, что она дѣлала тоже ежедневно, какъ къ ней вошла горничная Саша.

Софья досадливо нахмурила брови, — она не любила, когда ей мѣшали писать ея длинныя горячія письма жениху.

— Простите, барышня, что я помѣшала вамъ,—заговорила Саша. — Я знаю, что вы не любите, когда вамъ мѣшаютъ...

— Ничего, ничего, Саша,—отвѣтила Софья съ улыбкою, желая ободрить очень любимую ею горничную.—Что тебѣ надо?..

— Да этотъ тамъ пришелъ...

Саша нахмурилась и даже ногою топнула.

Софья вопросительно взглянула на нее.

— Кто это?

— Да вотъ этотъ... рыжій этотъ, противный... Даевъ господинъ.

Софья поблѣднѣла и встала, глаза ея сверкнули гнѣвомъ и она заговорила тономъ, совсѣмъ ей несвойственнымъ, голосомъ строгимъ, заговорила такъ, какъ никогда не говорила съ любимою дѣвушкою своею.

— Да, вѣдь, я же приказала тебѣ, Александра, никогда не принимать этого господина, вѣдь, я же сказала тебѣ, чтобы ты говорила этому господину прямо и опредѣленно: «г-о-с-п-о-д-а н-е п-р-и-к-а-з-а-л-и васъ принимать!..» Почему же ты не исполняешь моихъ приказаній?.. Если ты, Саша, хочешь служить, такъ ты точно исполняй, что тебѣ приказываютъ!..

У бѣдной Саши засверкали слезы.

— Господи, да что же мнѣ съ нимъ дѣлать, барышня?.. Вѣдь, я ему, проклятому, такъ и сказала, а онъ говоритъ, что войдетъ силою, если я не доложу, такъ что же съ нимъ, барышня, подѣлаешь?.. Я говорю, что закричу, дворниковъ кликну, а онъ исказилъ свою рыжую харю, словно дьяволъ какой, прости Господи, да левольверъ и показываетъ. «А, говоритъ, тогда твоего дворника тутъ же на крыльцѣ ухлопаю!» Ну, я и пошла...

Саша тихо заплакала, а Софья долго стояла молча.

Глаза ея горѣли гнѣвомъ, губы нервно вздрагивали и вся она дрожала мелкой дрожью.

— Ну, не плачь, милая Саша,—подошла она къ дѣвушкѣ,—я напрасно тебя обидѣла, не сердись, не плачь... Папа и мама еще спятъ?..

— Почиваютъ еще...

— Такъ попроси господина Даева въ гостиную...

Саша всхлипнула еще разъ, вытерла слезы фартукомъ и пошла.

Черезъ нѣсколько минутъ Софья, оправившись передъ зеркаломъ и совладавъ съ собою, вышла въ гостиную.

Даевъ стоялъ неподалеку отъ выходныхъ дверей, опираясь рукою на спинку кресла.

Онъ былъ въ драповомъ пальто и въ высокихъ сапо-

гахъ; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ шапку и рука эта у него замѣтно дрожала.

На блѣдномъ лицѣ не было ни кровинки, свѣтло-голубые глаза сверкали холоднымъ блескомъ стали и въ нихъ трудно было прочесть—любитъ ли онъ безумно, ненавидитъ ли онъ до ужаса.

Когда Софья вошла въ гостиную, Даевъ притворилъ выходную дверь и, такимъ образомъ, остался съ дѣвушкою глазъ на глазъ.

Софьѣ было такъ же страшно съ этимъ человѣкомъ, какъ было бы страшно въ клѣткѣ съ тигромъ, но она мужественно совладала съ собой, окинула непрошеннаго гостя презрительнымъ взглядомъ и надменно спросила:

— Что вамъ угодно, господинъ Даевъ?.. Я не знаю— негодовать ли на васъ за вашу наглость или презирать васъ за совершенное отсутствіе въ васъ всякаго самолюбія... Вамъ отказали отъ дома, вамъ прислуга говоритъ, что васъ «не приказано» пускать, та же прислуга передъ вашимъ носомъ захлопываетъ дверь, а вы все же идете!.. Господинъ Даевъ, очевидно на васъ не дѣйствуютъ обычные пріемы, употребляемые при сношеніи съ культурными людьми, такъ, вѣдь, есть иныя мѣры воздѣйствія, — въ благоустроенныхъ городахъ есть полиція, есть судъ...

Даевъ провелъ правой рукою по лицу и тряхнулъ головою.

— Какой я культурный человѣкъ,—съ горькою усмѣшкою отвѣтилъ онъ.—Я—дикарь!.. Я такъ безумно люблю васъ, моя страсть достигла такихъ предѣловъ, что я забылъ все на свѣтѣ! Софья Васильевна, я окончательно потерялъ надежду на то, что вы полюбите меня, что вы будете моею и прошу васъ лишь объ одномъ: позвольте мнѣ временами видѣть васъ, смотрѣть на васъ, дышать съ вами однимъ воздухомъ!..

Голосъ его задрожалъ, спазмы въ горлѣ душили его, по блѣдному лицу потекли слезы.

Софьѣ стало жаль этого несчастнаго человѣка.

«Онъ сейчасъ убьетъ или меня или себя»—подумала Софья.

Но она теперь не боялась уже этого человѣка и толь-

ко жалѣла его, какъ жалѣютъ тяжко больного, хотя бы этотъ тяжко больной былъ до сихъ поръ самымъ лютымъ врагомъ.

Она подошла къ Даеву.

XIII.

Долго смотрѣла Софья на своего страннаго гостя, не зная, что сказать ему.

Онъ тоже молчалъ.

Вдругъ Софьѣ пришло въ голову, что этотъ человѣкъ, охваченный дикою страстью и потерявшій всѣ надежды на обладаніе любимой женщиной, можетъ убить эту женщину.

Эта мысль пришла Софьѣ въ голову еще въ первый моментъ прихода въ гостиную, но страхъ за жизнь на нѣкоторое время какъ бы парализовался чувствомъ жалости къ несчастному Даеву, и вотъ теперь эта мысль опять охватила дѣвушку.

Охватила мысль о возможности смерти и въ то же время захотѣлось страстно жить, жить для того, чтобы любить, чтобы принести счастье любимому человѣку, чтобы итти туда, гдѣ лучшіе люди страны проливаютъ свою кровь.

Софья съ поблѣднѣвшимъ лицомъ отодвинулась отъ Даева и испуганно оглянулась кругомъ, какъ бы ища защиты.

Онъ горько усмѣхнулся.

— Вы, кажется, боитесь меня и думаете, что я васъ могу убить?—проговорилъ онъ.—Не бойтесь!.. Теперь, во всякомъ случаѣ, я не убью васъ, такъ какъ...

Онъ не договорилъ и упалъ на колѣни.

— Вѣдь я все еще не теряю надежды!..—какъ-то простоналъ онъ, протягивая къ дѣвушкѣ руки.—Полюбите меня!.. Вѣдь, я лучше того, другого,—я сильнѣе его и любовь моя сильнѣе... Онъ самый обыденный человѣкъ мѣщанства, а я и силенъ, и смѣлъ, и страсти мои могучи!.. Я вамъ дамъ такое счастье, какое вамъ не снилось и во

снѣ!.. Полюбите меня, будьте моею!.. Быть-можетъ, того уже нѣтъ на свѣтѣ и вы любите того, кто теперь лежитъ бездыханнымъ трупомъ!..

Софья дрогнула вся...

— Нѣтъ, нѣтъ—онъ живъ!—воскликнула она, отмахиваясь руками, какъ отъ чего-то страшнаго, надвигающагося на нее.—Онъ живъ и я люблю его, а васъ я боюсь и ненавижу васъ!.. Встаньте и уходите!..

Даевъ поднялся, пошатнулся и безсильно опустился на кресло, за спинку котораго онъ передъ этимъ держался.

Онъ опять показался Софьѣ только жалкимъ и опять не было въ ней никакого страха.

Она тоже сѣла неподалеку отъ Даева и заговорила.

— Сергѣй Григорьевичъ,—чего вы добиваетесь?.. Я когда-то любила васъ, но это было увлеченіе, отъ котораго ничего не осталось... Примиритесь же съ этимъ и забудьте меня... Если вы, дѣйствительно, такъ сильно любите меня, такъ вѣдь вы должны же и уважать меня и жалѣть... Знаете, что я скажу вамъ?.. Считайте меня умершею, вообразите, что я умерла, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ; вы скоро привыкните къ этой мысли и ваша страсть пройдетъ; а вѣдь я дѣйствительно умерла для васъ...

Она встала.

— Уходите, Сергѣй Григорьевичъ, прощайте, навсегда прощайте!—мы больше не должны видѣться никогда...

Она пошла изъ комнаты.

— Нѣтъ, мы увидимся! — крикнулъ ей въ догонку Даевъ.

Она остановилась въ дверяхъ и оглянулась.

— Мы увидимся, Софья!.. Слышите?.. Если вы не хотите принадлежать мнѣ добровольно, такъ я возьму васъ силою!..

— Сумасшедшій!—вырвалось у Софьи.

Она пожалѣла, что бросила въ лицо этому человѣку жестокое слово, но было уже поздно.

Она вышла изъ гостиной, и когда притворила уже за собою дверь, такъ услышала, какъ Даевъ повторилъ свое обѣщаніе—овладѣть ею.

Минутъ черезъ пять Софья увидала въ окно идущаго мимо Даева.

Онъ низко опустилъ голову, засунулъ руки въ карманы пальто и шелъ, пошатываясь,—встрѣчные прохожіе, вѣроятно, принимали его за пьянаго.

Въ этотъ же день, подъ вліяніемъ послѣдняго письма Латанина, въ которомъ онъ описывалъ бой и смерть поручика Мухина, Софья окончательно и безповоротно рѣшила итти въ сестры милосердія.

Отецъ и мать не противились ея рѣшенію и дѣвушка усердно стала готовиться къ великому и почетному званію «сестры».

Начатыя еще ранѣе занятія были временно прекращены по случаю болѣзни матери дѣвушки, но теперь Анна Михайловна Станина поправилась и Софья опять стала посѣщать больницу для практическихъ занятій.

Ходить на эти занятія приходилось два раза въ день— утромъ часовъ въ девять и потомъ вечеромъ, при чемъ съ этихъ вечернихъ занятій Софья возвращалась часу въ десятомъ, а то такъ и въ одиннадцатомъ.

Лазаретъ, въ которомъ занималась Софья, былъ довольно далеко отъ ея квартиры и помѣщался въ глухой улицѣ, такъ что Анна Михайловна посылала за дочерью горничную Сашу, которая должна была ее сопровождать.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ и Софья и преданная ей Саша пришли къ заключенію, что путешествія эти почти невозможны безъ надежнаго провожатаго-мужчины,—причины такъ думать были весьма основательны.

XIV.

Софья, минувшимъ лѣтомъ, на дачѣ познакомилась съ студентомъ Александромъ Васильевичемъ Красовымъ.

Это былъ очень милый молодой человѣкъ, простодушный, веселый, изъ бурсаковъ стариннаго типа, немного застѣнчивый съ мало знакомыми людьми, но съ людьми близкими—разговорчивый, общительный, откровенный.

Онъ былъ немножко влюбленъ въ Софью, но всего

скорѣе она нравилась ему, какъ человѣкъ, и любилъ онъ ее, какъ сестру.

Былъ онъ парень огромнаго роста, колоссальной силы и его-то выбрала Софья своимъ тѣлохранителемъ.

— Александръ Васильевичъ,—обратилась Софья къ Красову, когда онъ пришелъ къ нимъ посидѣть вечерокъ.— Вы, вѣдь, кажется, любитель прогулокъ и неутомимый ходокъ, да?..

— Обожаю прогулки и въ ходьбѣ неутомимъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—А вы въ какихъ смыслахъ объ этомъ спрашиваете меня?..

— Да хочу просить васъ, чтобы вы приходили за мною вечеромъ въ лазаретъ, гдѣ я занимаюсь и провожали меня до дома... Это не затруднитъ васъ, милый Александръ Васильевичъ?..

— За удовольствіе почту, а только почему это нуженъ вамъ такой конвой?..

Софья медлила отвѣтомъ и за нее дала объясненіе Анна Михайловна.

— Глухія тамъ очень мѣста, Александръ Васильевичъ,—сказала старушка,—приходится итти длиннымъ пустыремъ, по одну сторону котораго—огороды, а по другую—безконечно длинный заборъ, отдѣляющій какіе-то амбары и склады... Я говорю Сонѣ, чтобы она за извозчикомъ посылала, но экономитъ, изволите видѣть, жалѣетъ насъ, стариковъ...

— Экономія—дѣло хорошее,—съ улыбкой замѣтилъ студентъ,—а кромѣ того и извозчикъ можетъ въ лучшемъ видѣ ограбить, ежели, дѣйствительно, тамъ такой пустырь... Такъ я сегодня же, Софья Васильевна, приду за вами...

Дѣвушка поблагодарила.

Послѣ чаю она позвала Красова къ себѣ въ комнату.

— Александръ Васильевичъ, — нѣсколько конфеденціальнымъ тономъ заговорила Софья, когда они остались вдвоемъ,—у васъ есть револьверъ?..

Студентъ высоко поднялъ брови.

— Револьверъ.. Нѣтъ,—револьвера нѣтъ... Зачѣмъ же собственно такіе страхи?.. Я, слава Тебѣ Господи, безъ всякаго вооруженія человѣкъ отъ семи отобьюсь!..

— Вѣрю, что вы богатырь, милый Александръ Васильевичъ, но тѣмъ не менѣе съ револьверомъ лучше... У меня свой есть, но только очень маленькій, почти игрушечный, а хорошо бы имѣть большой, внушительный, чтобы можно было напугать нападающихъ.

Красовъ опять поднялъ брови.

— Да, что вы, Софья Васильевна, нападенія германцевъ что ли боитесь?.. Они, вѣдь, слава тебѣ Господи, дальше Вислы еще не проникли!..

И Софья разсказала Красову въ чемъ дѣло.

Онъ, въ качествѣ ея большого друга, зналъ многое изъ ея отношеній къ Даеву, котораго онъ, между прочимъ, терпѣть не могъ.

Зналъ онъ изъ разсказовъ Софьи и о послѣднихъ выступленіяхъ Даева, но не думалъ о немъ, когда дѣвушка обратилась къ нему съ просьбою провожать ее изъ лазарета.

Оказалось, что Софья боится не воровъ, не хулигановъ, встрѣча съ которыми возможна на окраинахъ, а боится именно Даева.

— Негодяй!—мрачно резюмировалъ Красовъ.—Это онъ только такъ—тѣнь наводитъ, а ничего серьезнаго онъ предпринять не посмѣетъ...

— Онъ уже... онъ уже предпринялъ!..—таинственно сообщила Софья.

— Какъ?..

— А вотъ такъ, мой милый Александръ Васильевичъ... Третьяго дня мы вышли съ Сашей изъ лазарета и быстро шли пустыремъ, который тянется по всему переулку... Тутъ не было ни души, даже жутко стало, особенно, когда мы прошли чайную лавку, въ которой, говорятъ, собираются, разные бродяги и воры дѣлить свою добычу... Погода была довольно пасмурная, но временами тучи разсѣивались и свѣтила луна... Вдругъ я вижу, что отъ забора отдѣлилась сперва одна фигура, потомъ другая,—на секунду ихъ освѣтила луна, но въ слѣдующую уже секунду обѣ фигуры опять скрылись въ тѣни забора... Скрылись, но въ одной изъ нихъ я узнала Даева...

— Ну, голубушка, это вамъ показалось! — засмѣялся Красовъ.—Это по пословицѣ «у страха глаза велики!»...

— Нѣтъ, милый Александръ Васильевичъ, мнѣ это не показалось и это былъ Даевъ, моя Саша тоже отлично узнала его и первая мнѣ указала на это... Мы бросились назадъ, зашли въ чайную, сказали, что насъ хотѣли ограбить и какіе-то мужчины насъ проводили до трамвая...

Красовъ угрюмо нахмурился и грозно сжалъ кулакъ величиною съ порядочный арбузъ.

— Ну, при мнѣ-то онъ не осмѣлится подойти къ вамъ,—съ увѣренностью сказалъ онъ.—Я и безъ револьвера господина Даева «со товарищи» въ свиныя котлеты обращу!..

И вотъ въ этотъ же вечеръ Красовъ зашелъ за Софьею въ лазаретъ.

XV.

На другой же день Красовъ зашелъ за Софьей въ лазаретъ.

— И далеко же отъ всякихъ центровъ до вашего лазарета, Софья Васильевна,—сказалъ онъ, входя въ пріемную, гдѣ Софья ожидала уже его.

— Устали, мой милый тѣлохранитель? — спросила Софья.

— Да увѣряю васъ, что я нисколько не усталъ, а вамъ, чай, въ нѣдра семьи ужъ хочется, къ самоварчику, да по правдѣ сказать и я не прочь благодатнымъ чайкомъ побаловаться...

— Ну, такъ идемъ... До трамвая тутъ недалеко, а тамъ мы сядемъ и полетимъ съ быстротою вѣтра...

Они вышли.

Послѣ ярко освѣщеннаго лазарета на улицѣ было особенно темно.

Сейчасъ же отъ подъѣзда лазарета тянулся дѣйствительно очень глухой пустырь, скудно освѣщенный керосиновыми фонарями.

Далеко, далеко виднѣлись огоньки въ маленькомъ домикѣ, въ которомъ помѣщалась чайная, пользующаяся въ округѣ очень дурною репутаціей.

— Вонъ въ ту чайную зашли мы съ Сашею, спасаясь отъ ужаснаго Даева,—сказала Софья.—Очень было страшно итти въ эту чайную, но оказалось, что тамъ милые люди, которые проводили насъ и ни за что не хотѣли взять «благодарности», хотя я настаивала на этомъ...

Софья слегка вздохнула.

— Во всякомъ случаѣ и самые страшные люди менѣе страшны, чѣмъ господинъ Даевъ,—промолвила она.

Красовъ тряхнулъ головою.

— Ну, не такъ чортъ страшенъ, какъ его малюютъ!..—презрительно возразилъ онъ.—Просто—нахалъ и скотина!.. Женщину, ребенка, дряхлаго старика онъ напугать можетъ, а сколько-нибудь рѣшительнаго и смѣлаго человѣка и не напугаетъ, да и не полѣзетъ пугать, потому какъ господа Даевы весьма даже шкуру свою обожаютъ и берегутъ!..

Они не безъ труда перешли сугробъ снѣга, отдѣляющій тротуаръ отъ мостовой и продолжали путь, смотря на огоньки чайной, какъ на путеводный маякъ.

Вдругъ позади затрахтѣлъ и зашипѣлъ автомобиль, предупредивъ затѣмъ о своемъ приближеніи дикимъ ревомъ сирены.

— Скажите пожалуйста, туда же автомобили въ этомъ пошехонскомъ медвѣжьемъ углу! — замѣтилъ Красовъ и повелъ Софью къ лѣвой сторонѣ улицы.

Автомобиль скоро догналъ ихъ, круто остановился и изъ него выскочили три человѣка.

Дальше Красовъ уже ничего не помнилъ и о томъ, что случилось дальше, разсказать впослѣдствіи совершенно не могъ.

Страшный ударъ въ голову чѣмъ-то тупымъ и тяжелымъ оглушилъ его, молодой богатырь зашатался, протянулъ впередъ руки, какъ бы ловя что-нибудь въ воздухѣ, потерялъ сознаніе и упалъ на мокрый, грязный снѣгъ.

Когда онъ очнулся, небо брезжило уже разсвѣтомъ, тучи разошлись, но звѣзды исчезли и на востокѣ чуть-чуть алѣла утренняя заря.

Красовъ приподнялся на рукахъ, чувствуя нестерпимую боль въ головѣ, снова упалъ, жадно глотнулъ горя-

чими губами грязнаго снѣга, уткнулся пылающимъ лицомъ въ этотъ снѣгъ и снова попытался встать.

— Господи, неужели это я умираю?—прошепталъ студентъ. — Вотъ собачья смерть!.. Хоть бы гдѣ-нибудь въ бою, въ окопахъ, грудь съ грудью съ врагомъ, а то въ какомъ-то переулкѣ, отъ руки невѣдомаго и подлаго врага!.. Господи, помоги мнѣ, спаси меня!..

Онъ еще разъ глотнулъ холоднаго снѣга и попытался крикнуть.

На этотъ разъ крикнуть ему удалось и даже довольно громко крикнуть.

— Помогите, спасите!—кричалъ онъ.

Никто не отозвался и только за заборомъ громко залаяли собаки...

Красовъ употребилъ всѣ усилія, поднялся на ноги, сперва зашатался было, но могучій организмъ помогъ ему, онъ совладалъ съ собою и, шатаясь, какъ пьяный, держась обѣими руками за голову, пошелъ впередъ, гдѣ недавно горѣли огоньки чайной, но гдѣ теперь было совершенно темно.

XVI.

Первой мыслью Красова было поѣхать въ участокъ и заявить обо всемъ случившемся, но онъ сейчасъ же передумалъ и рѣшилъ отправиться къ родителямъ Софьи,— ему казалось, что пока мало матеріала для заявленія полиціи.

На углу слѣдующей улицы Красовъ нашелъ дремлющаго извозчика-ночника и поѣхалъ съ нимъ.

Въ домѣ Станиныхъ былъ страшный переполохъ.

Старики не ложились, конечно, спать и бросились встрѣчать Красова съ воплями и рыданіями.

Оказалось, что они ждали Софью до глубокой ночи, не знали, что подумать и часу во второмъ послали дворника на извозчикѣ въ лазаретъ.

Въ лазаретѣ сказали, что барышня ушла со студентомъ своевременно.

Дворникъ привезъ это извѣстіе родителямъ дѣвушки и повергъ ихъ въ глубокое отчаяніе.

Красовъ подумалъ немного и рѣшилъ, что старикамъ надо разсказать вся правду.

Онъ и разсказалъ.

— Это дѣло негодяя Даева!—грозно и мрачно закончилъ свой разсказъ студентъ.

— Я сейчасъ же поѣду къ градоначальнику! — горя негодованіемъ и гнѣвомъ, воскликнулъ старикъ Станинъ.—Это—насиліе, разбой, негодяй за это пойдетъ на каторгу, но я еще до каторги убью его, какъ бѣшеную собаку, у меня еще хватитъ силы размозжить ему голову стуломъ или всадить ножъ!..

Красовъ уговорилъ старика нѣсколько повременить.

— Я сперва самъ съѣзжу къ Даеву,—говорилъ Красовъ.—Не надо пока дѣлать огласки, а негодяя, злодѣя этого, мы еще успѣемъ и наказать и передать въ руки правосудія... Вы успокойтесь, милые, вѣдь, негодяй этотъ не посмѣетъ ничего сдѣлать Софьѣ Васильевнѣ и рѣшился на дикій, безумный поступокъ свой лишь для того, чтобы уговорить Софью Васильевну стать его женою...

Старики согласились подчиниться этому рѣшенію студента и онъ, сдѣлавъ себѣ перевязку въ ближайшей лѣчебницѣ, отправился къ Даеву.

Красовъ былъ увѣренъ, что Даевъ его не приметъ, но рѣшилъ во что бы то ни стало, ворваться къ нему, хотя бы для этого пришлось перебить цѣлый штатъ прислуги.

На сильный, энергичный звонокъ Красова въ квартирѣ Даева, дверь отперъ юркій малый, очень нахальнаго вида, болѣе похожій на служащаго въ какомъ-нибудь развеселомъ учрежденіи, чѣмъ на лакея у приличнаго барина.

— Очень ужъ вы, господинъ, сильно звоните!—дерзко проговорилъ малый, окидывая студента съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ.—Баринъ больны, въ постели лежатъ, сейчасъ у нихъ докторъ былъ, а вы словно въ набатъ звоните!..

Красовъ однимъ движеніемъ могучей руки отстранилъ малаго и пошелъ впередъ.

— Куда же вы? — сердитымъ окрикомъ остановилъ его малый. — Нельзя къ барину, нельзя!.. Я пойду доложу о васъ...

Онъ загородилъ Красову дорогу, но Красовъ взялъ его за шиворотъ, приподнялъ на поларшина отъ полу и отбросилъ въ уголъ, словно мѣшокъ съ чѣмъ-нибудь.

Отбросилъ и, не снимая пальто и фуражки, пошелъ быстрыми шагами во внутреннія комнаты.

Красовъ зорко оглядывался кругомъ, думая, что въ квартирѣ этой гдѣ-нибудь можетъ скрываться Софья.

Онъ прошелъ залъ, гостиную и сильнымъ толчкомъ ноги отворилъ массивную, изъ моренаго дуба, дверь въ слѣдующую комнату.

Это былъ богато убранный кабинетъ.

Направо отъ двери, на диванѣ, обращенномъ въ кровать, лежалъ Даевъ.

Въ кабинетѣ пахло лѣкарствами и сторы были опущены.

На маленькомъ столикѣ, рядомъ съ диваномъ, установленнымъ микстурами и аптекарскими баночками, горѣла маленькая электрическая лампочка подъ зеленымъ абажуромъ.

— Кто это? — слабымъ голосомъ окликнулъ Даевъ, приподнимая съ подушекъ голову и стараясь разглядѣть вошедшаго.—Это вы, докторъ?..

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣтилъ за Красова малый, входя въ кабинетъ.—Неизвѣстный какой-то, вродѣ экспропріатора-съ... Ворвался, меня прибилъ и вотъ теперича тутъ очутился... Я пойду дворниковъ позову, городового кликну!..

Даевъ, кряхтя и охая, сѣлъ на диванѣ и сталъ пристально, пристально вглядываться въ вошедшаго, а слуга его въ эту минуту повернулъ выключатель большой люстры и комната залилась яркимъ свѣтомъ...

XVII.

Даевъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ то на Красова, то на своего лакея.

— Вотъ, ворвались, — продолжалъ съ негодованіемъ докладывать лакей, окидывая Красова недоброжелательнымъ взглядомъ, — прибили меня, плечо вотъ болитъ, на лѣвую ногу ступить не могу!.. Это въ родѣ какъ бы разбой!..

— Я слушаю и ничего не понимаю, — слабымъ голосомъ заговорилъ Даевъ.—Что это значитъ, мосье Красовъ?..

Красовъ оглянулся кругомъ, словно отыскивая когонибудь глазами.

— Мнѣ надо поговорить съ вами,—обратился онъ къ Даеву.—Велите уйти этому хаму.

— Господинъ студентъ объяснитъ намъ въ чемъ дѣло, и ты, Иванъ, конечно, получишь то или иное удовлетвореніе... Ступай пока...

Лакей вышелъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ и притворилъ дверь.

Даевъ вопросительно смотрѣлъ на Красова, а тотъ стоялъ передъ нимъ, все еще не снимая фуражки съ повязанной головы своей.

— На меня и на Софью Васильевну Станину въ ночь на сегодняшній день произведено нападеніе; меня во время этого нападенія ранили, а Софью Васильевну похитили,— послѣ довольно длиннаго молчанія проговорилъ Красовъ.

Даевъ съ трудомъ сѣлъ на диванѣ и откинулся на его спинку.

На лицѣ его выразилось изумленіе, глаза широко раскрылись.

— Какъ, Софью Васильевну похитили?—почти съ ужасомъ спросилъ онъ.

— Да, да!—крикнулъ Красовъ. — Ее похитили, какъ во времена доисторическія, какъ дѣлали опричники и разные разбойники, а меня ранили, чуть не убили, и это дѣло вашихъ рукъ, господинъ Даевъ!..

— Господинъ студентъ! — съ укоромъ, съ отчаяніемъ

возразилъ Даевъ.—Что вы говорите?.. Образумьтесь, придите въ себя!.. Я третій день лежу больной, я страшно простудился, я не могу отъ жесточайшаго ревматизма двигаться по комнатамъ, отъ меня всѣ эти три дня почти не выходили доктора, а вы... вы врываетесь ко мнѣ въ домъ, бьете мою прислугу, бросаете мнѣ въ лицо обвиненіе въ страшномъ преступленіи!..

Красовъ сдѣлалъ жестъ рукою.

Даевъ въ изнеможеніи упалъ на подушки.

— Боже мой, Боже мой, что же мнѣ дѣлать? — простоналъ онъ.—Я больной человѣкъ, я лежу въ постели, съ трудомъ двигая руками, а вы... вы лишились ума и мнѣ каждую секунду грозитъ смертельная опасность...

Даевъ, мучительно охая, отвернулся къ стѣнѣ и натянулъ на себя свалившееся на полъ одѣяло.

Красовъ стоялъ передъ нимъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что нападеніе на Софью было произведено, если не самимъ Даевымъ, то непремѣнно по его иниціативѣ и при его посредствѣ.

Быть можетъ, Даевъ притворяется больнымъ, а быть можетъ, онъ дѣйствительно боленъ, но во всякомъ случаѣ онъ докажетъ свое alibi и отъ суда можетъ уйти, но, вѣдь, онъ не долженъ уйти отъ мести Красова, отъ мести оскорбленной дѣвушки и такъ же тяжко оскорбленныхъ ея родителей...

А что, если онъ не виноватъ?..

При этой мысли жутко стало студенту, и теперь онъ себя готовъ былъ признать дикаремъ и разбойникомъ, ворвавшимся къ больному человѣку по одному лишь подозрѣнію, ворвавшимся со всѣми пріемами разбойника, не пощадившаго даже больного, быть можетъ, даже тяжко больного!..

Онъ рѣшительно не зналъ теперь, что ему дѣлать, какъ вести себя, а раненая ударомъ голова болѣла и сердце сжималось тоскою при мысли объ оскорбленной дѣвушкѣ, которая, Богъ знаетъ, что терпитъ теперь...

XVIII.

Красовъ безпомощно потоптался на одномъ мѣстѣ, провелъ по лицу рукою и пошелъ изъ кабинета.

— Ничего не знаю, ничего не понимаю, сплошной ужасъ какой-то—говорилъ онъ, отворяя дверь.—Я, должно быть, плохой сыщикъ, полиціи надо предоставить все дѣло, она, быть можетъ, все узнаетъ...

Онъ оглянулся отъ двери на Даева и пригрозилъ ему кулакомъ.

— О, если это ты!—злобно крикнулъ онъ.—Я тогда сосчитаюсь съ тобой, дѣло это тогда до суда не дойдетъ, я буду твоимъ и судьей и палачемъ!..

Онъ вышелъ.

Немного спустя лакей заперъ за нимъ дверь и вернулся въ кабинетъ.

Даевъ большими шагами ходилъ по комнатѣ, сбрасывая съ себя различныя повязки, недавно наложенныя ему докторомъ «отъ ревматизма».

— Завтракать мнѣ подавай, Ванька! Водку подай, коньякъ!..—приказывалъ онъ на ходу лакею.—Дешево мы съ тобою, Ванька, отдѣлались отъ этого медвѣдя, могъ бы головы посрывать, ребра переломать.

Лакей потеръ руку и спину.

— Вамъ-то хорошо, Сергѣй Григорьевичъ, а меня онъ, лѣшій, тряхнулъ-таки порядкомъ!.. Ну и медвѣдь!..

Иванъ покачалъ головою и усмѣхнулся.

— Хорошо и я его шаркнулъ, какъ барышню-то мы крали,—добавилъ онъ.

— Чѣмъ ты его?—спросилъ Даевъ, надѣвая халатъ и поправляя передъ зеркаломъ прическу.

— Билліарднымъ шаромъ... Передъ тѣмъ, какъ ѣхать за барышней вашей, мы были въ ресторанѣ «Пальмира», Андрей Степановичъ Вертушевъ съ Илюшкой наѣздникомъ на билліардѣ играли, такъ Илюшка билліардный шаръ,—семерка попалась,—и сперъ да въ автомобилѣ мнѣ и отдалъ, онъ же и салфетку въ ресторанѣ взялъ... «Вотъ, говоритъ, тебѣ, Ваня, орудіе прекрасное, сдѣлай, говоритъ,

изъ этого шарика кистень»... Вотъ мы и соорудили струментъ... Завязали шаръ-то билліардный въ салфетку, въ середину, потомъ закрутили жгутомъ и такой-то ли кистень вышелъ, что быка можно было имъ убить, а у этого лѣшаго башка-то, стало быть бычьей крѣпче!.. Однако, все-таки оглушилъ я его здорово, закувыркался онъ, упалъ, ткнулся носомъ въ снѣгъ, да такъ и остался тамъ лежать...

— Гдѣ же у тебя этотъ самодѣльный кистень?—спросилъ Даевъ.

Иванъ почесалъ затылокъ.

— Обронилъ я его, Сергѣй Григорьевичъ... Какъ схватили барышню, да поволокли ее въ автомобиль, кистень мой у меня и выпалъ, ну, а искать и поднимать было ужъ некогда...

Даевъ нахмурился.

— Ну, ладно... Дай мнѣ скорѣй завтракъ, а если кто-нибудь пріѣдетъ изъ постороннихъ, такъ помни же, что «баринъ тяжко боленъ, что онъ никуда не выходитъ четвертый день и что у него ежедневно по два раза докторъ бываетъ»...

— А если Андрей Степановичъ Вертушевъ или Кружкинъ Илья пріѣдутъ, такъ ихъ пустить?—спросилъ онъ у дверей.

— Ну, конечно!..

И какъ только успѣлъ Иванъ подать барину въ столовую завтракъ, какъ раздался звонокъ и пріѣхали именно тѣ, которыхъ можно было принять.

Андрей Степановичъ Вертушевъ, плотный приземистый блондинъ, съ курчавыми волосами и съ лихо закрученными огромными усами, мужчина лѣтъ тридцати съ небольшимъ былъ когда-то богатымъ заводчикомъ, унаслѣдовавъ отъ отца очень хорошее состояніе и великолѣпно оборудованный кожевенный заводъ, но теперь онъ жилъ лишь остатками прежняго величія, проживалъ послѣднія деньги отцовскаго наслѣдства, пьянствовалъ, развратничалъ, занимался и комиссіонерствомъ, и нечистою игрою въ карты, и всякими темными дѣлами, часто устраивая дебоши и

скандалы. Пьянъ онъ былъ почти постоянно и въ пьяномъ видѣ былъ особенно рѣшителенъ на все.

Впрочемъ, господинъ этотъ былъ способенъ на все и въ трезвомъ видѣ.

Другой, сухопарый брюнетъ цыганскаго типа, малый лѣтъ уже сорока, Илья Кружкинъ или просто—«Илюшка», какъ его звали въ его кругу, былъ бѣговымъ наѣздникомъ когда-то, но званія этого лишился за всякія мошенническія продѣлки и за пьянство и теперь снискивалъ пропитаніе, вертясь около различныхъ прожигателей жизни и играя на билліардѣ и въ карты въ различныхъ притонахъ и игорныхъ домахъ.

Эту парочку тоже, «бывшій человѣкъ», Сергѣй Григорьевичъ Даевъ, считалъ въ числѣ своихъ друзей.

XIX.

Вертушевъ былъ, по обыкновенію, пьянъ, но тѣмъ не менѣе очень обрадовался, увидавъ приготовленный завтракъ и бутылки съ различными хмельными напитками.

— Эге, Сережка, да у тебя выпивка есть!—крикнулъ онъ, не здороваясь съ хозяиномъ.—Это очень даже прекрасно и выпить теперь хорошо!..

Онъ сейчасъ же подсѣлъ къ столу и налилъ большой стаканъ водки.

— Гдѣ Софья Васильевна?—обратился къ нему Даевъ, тоже присаживаясь къ столу.

— Да у меня на заводѣ,—отвѣтилъ Вертушевъ, приготовляя себѣ закуску.—Какъ говорили,—такъ и сдѣлали... Отвезли ее на заводъ и помѣстили въ квартирѣ уѣхавшаго директора, а надзоръ за нею будетъ хорошій—и ужъ не безпокойся—барышня не убѣжитъ!.. да и никто ея мѣстопребыванія не откроетъ, потому что заводъ сейчасъ бездѣйствуетъ, въ родѣ нѣкоторой пустыни тамъ, а стоитъ онъ, какъ тебѣ извѣстно, за городомъ, въ глухомъ мѣстѣ и барышня твоя, въ родѣ какъ бы на днѣ морскомъ спрятана...

Онъ залпомъ осушилъ стаканъ и принялся закусывать.

— Ха, ха, ха!..—загрохоталъ онъ съ полнымъ ртомъ икры.—Лихое дѣло мы оборудовали, право!.. Положимъ, по пьяному дѣлу все устроено, положимъ, что за это здорово влетѣтъ намъ можетъ, а все же это очень весело, лихо и краситъ жизнь, которая безъ такихъ фортелей дьявольски однообразна, скучна и безсодержательна!.. Все равно мы люди потерянные, все равно насъ не сегодня, такъ завтра либо «на казенныя квартиры» разсадятъ, либо въ пьяной дракѣ за картами головы намъ проломятъ, либо сами мы въ одинъ прекрасный день самоубійствомъ кончимъ, такъ лучше ужъ остатокъ дней сихъ прожить съ трескомъ и грохотомъ!.. Ну, Серега, давай выпьемъ за успѣхъ нашего дѣла и за здоровье твоей красавицы!..

Онъ налилъ стаканы краснымъ виномъ и чокнулся со стаканомъ Даева.

Тотъ вино выпилъ, но веселья и оживленія своего пріятеля не раздѣлялъ.

Онъ сидѣлъ за столомъ мрачный и задумчивый.

Онъ теперь начиналъ раскаиваться въ своемъ безумномъ поступкѣ и не хорошо у него было на душѣ.

Охваченный безумной, дикой страстью, потерявшій всѣ надежды на взаимность дѣвушки, которую онъ полюбилъ, которая любила когда-то его и теперь принадлежала другому, онъ рѣшился на мѣру дикую, безсмысленную и отчаянную.

За бутылками вина, послѣ безсонной бурной ночи, онъ высказалъ свое желаніе похитить Софью Вертушеву, а тотъ сейчасъ же ухватился за эту мысль, одобрилъ ее, и дикая мысль была приведена въ исполненіе.

Сперва Даевъ хотѣлъ было самъ похитить Софью и когда ему это не удалось, Вертушевъ выработалъ новый планъ похищенія.

По этому плану Даевъ долженъ былъ притвориться больнымъ и лежать нѣсколько дней дома, приглашая докторовъ, чтобы потомъ отвести отъ себя всякое подозрѣніе, исполненіе же плана Вертушевъ взялъ на себя.

Илюшка, человѣкъ отчаянный и рѣшительный, охотно

взялся быть помощникомъ въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что Даевъ обѣщался хорошо заплатить ему за это.

Обѣщанная награда прельстила и лакея Даева, который, кромѣ того былъ дѣйствительно преданъ своему барину, за то, что тотъ будучи когда-то довольно извѣстнымъ адвокатомъ, безплатно защищалъ его въ судѣ, гдѣ Иванъ судился за разбой, и защитилъ.

Такимъ образомъ, компанія подобралась великолѣпная и дерзкая мысль обезумѣвшаго отъ страсти Даева была приведена въ исполненіе.

Казалось бы, что Даеву надо теперь веселиться и радоваться, но онъ угрюмъ и печаленъ и, къ чести его сказать, не отвѣтственность за совершонное пугала его, а было ему стыдно и проснувшаяся совѣсть грызла его.

Еще сегодня утромъ онъ радовался, еще сегодня утромъ весь дрожалъ отъ восторга, который ждетъ его, при видѣ любимой дѣвушки, находящейся въ его власти, увидавшей, какъ онъ любитъ ее и какъ онъ готовъ ради этой любви рѣшительно на все.

Онъ кипѣлъ весь восторгомъ и ждалъ встрѣчи съ Софьей и вотъ теперь, быть можетъ, при видѣ буйныхъ, пьяныхъ товарищей своихъ, ему стало мучительно стыдно и недавнее ликованіе смѣнилось тоскою.

— Чтъ жъ ты голову-то повѣсилъ и носомъ клюешь?— обратился къ нему Вертушевъ, хлопнувъ его по плечу.— «Изабел-ллла, ослабѣл-ллллa!..» Боишься отвѣтственности, какъ нашалившій школьникъ розги?.. Это ужъ, братъ, стыдно, это ужъ называется «блудливъ, какъ кошка, а трусливъ, какъ заяцъ!..» А ты, миленькій, «любишь кататься, такъ люби и саночки возить!..» Отвѣчать, можетъ, и придется, да, вѣдь, за то красоточка-то въ твоихъ рукахъ, вѣдь, она увидитъ какой ты молодчага и, право, лихая удаль твоя прельститъ ее!.. Пей, Сережа, пей пока пьется, и помни, что «пьяному море по-колѣно!..» Ну, попадемъ на цугундеръ, ну, ушлютъ насъ куда-нибудь, такъ развѣ не все равно?... Эхъ, милый, и въ Сибири люди живутъ, да еще лучше нашего!..

Даевъ всталъ.

— Ничего я не боюсь, врешь ты все! — мрачно проговорилъ онъ.—Я сейчасъ къ ней поѣду...

И онъ, оставивъ своихъ товарищей пировать, быстро вышелъ изъ столовой.

XX.

Между тѣмъ въ домѣ Станиныхъ въ это время царили смятеніе и ужасъ.

Старики потеряли голову, когда явился Красовъ и ничего новаго объ ихъ дочери сообщить не могъ.

— Проклятый Даевъ этотъ, кажется, дѣйствительно, боленъ,—разсказывалъ онъ, — онъ лежитъ, весь обвязанный, три дня никуда не выходилъ, доктора у него бываютъ, мнѣ объ этомъ и домовые дворники разсказывали и самъ Даевъ похожъ на больного, но тѣмъ не менѣе я склоненъ думать, что онъ главный виновникъ похищенія Софьи Васильевны, что онъ руководилъ этимъ подлымъ дѣломъ... Я, кажется, опять пойду къ нему, схвачу его за горло, приставлю ему ко лбу револьверъ и заставлю сознаться или же размозжу ему голову!..

Старикъ Станинъ взялъ себя въ руки, что называется, успокоилъ кое-какъ рыдающую жену, и оставивъ съ нею Красова, поѣхалъ «по начальству».

Начальство было возмущено и озабочено дерзкимъ похищеніемъ дѣвушки изъ хорошей, почтенной семьи и убитому горемъ старику было обѣщано самое энергичное слѣдствіе по этому дѣлу.

Полиція была поставлена на ноги.

Оказалось, что на другой день послѣ таинственнаго похищенія Софьи Станиной, въ участокъ, въ которомъ находился лазаретъ, явился дворникъ одного изъ домовъ глухого переулка и доставилъ завязанный въ салфетку билліардный шаръ, при чемъ салфетка оказалась окровавленной.

Сейчасъ же были опрошены всѣ рестораны и трактиры, въ которыхъ имѣются билліарды, и оказалось, что

въ ресторанѣ «Пальмира» исчезъ изъ пирамидки шаръ «семерка».

— При какихъ обстоятельствахъ и когда было обнаружено исчезновенiе этого шара? — спросилъ слѣдователь у хозяина ресторана и у маркеровъ.

Маркеры объяснили, что пропажа шара была обнаружена вечеромъ такого-то числа, что его искали по всей билліардной, думая, что онъ куда-нибудь закатился, такъ какъ подозрѣвать въ кражѣ шара было рѣшительно некого.

— Что онъ можетъ стоить, если его продавать?—говорили и хозяинъ ресторана и маркеры. — Пустяки за него дадутъ вору, а у насъ въ заведенiи бываетъ только чистая, хорошая публика, господа богатые, которые не только на билліардный шаръ, а и на какую угодно цѣнную вещь не покусятся...

— И подозрѣнiе ни на кого не было? — продолжался допросъ.

— Думали на одного изъ мальчиковъ, но и обыскъ у него въ сундукѣ сдѣлали и допросъ ему произвели, а ничего у него не оказалось.

Спросили кто игралъ на билліардѣ въ эти часы, и маркеры назвали вмѣстѣ съ различными знакомыми и незнакомыми посѣтителями Андрея Степановича Вертушева и бѣгового наѣздника Илью Ивановича Кружкина.

Одинъ изъ маркеровъ показалъ, что шаръ исчезъ именно послѣ того, какъ играли въ пирамидку Вертушевъ и Кружкинъ, но, конечно, ни того ни другого заподозрить въ похищенiи билліарднаго шара было невозможно.

Такъ какъ Василiй Гавриловичъ Станинъ, заявляя объ исчезновенiи дочери, высказалъ подозрѣнiе на бывшаго жениха его дочери, Сергѣя Григорьевича Даева, сыскной же полицiи было извѣстно, что Вертушевъ и Илья Кружкинъ состоятъ постоянными собутыльниками Даева и какъ бы его клевретами, то дѣло становилось совершенно яснымъ и полицiя напала на вѣрный слѣдъ.

Въ рукахъ полицiи были самыя ясныя улики, оставалось итти по найденной нити, какъ вдругъ Василiй Гавриловичъ Станинъ явился къ начальнику полицiи и

объявилъ, что дочь его нашлась, вернулась домой совершенно жива и здорова и ни на кого никакой претензіи не имѣетъ.

— Произошло недоразумѣніе, только недоразумѣніе— говорилъ старикъ очень смущенный, сконфуженный и растерянный.—И дочь моя и я всепокорнѣйше просимъ извинить за безпокойство и предать это дѣло полнѣйшему забвенію!..

— Ну-съ, а какъ же раненый самодѣльнымъ кистенемъ, сдѣланнымъ изъ билліарднаго шара, студентъ Красовъ?—спросили у Василія Гавриловича.

— Онъ тоже все прекращаетъ и сегодня пришлетъ заявленіе объ этомъ... Такъ все знаете случилось... странно, глупо... Очень, очень извиняемся... У Саши Красова вышла ссора съ наѣздникомъ этимъ, ну, подрались они, а такъ какъ Красовъ очень силенъ, такъ наѣздникъ этотъ принужденъ былъ взять для самозащиты этотъ самодѣльный кистень...

И «дѣло о похищеніи дѣвицы изъ дворянъ Софьи Васильевны Станиной» было прекращено.

Не заявлявшему никакой претензіи хозяину ресторана «Пальмира», билліардный шаръ былъ возвращенъ и этимъ актомъ была поставлена такъ сказать, послѣдняя точка надъ всѣмъ.

Теперь мы разскажемъ о томъ, какъ и почему было ликвидировано дѣло, обѣщавшее быть весьма криминальнымъ.

XXI.

Софья была въ обморокѣ, когда ее привезли на заводъ Вертушева.

Она лишилась чувствъ въ тотъ моментъ, когда Вертушевъ и Илюшка, сваливъ съ ногъ защищавшаго ее Красова, схватили дѣвушку и понесли въ автомобиль.

Софья очнулась въ большой, свѣтлой и довольно хо-

рошо убранной комнатѣ, которая находилась въ квартирѣ бывшаго управляющаго упраздненнаго кожевеннаго завода.

Софья очнулась, лежа на кровати, открыла глаза, осмотрѣлась кругомъ и вспомнила все случившееся.

На кровати, держа Софью за руку, сидѣла рослая, со звѣрскимъ лицомъ пожилая женщина, а около самой кровати стояли Вертушевъ и Илюшка.

— Гдѣ я? — проговорила Софья, съ ужасомъ смотря на мужчинъ, и съ такимъ же ужасомъ—на женщину.

Ни мужчинъ этихъ ни женщины она не знала.

— Въ самыхъ благонадежныхъ и рыцарскихъ рукахъ, мадемуазель! — отвѣтилъ Вертушевъ, кланяясь дѣвушкѣ, какъ кланяются опереточные придворные изъ хористовъ.— Не безпокойтесь, будьте, какъ дома и знайте, что никакого вреда вамъ не сдѣлаютъ... васъ привезли сюда друзья Сергѣя Григорьевича Даева, передъ которымъ они должны отвѣчать за каждый волосокъ съ вашей головки, а каждый волосокъ съ вашей головки представляетъ и для Сережи Даева и для его друзей величайшую драгоцѣнность!..

Она хотѣла грозить, жаловаться, протестовать, былъ моментъ, когда она хотѣла умолять, но сейчасъ же рѣшила, что угрозы и протесты будутъ безполезны, а мольбы—унизительны.

— Завтра утромъ, мадемуазель, Сережа Даевъ предстанетъ передъ вами, а до того момента, вы будете находиться на попеченіи вотъ этой честной и преданной Даеву женщины.—Женщина эта исполнитъ все, что вы ей прикажете, но будетъ въ то же время и вашею стражею, такъ что уходить вамъ изъ этой комнаты нельзя, такова воля моего друга Даева... Впрочемъ, мадемуазель, вамъ никакого вреда не сдѣлаютъ, такъ какъ, повторяю, вы имѣете дѣло съ рыцарями...

Онъ еще разъ поклонился, взялъ Илюшку подъ-руку и оба они удалились.

Женщина отошла отъ кровати и остановилась, насмѣшливо посматривая на дѣвушку.

— Что же, барышня, надо тебѣ шубку-то снять,— заговорила она.—Въ горницѣ тепло, въ шубкѣ неудобно,

а вонъ еще и въ шляпкѣ и въ калошахъ... Раздѣвайся-ка, барышня, я помогу тебѣ, да прикажи подать чего-нибудь покушать, у насъ, вѣдь, все есть, чего пожелаешь, и самоваръ у меня кипитъ, можетъ, чайку захочешь... Покушай, попей чайку, да ложись спать, — авось, не къ разбойникамъ попала!..

Женщина эта, бывшая кухарка управляющаго заводомъ, видавшая всякія оргіи, устраиваемыя тутъ когда-то Вертушевымъ, принимала, вѣроятно, Софью за одну изъ тѣхъ особъ, которыхъ много перебывало у Вертушева.

Принимала она дѣвушку за одну изъ такихъ особъ, чѣмъ-нибудь «провинившуюся» передъ Вертушевымъ и привезенную сюда помимо воли, закапризничавшую, но, конечно, скоро готовую успокоиться, бросить «ломанье» и помириться съ богатымъ и тароватымъ бариномъ.

Софья понимала это и рѣшила отдаться на волю судьбы, а въ глубинѣ ея сознанія воскресала надежда на то, что Даевъ не посмѣетъ, не захочетъ быть слишкомъ жестокимъ и въ концѣ-концовъ освободитъ ее.

Надо было ждать свиданія съ нимъ и Софья рѣшила ждать этого свиданія.

Ей мучительно хотѣлось пить и въ то же время хотѣлось заснуть, чтобы какъ можно скорѣе минула эта страшная ночь.

Женщина принесла графинъ съ водою и бутылку хорошаго краснаго вина.

Жадно выпила Софья три стакана воды съ виномъ, попросила потушить электричество, оставивъ одну маленькую лампочку на стѣнѣ и крѣпко, крѣпко заснула.

На другой день Даевъ явился къ ней.

XXII.

Софья проснулась въ восьмомъ часу.

Утро встало ясное, слегка подморозило и сквозь опущенныя шторы пробивались лучи солнца.

Софья встала съ постели, отдернула штору у одного изъ оконъ, отворила форточку и жадно глотнула свѣжій,

бодрящій утренній воздухъ и стало ей какъ-то легко и «тюрьма» ея не показалась уже теперь тюрьмою.

Одѣвшись и сдѣлавъ прическу, Софья горячо помолилась Богу, что она дѣлала каждое утро и ей захотѣлось напиться чаю съ густыми сливками, съ горячимъ бѣлымъ хлѣбомъ, какъ это она дѣлала дома.

И только что подумала объ этомъ Софья, какъ въ дверь осторожно постучались.

Вошла ея «тюремщица».

— Съ добрымъ утромъ! — хотя съ нѣкоторою насмѣшечкою, но благожелательно и довольно ласково поздоровалась съ нею вошедшая женщина.

— Здравствуйте, милая,—отвѣтила Софья на привѣтствіе.—Могу я попросить чаю?

Женщина убрала постель, отдернула шторы въ остальныхъ окнахъ, вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ подносомъ, на которомъ были горячіе бѣлые хлѣбы, и густыя сливки въ молочникѣ, и золотистые ломтики нарѣзаннаго лимона, и двѣ вазочки съ какимъ-то вареньемъ.

Софья съ удовольствіемъ выпила нѣсколько чашекъ чаю и стала немножко скучать, не зная, что ей дѣлать и мысли начали дѣлаться тягучими и нудными, вспомнила домъ, гдѣ теперь, вѣроятно, идетъ страшный переполохъ, гдѣ и отецъ, и мать, и милый Красовъ волнуются, кипятъ, не зная, что дѣлать.

Дѣвушка затуманилась.

Въ это время въ дверь опять постучались.

— Войдите,—разрѣшила Софья.

Вошла ея «тюремщица».

— Баринъ пріѣхали, — съ очень значительнымъ видомъ доложила она. — Спрашиваютъ, можно ли войтить къ вамъ?

— Какой баринъ?—спросила Софья.

— Знакомый нашего барина, Даевъ, Сергѣй Григорьевичъ.

Сердце Софьи усиленно забилось, въ вискахъ застучало. Она молчала нѣсколько минутъ, а женщина терпѣливо

дожидалась, насмѣшливо и съ укоромъ посматривая на Софью.

— Ну, что же? — уже нѣсколько грубовато спросила женщина.—Ждетъ, вѣдь, баринъ...

— Просите...

Сердце ея продолжало усиленно биться, краска сбѣжала съ лица и снова жуткое чувство страха, смѣшаннаго съ тоскою и поднявшимся гнѣвомъ охватило все существо ея.

Даевъ вошелъ.

При взглядѣ на него, Софья моментально убѣдилась, что этотъ страшный человѣкъ не сдѣлаетъ ей ничего дурного,—онъ былъ смущенъ, блѣденъ, какъ и она, въ наглыхъ всегда и холодныхъ глазахъ его была написана тревога.

Прошла минута тяжелаго молчанія.

— Вы проклинаете меня,—тихо, упавшимъ голосомъ заговорилъ Даевъ.—Вы меня презираете, какъ самаго послѣдняго негодяя, да? Да, я, вѣдь, дѣйствительно и негодяй и злодѣй!.. Моему дерзкому, безумному поступку нѣтъ названія, Софья Васильевна, онъ, заслуживая уголовной кары, заслуживаетъ и Божьяго гнѣва и людского презрѣнія... Пусть же меня покараетъ законъ, пусть люди накажутъ меня полнымъ презрѣніемъ, а гнѣвный Богъ пошлетъ на меня всякія кары, но только вы меня простите, вы!..

Даевъ слегка пошатнулся и тихо опустился на колѣни.

— Простите меня! — съ мольбою продолжалъ онъ.— Смотрите на меня, какъ на человѣка, дѣйствовавшаго въ припадкѣ полнаго безумія, смотрите, какъ на человѣка невмѣняемаго... Любовь моя къ вамъ сдѣлала меня безумнымъ и я забылъ законы и божескіе и человѣческіе!..

Софья медленно опустилась на стулъ.

Ей опять стало жаль этого дѣйствительно обезумѣвшаго человѣка, бѣшеная страсть котораго не знала удержу.

Дѣвушка готова была простить его отъ чистаго сердца, но не знала еще, какъ онъ поведетъ себя дальше и чѣмъ кончится этотъ его визитъ къ ней.

XXIII.

Даевъ поднялся съ колѣней.

— Вы свободны, Софья Васильевна,—сказалъ онъ.— Мой автомобиль ждетъ васъ, чтобы отвезти домой...

Лицо дѣвушки вспыхнуло яркимъ румянцемъ, грудь всколыхнулась отъ радостнаго чувства, какъ у птицы, выпущенной изъ клѣтки.

— Вы свободны,—повторилъ Даевъ.—За вами остается право преслѣдовать меня по закону и я не стану уклоняться отъ суда, я дамъ вамъ и вашему батюшкѣ всѣ средства преслѣдовать меня... Готовъ я дать и иное удовлетвореніе вашему жениху, вашему батюшкѣ, или, наконецъ, вашему доброму знакомому, господину Красову. Я буду ждать того или иного рѣшенія вашего три дня, а затѣмъ...

Онъ провелъ по лицу рукою.

— А затѣмъ я сочту возможнымъ располагать собою.

Онъ помолчалъ минутку.

— Я уѣду на войну, гдѣ, быть-можетъ, моя никому ненужная жизнь пригодится...

Онъ низко, почтительно поклонился Софьѣ и пошелъ къ двери.

Отъ дверей онъ оглянулся на дѣвушку и смотрѣлъ на нее долгимъ, долгимъ взглядомъ.

— Прощайте!—съ невыразимою тоскою крикнулъ онъ.— Навсегда прощайте, я больше никогда, никогда не увижу васъ!..

Софья хотѣла сказать ему что-нибудь, но у нея не нашлось для него ни единаго слова и онъ ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошла прислуживающая Софьѣ женщина.

— Машина васъ ждетъ, барышня, — сказала она. — Прикажете подать одѣться?..

— Да, пожалуйста...

Когда женщина удалилась, Софья подошла къ маленькому письменному столику, нашла тутъ чернильный приборъ, бумагу, конверты.

Она присѣла къ столику и, подумавъ немного, написала: «Никто не будетъ на васъ жаловаться... Случившееся предается полному забвенію, оно будетъ страннымъ и страшнымъ сномъ... Прощайте, желаю вамъ счастья, успокоенія, желаю отъ чистаго сердца, въ которомъ нѣтъ никакой злобы противъ васъ. Всѣ мои близкіе раздѣлятъ со мною этотъ взглядъ. Софья».

Она заклеила письмо въ конвертъ и приказала женщинѣ, которая явилась къ ней съ шубкою и шляпкою, передать письмо Даеву.

Черезъ полчаса Софья была дома и по ея настоянію отецъ «ликвидировалъ» все дѣло.

Моторъ, вернувшись на заводъ, доставилъ Даева домой.

Тамъ продолжала пировать пьяная, буйная компанія, которая встрѣтила Даева веселыми, бурными криками.

Вертушевъ подошелъ къ Даеву и хотѣлъ его обнять.

— Убирайся къ чорту!—бѣшено крикнулъ Даевъ и оттолкнулъ Вертушева.

Тотъ пошатнулся, едва не упалъ, сѣлъ на стулъ и не столько съ гнѣвомъ, сколько съ удивленіемъ сталъ смотрѣть на Даева.

Даеву стало жаль пріятеля, который такъ самоотверженно помогалъ ему въ безумной затѣѣ его, услужилъ истинно по-пріятельски.

— Прости меня, Андрей,—примирительно сказалъ Даевъ, подходя къ Вертушеву и взявъ его за руку.—Я сумасшедшій человѣкъ, я невмѣняемый человѣкъ, прости меня... Ты такой славный малый, такой чудный товарищъ!..

Даевъ сѣлъ рядомъ съ Вертушевымъ.

— Все это покончено, милый,—сталъ онъ шептать Вертушеву на ухо.—Я понялъ, что затѣялъ вещь совершенно безсмысленную, дикую, во-время образумился и теперь знаю, что мнѣ дѣлать... Ты не сердишься на меня?..

— Да нисколько, Сережа, нисколько... Я, вѣдь, понимаю, что у тебя сердце не на мѣстѣ и въ головѣ угаръ...

— Да—угаръ!.. Угаръ этотъ, Андрей, скоро пройдетъ, а головѣ моей найдется мѣсто... Ну, а теперь будемъ пить!..

Даевъ напился до полной потери сознанія, а ровно черезъ недѣлю онъ поступилъ вольноопредѣляющимся и

тѣ же самые друзья отправляли его на театръ военныхъ дѣйствій.

XXIV.

Туманной холодной ночью, незадолго уже до разсвѣта, по лѣвому берегу Вислы шла рота нашей пѣхоты, вызванная для подкрѣпленія къ небольшому отряду, состоящему изъ артиллеріи и трехъ ротъ пѣхоты, который, по полученнымъ свѣдѣніямъ, долженъ былъ атаковать значительныя силы германцевъ.

Дорога шла мелкимъ лѣсомъ, растущимъ по болоту.

Рота шла молча—громко разговаривать было запрещено, какъ запрещено было и курить, ибо представлялось возможнымъ совершенно нечаянно наткнуться на непріятеля, который, по свѣдѣніямъ нашихъ разъѣздовъ, находился, какъ-разъ въ этомъ лѣсу и густыми колоннами направлялся въ этомъ мѣстѣ, къ берегу Вислы.

Въ этой ротѣ находился въ качествѣ вольноопредѣляющагося бывшій присяжный повѣренный Сергѣй Григорьевичъ Даевъ.

Онъ, могучій и бравый, въ солдатской шинели и въ сѣрой папахѣ, бодро шелъ съ ружьемъ на плечѣ и своими холодными, со стальнымъ блескомъ, глазами, то зорко смотрѣлъ впередъ въ туманную даль дороги, то отводилъ взглядъ отъ этой дали и начиналъ смотрѣть въ чащу лѣса, гдѣ легкій вѣтерокъ шуршалъ обледенѣлыми вѣтвями деревьевъ, срывая тяжелые хлопья снѣга, съ подозрительнымъ шумомъ падающіе на землю.

Даевъ, только что поступившій въ полкъ, только что прибывшій на театръ военныхъ дѣйствій, не былъ еще въ бою, не видалъ еще огня, не находился подъ смертельнымъ свинцовымъ дождемъ, подъ страшнымъ градомъ снарядовъ и пуль.

Ему сегодня только впервые предстояло увидать бой и быть его участникомъ.

Большинство солдатъ его роты тоже состояло изъ новобранцевъ, некрещенныхъ еще огнемъ.

Не будучи еще въ бою, онъ, въ тылу арміи, видѣлъ уже множество тяжело-раненыхъ, умирающихъ, искалѣченныхъ воиновъ и теперь картины страданія вставали передъ нимъ, смущая его духъ.

Отрывая взглядъ отъ туманной дали и отъ темнаго лѣса, онъ посматривалъ на своихъ товарищей, желая прочитать на ихъ лицахъ то, что они чувствовали, но лица солдатъ выражали лишь желаніе поскорѣй дойти до цѣли и кончить эту скучную дорогу, по замерзшимъ кочкамъ, въ темнотѣ скучнаго лѣса.

Шепоткомъ разговаривать было можно и солдатики пользовались этимъ правомъ.

— Покурить-бы теперь, братцы, хорошо,—сказалъ молодой, безусый солдатикъ, перекладывая ружье съ одного плеча на другое.—Закуришь, такъ и веселѣе и теплѣе дѣлается...

— Будетъ тебѣ тепло, какъ нѣмецъ огонекъ-то замѣтитъ да прямо на него и шарапнетъ изъ орудій, — замѣтилъ другой солдатикъ, бывшій уже въ бою и даже слегка раненый, но теперь оправившійся и вернувшійся въ свою часть. — Енъ, братъ, зорко смотритъ, слѣдитъ и какъ только замѣтитъ что-нибудь такое, такъ и начнетъ изъ орудій садить...

Желающій покурить солдатикъ покосился на темный лѣсъ.

— А енъ разѣ тутъ?—спросилъ онъ.

— А кто его знаетъ?.. Поблизости — нѣтъ, а можетъ гдѣ-нибудь за версту и притаился, ну, а орудіе достанетъ тебя и за версту и за двѣ... Нѣтъ, братъ, курить теперь не полагается!..

И послѣ этихъ словъ темнота чернаго лѣса стала еще болѣе зловѣщею и стало казаться, что каждую секунду изъ этой мрачной темноты можетъ притти смерть.

«Только бы не такъ» думалъ Даевъ. «Пускай бы смерть пришла въ открытомъ бою, грудь съ грудью съ врагомъ, при свѣтѣ яркаго солнца!.. Скверно умереть вотъ такъ, не ожидая смерти отъ какого-нибудь внезапно вылетѣвшаго снаряда, который разорветъ тебя на части».

— Лихо драться въ открытомъ бою,—словно угады-

вая его мысли, заговорилъ бывалый солдатикъ. — Идешь тогда и не о чемъ не думаешь,—хочется только впередъ, какъ бывало у насъ въ деревнѣ, въ кулачномъ бою, когда мы съ фабричными драки устраивали... Не любитъ этого нѣмецъ, проклятый, все норовитъ больше издали тебя шарапнуть!..

— Тсъ!..—сердито цыкнулъ идущій впереди унтеръ-офицеръ.—Не наговорились?.. Не приказано разговаривать, такъ и молчите!

— Мы шепоткомъ, Максимъ Степанычъ...

— Ну, ладно, ладно и шепоткомъ не слѣдуетъ!..

И вдругъ, среди наступившей тишины, гдѣ-то прямо, какъ бы въ концѣ идущей дороги, грянулъ пушечный выстрѣлъ.

Всѣ невольно вздрогнули и плотнѣе сомкнулись, а вслѣдъ за первымъ выстрѣломъ загремѣлъ второй, третій, четвертый и затѣмъ частой дробью загремѣли ружейные выстрѣлы.

Ротный командиръ, идущій впереди, обнажилъ шашку, оглянулся на солдатъ и скомандовалъ бѣглый шагъ.

Рота побѣжала впередъ.

XXV.

Орудійные выстрѣлы слышались все ближе и ближе, но скоро они замолчали и слышалась лишь частая ружейная дробь.

Рота бѣжала все быстрѣе и быстрѣе.

— Куда мы спѣшимъ?—думалъ Даевъ.—Къ смерти!.. Каждый шагъ приближаетъ многихъ изъ насъ либо къ смерти, либо къ тяжелому увѣчью... Быть можетъ, и я черезъ нѣсколько минутъ не буду уже существовать... Все кончится, все уйдетъ куда-то и зачѣмъ было жить, зачѣмъ было переносить всѣ ужасы жизни?.. Боже, да, вѣдь, не только здѣсь, на этомъ «полѣ смерти», а и гдѣ бы то ни было каждый шагъ приближаетъ насъ къ могилѣ, а мы суетимся, волнуемся, дѣлаемъ скверныя дѣла, забывая о скоромъ концѣ нашей жизни!..

И онъ пересталъ совершенно бояться грядущей смерти, которая казалась ему теперь лишь избавленіемъ отъ великой тяжести, отъ огромнаго бремени...

Онъ бѣжалъ, обгоняя товарищей...

Лѣсъ кончился и рота выбѣжала въ открытое поле, а дорога здѣсь пошла на пригорокъ и была хорошею и ровною.

Когда рота достигла пригорка, ружейные выстрѣлы стали слышны лучше и были видны перебѣгающіе огоньки ихъ въ туманѣ ночи.

Запыхавшіеся отъ бѣга солдаты безъ всякой команды остановились на гребнѣ, но остановились на одну лишь минуту и стали спускаться въ лощину, скользя ногами по крутому обмерзшему обрыву.

Отъ того мѣста, гдѣ вспыхивали и гремѣли выстрѣлы послышались крики и хорошо было можно разобрать, что это крики радостные, побѣдные.

— Ура-а-а-а!.. — ясно слышалось во мракѣ ночи, который начиналъ понемногу блѣднѣть.

Выстрѣлы вдругъ прекратились и стало тихо и лишь слегка шумѣло что-то въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ бой, словно приливъ моря, далекаго моря, гудѣлъ и волновался.

Минутъ черезъ десять бѣга рота достигла до нашего отряда и присоединилась къ нему.

Кто-то верхомъ на конѣ, высоко взмахнувъ тускло блеснувшею шашкою, скомандовалъ «стой»!..

Рота, услыхавъ команду своего командира, раздавшуюся вслѣдъ за командою верхового, остановилась и построилась.

Быстро начинало свѣтать и было видно, какъ строились въ колонны части отряда, прекратившаго бой.

— Мы опоздали, господинъ полковникъ? — спросилъ ротный командиръ у коннаго офицера.—Бѣжали во весь духъ...

— Управились!—весело отвѣтилъ полковникъ. — Такого имъ жару задали, что до новыхъ вѣниковъ не забудутъ!.. Теперь казаки изъ нихъ котлеты дѣлаютъ, а

мы отдыхать будемъ,—двое сутокъ на чеку были, ждали нѣмца, не спали и почти не ѣли!..

Свѣтало все сильнѣе и сильнѣе и скоро наступилъ настоящій день морозный и ясный.

Солдаты отряда, поставивъ ружья въ козлы, рубили лѣсъ, разводили костры, шутили, смѣялись, а тутъ же санитары подбирали убитыхъ и раненыхъ.

Поставила въ козлы ружья и рота Даева.

Даевъ, поставивъ ружье, присѣлъ на поваленное дерево и сталъ закуривать папиросу, тяжело дыша.

Отъ непривычки сильно и долго двигаться, онъ усталъ, запыхался и теперь лишь пришелъ къ заключенію, что не въ состояніи былъ бы пробѣжать еще и ста шаговъ.

Даевъ закурилъ папироску, съ наслажденіемъ затянулся и вдругъ дрогнулъ весь, напряженно выпрямился и сейчасъ же всталъ на ноги.

Шагахъ въ десяти отъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, въ небольшой группѣ офицеровъ онъ увидалъ Латанина.

Аркадій Павловичъ, надвинувъ папаху на затылокъ, покуривая трубочку, стоялъ и о чемъ-то оживленно разговаривалъ, весело улыбаясь. Въ правой рукѣ онъ держалъ коротенькій чубучекъ походной трубки, а лѣвая рука съ забинтованной кистью, висѣла у него на перевязи.

— Онъ уже раненъ! — прошепталъ Даевъ, впиваясь глазами въ счастливаго соперника своего. — Какой онъ бравый... Знаетъ ли онъ о случившемся, писала ли ему Софья о томъ, что я сдѣлалъ съ нею?..

Даевъ бросилъ окурокъ папиросы и медленно-медленно пошелъ къ той группѣ офицеровъ, въ которой стоялъ Латанинъ.

XXVI.

Не доходя шаговъ двадцати до Латанина, Даевъ остановился.

Остановился и сталъ смотрѣть на него, не спуская глазъ.

Самыя разнообразныя чувства волновали Даева, пока онъ смотрѣлъ на человѣка, ставшаго у него на дорогѣ къ счастью, лишившаго его этого счастья, какъ думалось Даеву.

Ненавидѣлъ, и въ то же время невольно чувствовалъ къ нему что-то въ родѣ уваженія или, быть можетъ, страха, какъ всегда бываетъ у человѣка, смотрящаго на того, кто удачливѣе, счастливѣе и, стало-быть, сильнѣе...

Бравый, молодецкій видъ Латанина, его безпечная улыбка, его раненая рука возбуждали въ Даевѣ то же чувство уваженія и нѣкоторой зависти.

«Вѣдь, только что избѣжалъ онъ огромной опасности»,— думалъ Даевъ,—«только что смотрѣлъ въ глаза холодной смерти и такъ веселъ, такъ безпеченъ, словно послѣ ученья на плацу, которое удалось и прошло благополучно!.. А, вѣдь, у него въ Москвѣ любимая невѣста, у него въ Москвѣ тотъ человѣкъ, который далъ ему полное счастье и сулитъ еще большее, какъ же это такъ?.. Быть можетъ, это — холодное равнодушіе, а, быть можетъ, и величайшее мужество, неизмѣримая сила характера, дающая возможность владѣть собою, какъ опытный смѣлый всадникъ владѣетъ горячимъ конемъ...»

Вихремъ неслись эти думы въ головѣ Даева и онъ продолжалъ смотрѣть на Латанина, а рядомъ съ нимъ вставалъ нѣжный образъ Софьи.

И опять всколыхнулась въ сердцѣ Даева страсть и опять онъ безумно любилъ Софью, готовый взять ея любовь насильно, будь дѣвушка тутъ близко отъ него.

Латанинъ, занятый разговоромъ съ офицерами, не замѣчалъ Даева, слившагося съ сѣрыми фигурами другихъ солдатъ, которые сновали мимо въ одиночку и цѣлыми группами.

Даевъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ и могъ теперь слышать разговоры господъ офицеровъ.

— Не говоря уже о томъ, что наши солдаты—молодцы и настоящіе герои, намъ и повезло еще сегодня! — говорилъ Латанинъ. — Непріятель не ожидалъ нашей атаки, наткнулся на насъ, какъ волкъ натыкается на капканъ и попалъ въ этотъ капканъ!..

— Да, но тѣмъ не менѣе дрались они отчаянно, — замѣтилъ другой офицеръ.

— Великолѣпно дрались,—согласился Латанинъ.—Но что это за чудо-богатыри наши солдатики!.. Если бы вы только видѣли, господа, какъ они бросились на батарею непріятеля и какъ смѣло, быстро овладѣли ей...

— И себя, батюшка, вели молодцомъ, — съ улыбкой замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ Латанину, — я видѣлъ, какъ вы вели полуроту, и тоже чувствуя себя, какъ на маневрахъ... Васъ можно заранѣе поздравить съ отличіемъ, съ наградою...

Латанинъ пожалъ плечами.

— А рука болитъ?—спросилъ пожилой офицеръ, украшенный солдатскимъ Георгіевскимъ крестомъ.

— Вотъ сейчасъ какъ будто бы и болитъ,—отвѣтилъ Латанинъ.—Вспомнилъ про нее и заболѣла, а во время боя я и о существованіи ея забылъ!..

— Это васъ гдѣ зацѣпило?

— Третьяго дня подъ той деревушкой, изъ которой мы выбили нѣмцевъ...

— Будетъ дѣйствовать ручка-то?..

Латанинъ поднесъ къ лицу лѣвую руку и сталъ разглядывать ее. — Надо, пожалуй, сходить на перевязку, а то въ самомъ дѣлѣ болѣть стала, послѣ того, какъ вы, милый капитанъ, напомнили мнѣ о моей ранѣ...

— А то бы вы о ней забыли?—засмѣялся капитанъ.

— Забылъ бы!—тоже со смѣхомъ отвѣтилъ Латанинъ.

Онъ досталъ правой рукой портсигаръ, придержалъ его завязанною лѣвою, досталъ папиросу, закурилъ у одного изъ офицеровъ и пошелъ по склону кустарника, гдѣ расположился перевязочный пунктъ.

Даевъ подумалъ немного, оглянулся кругомъ, посмотрѣлъ на группу и оставивъ ихъ влѣво, быстро направился догонять Латанина.

XXVII.

Не болѣе пяти шаговъ отдѣляло Даева отъ Латанина.

— Аркадій Павловичъ!—какъ-то особенно громко, «съ надрывомъ» крикнулъ Даевъ.

Латанинъ вздрогнулъ, какъ не вздрагивалъ, вѣроятно, отъ разорвавшагося снаряда и оглянулся.

Онъ замѣтно поблѣднѣлъ, темныя брови его сдвинулись и плотно, плотно сжались губы.

Даевъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ, вспомнилъ вдругъ, что онъ—нижній чинъ, а передъ нимъ стоитъ офицеръ, вытянулся во фронтъ, приложилъ руку «подъ козырекъ» и тихо, упавшимъ голосомъ проговорилъ:

— Здравія желаю, ваше благородіе.

Латанинъ быстро приложилъ руку къ папахѣ, опустилъ на одну секунду голову, потомъ поднялъ ее и подошелъ къ Даеву.

Аркадій Павловичъ два дня тому назадъ получилъ отъ Софьи письмо, въ которомъ она подробно разсказала все случившееся съ нею, не жалуясь на Даева, а, напротивъ, выставляя его великодушнымъ героемъ, почти рыцаремъ, подчеркивая его глубокое раскаяніе, разсказывая о томъ, что онъ «для искупленія своихъ грѣховъ» собрался ѣхать на войну.

И вотъ Латанинъ увидалъ этого человѣка на полѣ битвы, одѣтаго въ сѣрую солдатскую шинель, въ грубые, мужицкіе сапоги, сильно похудѣвшаго, измѣнившагося почти до неузнаваемости.

Самыя разнообразныя чувства заволновались въ душѣ Латанина.

Что-то враждебное къ этому человѣку болѣзненно шевельнулось въ немъ, но въ то же время ему и жаль было его, вѣдь, человѣкъ этотъ долженъ былъ глубоко и сильно страдать.

Латанинъ долго не могъ выговорить ни слова, потомъ протянулъ руку Даеву.

— Здравствуйте, — тихо сказалъ онъ. — Вы недавно здѣсь?...

— Только что... Моя рота была послана сюда для подкрѣпленія вашего отряда, но пришла тогда, когда вы уже разбили и прогнали непріятеля. Я не былъ еще въ бою и слышалъ выстрѣлы лишь издали.

— Скоро услышите опять,—усмѣхнулся Латанинъ.

— Я жажду этого, Аркадій Павловичъ!—воскликнулъ Даевъ и раскаялся въ томъ, что произнесъ эту фразу, которая показалась ему слишкомъ громкою, хвастливою,—словно онъ хотѣлъ «пофорсить» передъ Латанинымъ.

Онъ слегка покраснѣлъ и опустилъ глаза подъ пристальнымъ взглядомъ Латанина.

— Я не жажду отличій,—снова заговорилъ Даевъ,—я не стремлюсь быть героемъ, но разъ я пришелъ сюда, такъ мнѣ хочется попасть, какъ можно скорѣе, въ дѣло...

— О, это скоро будетъ! — опять усмѣхнулся Латанинъ.—Желаю вамъ всякихъ успѣховъ, Даевъ...

Латанинъ еще хотѣлъ что-то сказать, но, должно быть, передумалъ, тряхнулъ головою и снова быстро подалъ Даеву руку.

— Ну, до свиданья пока, я иду на перевязку, прощайте...

Онъ сдѣлалъ подъ козырекъ, повернулся и быстро пошелъ.

— Аркадій Павловичъ, вы давно не получали письмо отъ Софьи... Васильевны? — крикнулъ ему въ догонку Даевъ.

Латанинъ остановился и, не оборачиваясь къ Даеву, отвѣтилъ:

— Третьяго дня получилъ... Она мнѣ написала обо всемъ... Забудемъ это, Сергѣй Григорьевичъ, предадимъ полному забвенію... Предадимъ полному забвенію все, что было и будемъ жить настоящимъ, думая о новомъ, хорошемъ будущемъ...

И онъ быстро, быстро сталъ удаляться отъ Даева.

«Онъ презираетъ меня», съ тоскою подумалъ Даевъ. «Счастливый соперникъ!.. Да и что же, кромѣ презрѣнія, можетъ онъ чувствовать ко мнѣ?.. Я, вѣдь, и самъ себя презираю»...

Онъ постоялъ нѣсколько минутъ, посмотрѣлъ на уда-

ляющагося Латанина, повернулся и медленно пошелъ къ бивуаку.

— Хоть бы скорѣй сраженіе!—вслухъ подумалъ онъ.— Не знаю, храбрый ли я, но знаю, что жалѣть себя я не буду и пойду въ огонь, какъ на пиръ... Чѣмъ скорѣй шлепнется въ меня нѣмецкая пуля или продырявитъ нѣмецкій штыкъ или разорветъ снарядъ, тѣмъ будетъ лучше... Я никому не нуженъ, да и мнѣ никто не нуженъ... Ахъ, скорѣй бы, скорѣй дѣло!..

Онъ подошелъ къ одному изъ костровъ, вокругъ котораго сидѣло человѣкъ десять солдатъ, ожидая, пока закипитъ котелокъ съ похлебкою.

Солдатики узнали въ немъ «барина» и посторонились.

— Садитесь, баринъ,—ласково пригласилъ одинъ изъ нихъ, пожилой уже ополченецъ. — Вотъ кашица сейчасъ поспѣетъ, похлебайте.

Даевъ поблагодарилъ, присѣлъ къ костру и сталъ закуривать трубочку.

— Эхъ, важная трубочка!—похвалилъ ополченецъ.— Изъ березоваго корневища точена, прочная... Я, дуракъ, фарфоровую въ Москвѣ купилъ, сюда ее довезъ, сунулъ вчера за голенище, да прикладомъ шаркнулъ по голенищу-то, ну, только и видѣлъ мою трубочку—раздавилъ!..

Солдатики засмѣялись.

— Изъ чего же теперь, Крупкинъ, куришь? — спросилъ одинъ.

— Цыгарки дѣлаю... Газетная бумага была сперва, а теперь вотъ изъ хозяйкинаго письма сталъ дѣлать...

Даевъ предложилъ солдатику свою трубку въ подарокъ.

XXVIII.

Какъ ребенокъ куклѣ, обрадовался солдатикъ подарку.

— Вотъ благодарю, баринъ,—сказалъ онъ, весь расплываясь въ улыбку.—А только изъ чего же вы сами-то курить будете?..

— Я папиросы курю,—отвѣчалъ Даевъ.—У меня въ обозѣ, въ вещахъ есть еще двѣ трубки...

— Ну, спасибо, баринъ, спасибо, дай Богъ тебѣ здоровья!..

Крупкинъ принялся было набивать подаренную трубочку табакомъ, но сосѣдній солдатъ попросилъ ее посмотрѣть и трубка стала переходить изъ рукъ въ руки.

— Важная трубка, удобная,—хвалили кругомъ.

— Поди, полтинникъ далъ, баринъ?—спросилъ одинъ, разглядывая металлическія украшенія трубки, цѣпочку, которой была прикрѣплена крышка и на которой висѣла витая проволока, для прочистки трубки.

— Сказалъ тоже—полтинникъ, — даже съ нѣкоторою обидою въ голосѣ возразилъ другой, человѣкъ городской, знающій цѣны всякимъ такимъ «предметамъ роскоши».— Отдашь, братъ, и цѣлковый.

Даевъ заплатилъ за трубку въ магазинѣ на Кузнецкомъ три рубля, но не сказалъ этого и оцѣнилъ ее въ семьдесятъ пять копѣекъ.

Когда трубка, обойдя весь кругъ, вернулась къ Крупкину, онъ набилъ ее, закурилъ и обвелъ всѣхъ такимъ торжествующимъ взглядомъ, что солдатики невольно засмѣялись.

— Словно именинникъ нашъ Крупкинъ, — замѣтилъ одинъ.

— Женино письмо-то теперь беречь будешь? — спросилъ другой.

— Да ужъ я половину его искурилъ...

Опять всѣ засмѣялись.

Кашица поспѣла и Крупкинъ досталъ изъ кармана деревянную ложку.

— Похлебайте, баринъ,—предложилъ онъ.

— Да вы, Крупкинъ ѣшьте сами, я успѣю, — отвѣтилъ Даевъ, которому очень хотѣлось ѣсть, но Крупкинъ ни за что не согласился ѣсть первымъ и настоялъ на томъ, чтобы «баринъ» кушалъ первымъ.

Кашица показалась Даеву необыкновенно вкусною, и онъ ѣлъ ее съ такимъ аппетитомъ, съ какимъ не ѣдалъ и самыхъ изысканныхъ блюдъ въ «Прагѣ» или у «Яра».

Крупкинъ любовался его аппетитомъ и нѣсколько разъ

отказывался отъ своей ложки, которую ему возвращалъ Даевъ.

— Кушайте,—ласково говорилъ онъ.—Мнѣ, признаться сказать, и ѣсть не хочется, потому какъ я сухарей цѣлую уйму слопалъ, пока кашицу заваривали...

Однако, когда наѣвшійся Даевъ возвратилъ, наконецъ, ему ложку, Крупкинъ принялся уписывать остатки кашицы съ величайшимъ аппетитомъ, и видно было, что онъ голоденъ, какъ и всѣ остальные, послѣ труднаго перехода и боя.

Изъ обновки Крупкина покурили рѣшительно всѣ, и каждый хвалилъ трубку, осматривая со всѣхъ сторонъ и находя въ ней все новыя и новыя удобства.

Даевъ прислушивался къ этимъ разговорамъ, всматривался въ лица своихъ товарищей и начиналъ ихъ любить тою любовью, которая непремѣнно загорается въ сердцѣ «интеллигента», когда онъ входитъ въ тѣсное общеніе съ народомъ, съ дивнымъ русскимъ народомъ, душу котораго такъ мало знаетъ «интеллигентъ».

Къ группѣ солдатиковъ подошелъ вѣстовой.

— Который тутъ вольноопредѣляющій Даевъ?—спросилъ онъ.

Даевъ отозвался.

— Капитанъ Сахаровъ васъ требуетъ къ себѣ,—сказалъ ему вѣстовой.

Капитанъ Яковъ Васильевичъ Сахаровъ командовалъ теперь отрядомъ, къ которому присоединилась рота Даева.

Узнавъ отъ ротнаго командира Даева, что въ ротѣ находится вольноопредѣляющійся изъ присяжныхъ повѣренныхъ Сергѣй Григорьевичъ Даевъ, капитанъ Сахаровъ приказалъ позвать его въ общество офицеровъ, которые у разложеннаго костра, комфортабельно устроившись подъ разбитою палаткою, пили чай.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ капитанъ Сахаровъ на «здравія желаю» подошедшаго и ставшаго во фронтъ Даева.—Садитесь съ нами, милый, садитесь чайку попить, знакомьтесь съ господами офицерами.

Офицеры радушно поздоровались съ Даевымъ и очистили ему мѣсто.

— Очень вамъ благодаренъ, господинъ капитанъ,— отвѣтилъ Даевъ.—Меня глубоко трогаетъ вниманіе ваше и господъ офицеровъ, но я попрошу позволенія остаться съ моими товарищами-солдатами, мнѣ не хотѣлось бы пользоваться привилегіями моего званія.

Капитану Сахарову, кажется, это очень понравилось, и онъ не сталъ протестовать, но сказалъ Даеву, что общество господъ офицеровъ не противъ, чтобы видѣть его въ своемъ кругу.

Даевъ поблагодарилъ и вернулся къ солдатамъ.

XXIX.

Ночью отрядъ выступилъ въ походъ.

Развѣдчики дали знать, что въ десяти верстахъ нѣмцы покинули свои окопы и отошли для соединенія съ большимъ наступающимъ отрядомъ.

Капитану Сахарову было прислано приказаніе—занять покинутые нѣмцами окопы, укрѣпиться въ нихъ и держаться до прихода подкрѣпленій, чтобы потомъ атаковать непріятеля общими силами.

Въ это же время пришедшій отрядъ кавалеріи долженъ былъ обойти отступившаго изъ окоповъ врага и ударить на него или съ тылу или съ праваго фланга.

И вотъ отрядъ, въ которомъ былъ Даевъ, подъ начальствомъ капитана Сахарова, выступилъ.

Ночь была темная, вѣтренная, и запорошилъ снѣжокъ.

Ноги скользили на неровной дорогѣ, тяжелые сапоги были неудобны, отъ непривычки къ нимъ, завернутыя неумѣлыми руками портянки терли пальцы, винтовка обременяла и давила плечо.

Ходить пѣшкомъ почти не приходилось, раздѣ дѣлалась иногда небольшая прогулка по Кузнецкому Мосту «для моціона» передъ хорошимъ обѣдомъ, при чемъ итти приходилось по выметенному асфальту, въ удобной легкой обуви, въ веселой компаніи пріятелей и милыхъ дамъ.

А тутъ надо итти по кочкамъ и рытвинамъ, спускаться въ ложбинки, подыматься на холмики, споты-

каться о кочки и змѣевидные корни деревьевъ, которые очень затрудняли дорогу.

Стала мучить изжога, появилась одышка, ноги заплетались и страшно ломило спину.

Большого роста, широкоплечій, съ могучей грудью, отлично сложенный, Даевъ былъ теперь какъ слабый, безсильный ребенокъ, а его товарищи, большею частію низкорослые, худощавые, узкогрудые и узкоплечіе, шли легко, весело, совершенно не замѣчая трудностей дороги.

Маленькій, тощенькій солдатикъ Крупкинъ, которому Даевъ подарилъ трубочку, шелъ бодро, постоянно закуривалъ подаренную трубочку, похваливалъ ее, острилъ и смѣялся.

— Ежели, братцы, убьютъ меня, такъ нѣмцамъ трубку не отдавайте,—какъ убьютъ, такъ сейчасъ же и вынимайте трубку изъ кармана, чтобы поганый нѣмецъ изъ нея не смѣлъ курить... Вотъ Оглоблину ее отдайте, потому какъ онъ оченно на нее зарится...

Смѣялись и шутили и прочіе солдаты.

Всего болѣе удивлялъ Даева капитанъ Сахаровъ.

Вѣдь, капитанъ былъ тоже интеллигентъ, былъ человѣкъ уже не молодой и совсѣмъ не представлялъ изъ себя того, что называется «здоровякомъ», а между тѣмъ онъ шелъ впереди своего отряда совершенно легко, тоже не выпуская изо рта свою трубочку, разговаривалъ и шутилъ съ офицерами.

Видѣлъ Даевъ и Латанина, идущаго рядомъ съ капитаномъ.

Латанинъ не удивлялъ Даева, такъ какъ былъ всегда человѣкъ очень дѣятельный, подвижный и слылъ въ Москвѣ великолѣпнымъ и неутомимымъ охотникомъ.

— Что, баринъ, устали?—заботливо спросилъ у Даева Крупкинъ, замѣтивъ, должно быть, что «баринъ» едва передвигаетъ ноги.

— Да, голубчикъ, усталъ!—отвѣтилъ Даевъ. — Сапоги очень тяжелые, огромные; посовѣтовали мнѣ не носки надѣть, а навернуть портянки, я скверно это сдѣлалъ и ноги мнѣ третъ...

— Такъ поправить, баринъ, надо!..

Крупкинъ сунулъ трубочку въ карманъ, остановился, прислонилъ винтовку къ дереву и удержалъ Даева за рукавъ.

— Давайте я вамъ поправлю чичасъ,—сказалъ онъ.— Садитесь...

— Нѣтъ, не надо, ничего...

— Какъ такъ «ничего?»—Обязательно поправить надо, а то сотрете ногу до крови, совсѣмъ будетъ нельзя иттить. Портянку надо умѣючи навертѣть, это дѣло мудреное, ба-а-альшой науки требуетъ!..

Даеву было совѣстно пользоваться услугами солдатика, но тотъ такъ добродушно предлагалъ эти услуги, ноги такъ болѣли, что Даевъ согласился.

Крупкинъ разулъ его и принялся развертывать неумѣло надѣтыя портянки.

— Ишь, какъ нескладно навертѣлъ,—говорилъ онъ, покачивая головою.—Хе, хе, хе... Разѣ такъ навертываютъ?.. Вонъ стеръ, вишь, около большого пальца, ажъ до крови!.. Такъ, братъ, живымъ манеромъ обезножишь, это все равно, что худо кованная лошадь, портянка на походѣ первое дѣло!..

Онъ отлично обулъ Даева, и тотъ словно переродился, чувствуя великолѣпно обутыя ноги, ободрился, рысью догналъ отошедшій впередъ отрядъ и пошелъ весело.

Но, увы,—это было недолго!..

Сдѣлавъ еще версты три, Даевъ опять сталъ чувствовать усталость, плечи у него ломили, въ колѣняхъ появилась невыносимая боль, грудь тѣснило и дышалъ онъ съ трудомъ.

— Я не могу, рѣшительно не могу,—съ тоскою проговорилъ онъ и опустился на снѣгъ.

Крупкинъ остановился надъ нимъ, покачивая головою, а отрядъ шелъ все впередъ и впередъ и скоро скрылся во мракѣ непогожей ночи.

XXX.

Даевъ съ печальной улыбкою взглянулъ на Крупкина.

— Идите, Крупкинъ,—сказалъ онъ.—Вамъ оставаться здѣсь неудобно, а я посижу, отдохну и догоню васъ...

Крупкинъ почесалъ затылокъ.

— Такъ-то оно такъ, баринъ, а только очень ужъ печально тебѣ одному тутъ оставаться... Можетъ, потащишься какъ-нибудь, а?.. Я бы помогать тебѣ сталъ...

— Нѣтъ, Крупкинъ, ступайте... Я, вѣдь, большой, тяжелый, вамъ трудно будетъ, а безъ помощи я итти совершенно не могу...

Крупкинъ подумалъ немного...

— Ну, инъ быть такъ,—сказалъ онъ. —Посиди, баринъ, отдохни, а потомъ и догоняй насъ, тутъ ужъ, кажись, недалече,—отдохнумши дойдешь...

Онъ оглянулся кругомъ.

— Тихо все кругомъ, словно бы опасаться нечего... Вотъ ежели—волки, такъ ихъ, должно быть, давно распугали выстрѣлами да походомъ, не должно имъ тутъ быть... Не бродятъ ли развѣ двуногіе волки?.. Да, нѣтъ, и имъ тутъ словно бы не мѣсто.

Онъ поправилъ винтовку на плечѣ.

— Пойду, а то наши, гляди, далеко ушли... Ну, такъ до увиданья, баринъ... отдыхай... Кажись, не слишкомъ морозно, авось, не замерзнешь...

— Нѣтъ, Крупкинъ—ничего, не холодно, — отвѣтилъ Даевъ.

Крупкинъ взялъ ружье на перевѣсъ и побѣжалъ.

Долго слышался скрипъ снѣга подъ его тяжелыми сапогами, потомъ звуки эти все отдалялись и отдалялись, слышались слабѣе и, наконецъ, замерли вдали.

Мертвая тишина наступила кругомъ.

— Отсталой!—вслухъ подумалъ Даевъ. — Такъ называются солдаты въ походѣ въ моемъ положеніи... Здоровъ и силенъ былъ въ кабакахъ, въ попойкахъ, а вотъ какъ коснулось до дѣла—такъ никуда негоденъ, слабое ничтож-

ное существо, огромный ребенокъ, «колоссъ на глиняныхъ ногахъ»... Какая тоска!..

Даевъ оглянулся кругомъ и сталъ прислушиваться къ жуткой тишинѣ.

Ни звука... Слышно лишь частое біеніе собственнаго сердца, да шумитъ въ ушахъ отъ прилива крови и порою кажется, что этотъ шумъ откуда-то извнѣ и онъ тревожитъ, пугаетъ...

Стала клонить дремота.

Хорошо бы вотъ прилечь тутъ, на мягкомъ снѣгу и заснуть крѣпкимъ, крѣпкимъ сномъ, но, вѣдь, это, говорятъ, опасно: люди въ такомъ положеніи замерзаютъ даже и при небольшомъ морозѣ.

Даевъ встряхнулся весь, расправилъ руки и ноги, досталъ портсигаръ и закурилъ папиросу.

Стало немного веселѣе.

Докуривъ папиросу и бросивъ окурокъ, Даевъ хотѣлъ было закурить свѣжую папиросу, но вдругъ вздрогнулъ и сталъ чутко прислушиваться.

Мертвая тишина ночи чѣмъ-то встревожилась.

— Въ ушахъ это шумитъ или я дѣйствительно слышу что-то?—подумалъ Даевъ. — Нѣтъ, это уже не шумъ въ ушахъ, а что-то постороннее.

Онъ съ трудомъ поднялся, опираясь о землю, поднялъ ружье и, едва волоча ноги, отошелъ за густой кустарникъ, гдѣ и прилегъ снова.

Прилегъ и сталъ прислушиваться.

Теперь ясно было слышно, что гдѣ-то недалеко движется что-то живое, — хрустѣлъ подъ тяжелыми шагами снѣгъ, шуршали обледенѣлые кусты, что-то звякало металлическимъ звукомъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ послышалось отфыркиваніе лошадей и теперь стало ясно, что къ дорогѣ, со стороны лѣса, приближаются конные люди.

Даевъ поднялся на ноги, крѣпко стискивая винтовку и вперивъ взглядъ въ темноту ночи.

Изъ лѣса, вправо отъ Даева, съ той стороны, съ которой недавно прошелъ русскій отрядъ, на дорогу выѣхало человѣкъ десять всадниковъ.

Разглядѣть — русскіе это были или враги, не представлялось возможнымъ, но виднѣлись темные силуэты коней со всадниками, вооруженными пиками.

Острія пикъ поблескивали въ темнотѣ и порою звякали, ударяясь одно о другое.

— Хиръ зиндъ ди Руссенъ фергангенъ (здѣсь прошли русскіе!)—раздался громкій голосъ.

«Нѣмцы!» — подумалъ Даевъ, весь задрожалъ мелкой дрожью и двинулъ затворъ винтовки.

Рѣзко прозвучалъ металлическій звукъ.

— Хальтъ!—(Стой!)—крикнулъ одинъ изъ нѣмцевъ.— Хиръ истъ емандъ! (Тутъ кто-то есть!).

Всадники круто осадили коней и слышно было, какъ защелкали затворы кавалерійскихъ карабиновъ.

— Вотъ она—смерть! — подумалъ Даевъ, прошепталъ молитву, — давно-давно не молился Сергѣй Григорьевичъ Даевъ,—и приложился изъ винтовки, направивъ ея смертоносное дуло на группу всадниковъ...

XXXI.

Рѣзко грянулъ выстрѣлъ и раскатился по лѣсу.

Видно было, какъ во всѣ стороны шарахнулись лошади нѣмецкихъ всадниковъ, послышались крики, а затѣмъ раздалось нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ.

Пуля просвистала надъ головою Даева и шлепнулась въ стволъ дерева.

Даевъ вложилъ новый патронъ и снова выстрѣлилъ.

Нѣсколько минутъ Даевъ стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, крѣпко сжимая вновь заряженную винтовку.

И опять стало тихо-тихо.

Даевъ напряженно прислушивался къ тишинѣ ночи и нѣсколько времени ловилъ ухомъ все удаляющійся и удаляющійся топотъ лошадиныхъ ногъ, но эти звуки скоро исчезли и слышно было лишь, какъ пофыркивала лошадь, встряхиваясь и звеня стременами.

Даевъ сталъ смотрѣть на то мѣсто, гдѣ только-что были нѣмцы, и скоро привыкшимъ къ темнотѣ глазомъ

увидалъ, что на дорогѣ, тамъ, гдѣ стояла лошадь, лежала темная фигура человѣка.

Свалился и отлетѣлъ нѣсколько въ сторону уланскій киверъ, въ правой рукѣ была зажата сабля, пика съ пестрымъ значкомъ, воткнулась остріемъ въ снѣгъ и торчала тутъ.

Шагахъ въ десяти отъ этого трупа лежалъ другой, упавшій навзничь, положившій руки на грудь.

Даевъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эти трупы и словно приросъ къ мѣсту, словно думая, что вотъ-вотъ они подымутся и пойдутъ на него во мракѣ холодной ночи.

Тотъ, который лежалъ дальше, пошевельнулся, какъ показалось Даеву.

Онъ стиснулъ въ рукахъ винтовку, сдѣлалъ два шага назадъ и впился глазами въ этотъ оживающій трупъ.

Опять пошевелился лежащій человѣкъ, теперь было видно ясно,—приподнялся нѣсколько, простоналъ, ткнулся головою въ снѣгъ, вытянулся и замолкъ,—это была предсмертная агонія.

Жутко было Даеву около этихъ двухъ труповъ убитыхъ людей.

Онъ стоялъ, не зная, что ему дѣлать, ничего не думая.

Вдругъ страшный, ни на что непохожій какъ-будто бы никогда неслыханный звукъ потрясъ воздухъ.

Даевъ дрогнулъ, выронилъ винтовку, съ ужасомъ схватился за голову и метнулся въ сторону.

Метнулся, ударился о дерево, прислонился къ нему и тутъ только понялъ, что этотъ страшный звукъ былъ не что иное, какъ ржанье лошади.

Она заржала почти надъ самымъ ухомъ Даева, забытая имъ и напугала его.

Поднявъ винтовку, онъ пошелъ къ лошади, ласково посвистывая и протягивая къ ней руку.

Лошадь прянула ушами, фыркнула, и довѣрчиво протянула морду къ протянутой рукѣ Даева.

Онъ взялъ ее за поводъ, потрепалъ по шеѣ, почесалъ лобъ подъ чолкою, а лошадь, ласково отфыркнувшись, положила ему голову на плечо.

— Милая, милая,—ласкалъ ее Даевъ,—нѣтъ твоего

хозяина?.. Ну, ничего — намъ послужишь, ты намъ не врагъ, мы примемъ тебя къ себѣ...

Онъ ѣзжалъ когда-то верхомъ, бравъ уроки въ манежѣ и участвуя въ различныхъ кавалькадахъ.

— Я сяду верхомъ и поѣду къ нашимъ,—вслухъ подумалъ онъ, продолжая ласкать коня.—Авось не сброситъ, авось не будетъ мстить за смерть своего хозяина...

Онъ положилъ винтовку поперекъ сѣдла, взялся за чолку, продолжая ласкать лошадь, и осторожно вставилъ лѣвую ногу въ стремя.

Лошадь покойно стояла, и Даевъ сѣлъ въ сѣдло.

Въ ту же минуту лошадь, переступивъ передними ногами, тронулась съ мѣста легкимъ галопомъ и пошла въ ту сторону, куда ускакали нѣмцы.

— Да нѣтъ, нѣтъ, не туда!—крикнулъ Даевъ, разбирая поводья,—назадъ надо, къ нашимъ!..

Придерживая правою рукою винтовку, онъ лѣвою разбиралъ поводья, а лошадь, чувствуя сильные шенкеля неопытнаго всадника, все ускоряла и ускоряла свой галопъ, перейдя черезъ двѣ минуты на полный карьеръ.

XXXII.

Въ отрядѣ нашемъ, который только что расположился въ окопахъ, слышали выстрѣлы, сдѣланные Даевымъ и нѣмецкими уланами.

Всѣ чутко прислушивались къ этимъ выстрѣламъ.

— А вѣдь это у насъ въ тылу!—озабоченно сказалъ капитанъ Сахаровъ, обращаясь къ Аркадію Павловичу Латанину, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Да, капитанъ, это какъ разъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы только что шли лѣсомъ,—подтвердилъ Латанинъ и снова сталъ чутко-чутко прислушиваться.

— Это тамъ, ваше высокоблагородіе, гдѣ отсталой находится,—вольноопредѣляющійся, господинъ Даевъ,—почтительно добавилъ фельдфебель, козыряя капитану. — Не иначе, что по немъ стрѣляли.

Капитанъ посмотрѣлъ на Латанина.

— Возьмите, голубчикъ, Латанинъ, полъ-роты и бѣглымъ шагомъ туда...

— Слушаю, господинъ капитанъ!..

Полурота моментально выстроилась, и Латанинъ, принявъ надъ нею команду, повелъ ее бѣглымъ шагомъ на то мѣсто, откуда раздались выстрѣлы, теперь не повторяющіеся.

Скоро отрядъ добѣжалъ до того мѣста, гдѣ лежали убитые Даевымъ нѣмецкіе уланы.

Отрядъ остановился.

— Это ихъ нашъ вольноопредѣляющійся уложилъ, ваше благородіе,—обратился къ Латанину фельдфебель, вызвавшійся итти охотникомъ.

— Кавалеристы, уланы, — сказалъ Латанинъ. — Они наткнулись на Даева, онъ встрѣтилъ ихъ выстрѣлами, или отвѣтилъ на ихъ выстрѣлы и двоихъ уложилъ, а самъ, должно-быть, попалъ въ плѣнъ...

Латанинъ задумался, не зная, что ему надлежитъ дѣлать.

Преслѣдовать конныхъ нѣмцевъ было невозможно, но не хотѣлось Латанину и бросать уведеннаго въ плѣнъ Даева.

Онъ стоялъ, посматривая то на ожидающихъ его солдатъ, то на убитыхъ нѣмцевъ, то въ туманную даль, гдѣ теперь скрывался нѣмецкій разъѣздъ, захватившій Даева.

Вдругъ изъ этой туманной дали, послышались звуки, въ которыхъ скоро можно было узнать топотъ скачущей лошади.

Всѣ встрепенулись и насторожились.

— Смирно! — скомандовалъ Латанинъ. — Стройся повзводно!

Когда солдаты построились и наступила тишина, нарушаемая лишь частымъ дыханіемъ людей, стало ясно слышно, что скачетъ одна лишь лошадь.

Готовые встрѣтить врага, солдаты и Латанинъ смотрѣли вдаль и скоро увидали, что приближающійся всадникъ замѣтилъ ихъ и махаетъ шапкою и что-то кричитъ.

— Да вѣдь это нашъ, ваше благородіе, это онъ, гос-

подинъ Даевъ самый и есть!—радостно сообщилъ фельдфебель.—Должно-быть, еще ухлопнулъ одного, да на его лошади и ускакалъ!..

Даевъ въ эту минуту подъѣхалъ къ своимъ, круто осадилъ лошадь и соскочилъ на землю.

— Даевъ!—воскликнулъ Латанинъ.

— Такъ точно, — какъ-то пасмурно отвѣтилъ Даевъ, приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Это вы тутъ въ непріятеля стрѣляли и двоихъ уложили?—весело продолжалъ Латанинъ.—И изъ плѣна вырвались и непріятельскую лошадь привели!.. Ну, молодецъ же, батюшка, молодецъ, поздравляю васъ!..

— Радъ стараться, ваше благородіе! — съ солдатской выправкой отвѣтилъ Даевъ, но Латанинъ въ интонаціи голоса Даева почувствовалъ что-то враждебное, зло, да и въ глазахъ Даева было это враждебное.

Онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что Латанинъ благодаритъ его, съ болью въ сердцѣ принималъ его похвалу и благодарность, снова ненавидѣлъ его, какъ ненавидѣлъ когда-то.

Ему было бы пріятнѣе, если бъ его поблагодарилъ капитанъ Сахаровъ или кто-нибудь другой изъ офицеровъ.

И самый подвигъ его показался ему теперь незначительнымъ, не заслуживающимъ похвалы, а похожденіе съ непріятельскою лошадью—смѣшнымъ.

Лошадь чуть-было не примчала его къ нѣмцамъ.

Катаясь когда-то на манежныхъ лошадяхъ, Даевъ былъ, конечно, кавалеристомъ неважнымъ и не вдругъ сладилъ съ лошадью, не вдругъ догадался, что ее не слѣдуетъ жать ногами, что это ею принималось за шенкеля, нескоро разобралъ поводья и сладилъ съ мундштукомъ.

Справившись кое-какъ съ лошадью, онъ повернулъ ее назадъ и поскакалъ къ своимъ, и вотъ, теперь первымъ его встрѣтилъ тотъ, котораго онъ хотѣлъ и не могъ любить...

XXXIII.

Наскоро закопали наши солдатики убитыхъ нѣмецкихъ кавалеристовъ и полурота отправилась къ окопамъ.

— Поѣзжайте верхомъ на завоеванномъ вами конѣ, Даевъ, — обратился съ добродушною улыбкою Латанинъ къ Даеву. — Это будетъ вашимъ тріумфомъ, да и устали вы, вѣроятно...

Съ добрымъ намѣреніемъ сказалъ это Латанинъ, но Даеву въ интонаціи его голоса послышалась насмѣшка, да и улыбка его казалась ему недоброю.

Онъ вспыхнулъ.

— Благодарю васъ, ваше благородіе, я не усталъ и пойду пѣшкомъ,—отвѣтилъ онъ, вытягиваясь и прикладывая руку къ фуражкѣ.

— Ну, какъ хотите, — все такъ же добродушно продолжалъ Латанинъ. — А вы молодецъ, вамъ награду дадутъ за это первое дѣло ваше...

Даевъ смѣрилъ Латанина злымъ, полнымъ ненависти взглядомъ и тотъ оттолкнулся точно отъ этого взгляда.

— Радъ стараться, ваше благородіе,—особенно громко крикнулъ Даевъ, напряженно вытягиваясь.

Латанинъ отошелъ, отдалъ команду, и полурота пошла.

Даевъ шелъ позади, опять чувствуя усталость, утомленный всѣмъ случившимся и непривычной прогулкой верхомъ.

Одинъ изъ солдатиковъ велъ взятую Даевымъ лошадь.

Прошли шаговъ сто.

Даевъ шелъ глубоко задумавшись, опустивъ голову, и въ думахъ забывая усталость.

— Даевъ!—вдругъ услышалъ онъ голосъ.

Дрогнулъ и поднялъ голову.

Передъ нимъ былъ Латанинъ.

— Что прикажете, ваше благородіе?—спросилъ Даевъ.

Латанинъ тронулъ его за руку, пріостановилъ немного и они пошли позади всѣхъ.

— Будемъ, Даевъ, не офицеромъ и солдатомъ, а просто добрыми знакомыми,—заговорилъ Латанинъ.—Поговоримъ, объяснимся, постараемся понять другъ друга.

Даевъ освободилъ свою руку изъ руки Латанина и уставился на него взглядомъ своихъ холодныхъ, какъ сталь, голубыхъ глазъ.

— Господинъ Латанинъ! — сказалъ онъ рѣзко зазвенѣвшимъ голосомъ.—Господинъ Латанинъ, у насъ могутъ существовать лишь дѣловыя служебныя отношенія... Только!.. Какъ солдатъ офицеру я буду отвѣчать вамъ, буду исполнять все, что вы прикажете мнѣ, но кромѣ этого между нами не можетъ быть ничего и никогда!.. Ничего и никогда!..

Онъ точно задохнулся.

— Я васъ ненавижу и презираю!—договорилъ онъ.

Латанинъ нагнулъ голову, какъ подъ тяжестью, бросилъ на Даева растерянный взглядъ и быстро пошелъ обгонять ходко идущихъ солдатъ.

Онъ почувствовалъ теперь въ Даевѣ врага и болѣе злого и болѣе опаснаго, чѣмъ тѣ, съ которыми онъ пришелъ воевать.

Тѣ, думалось ему, могутъ еще, быть можетъ, пожалѣть и пощадить, а этотъ... этотъ и не пощадитъ и не пожалѣетъ!..

Полурота подошла къ окопамъ. Капитанъ Сахаровъ давно уже вышелъ изъ блиндажа и ходилъ по сю сторону окопа, дожидаясь отряда Латанина и зорко посматривая въ ту сторону, откуда онъ долженъ былъ вернуться.

— Ну, что тамъ, батюшка, что?—закричалъ онъ еще издали и пошелъ къ Латанину. — Убили нашего милаго Даева?.. Въ плѣнъ взяли?..

— Ничего подобнаго, капитанъ! — отвѣчалъ Латанинъ.—Вольноопредѣляющійся Даевъ живъ, здоровъ, «заполевалъ» двухъ непріятельскихъ кавалеристовъ, отбилъ коня и оружіе...

— Да что, вы?—воскликнулъ капитанъ.—Вотъ такъ

штука!.. Ха, ха, ха... Ай да Даевъ, ай да «баринъ» нашъ!.. Гдѣ же онъ?..

— Даева къ командиру!—крикнулъ Латанинъ.

— Даева къ командиру! — повторилъ молодцеватымъ крикомъ фельдфебель.

— Вольноопредѣляющагося Даева къ командиру! — повторили солдаты, одинъ за другимъ.

Даевъ вышелъ и вытянулся.

— Разскажите мнѣ въ чемъ дѣло, господинъ прапорщикъ!—офиціальнымъ тономъ обратился капитанъ Сахаровъ къ Латанину.

Тотъ, приложивъ руку къ фуражкѣ, отрапортовалъ, стараясь выставить случившееся съ Даевымъ, какъ настоящій подвигъ, какъ молодецкое дѣло, доказавшее не только безусловную храбрость новаго солдата-добровольца, но и его поразительное хладнокровіе.

— Молодецъ! — восторженно крикнулъ капитанъ. — Молодчага, доброволецъ Даевъ!..

— Радъ стараться, ваше высокоблагородіе! — отвѣчалъ Даевъ.

— Молодецъ!.. Ха, ха, ха... Такъ «отсталымъ» былъ, прилегъ отдохнуть, его тутъ въ нѣжнаго бариночка записали, хотѣли за нимъ ночью послать, а онъ, чортъ возьми, цѣлый отрядъ нѣмцевъ прогналъ, двоихъ уложилъ, да еще и коня забралъ!.. Ха, ха, ха... Молодецъ, голубчикъ, молодецъ!.. Я тебя къ наградѣ представлю, а пока дозволь мнѣ, старику, обнять тебя и расцѣловать!..

Капитанъ широко размахнулъ руками, подошелъ къ Даеву, обнялъ его и трижды поцѣловалъ.

— Молодецъ, молодецъ!—все повторялъ капитанъ.

— Случай, господинъ капитанъ, — съ усмѣшкою отвѣтилъ Даевъ.—Я не вижу здѣсь никакого подвига, ни малѣйшаго геройства...

— Тэ, тэ, тэ!—замахалъ капитанъ рукою.—Ни слова!.. Не смѣть противорѣчить начальству!..

— «Случай!..» Все—случай, все!.. Вы были орудіемъ въ рукахъ Господа Бога, пославшаго вамъ побѣду надъ

врагомъ, такъ это—не случай, а Промыселъ Божій, Промыселъ!..

И онъ опять обнялъ Даева.

XXXIV.

Солдаты окружили Даева, съ улыбками смотрѣли на него, поздравляли.

Подошелъ Крупкинъ.

— Ай да баринъ!—сказалъ онъ, широко улыбаясь, а глаза у него такъ и сіяли радостью.—Вотъ такъ баринъ, ну баринъ!.. Мы думали, что онъ совсѣмъ пропадетъ у насъ, а онъ вонъ какихъ дѣловъ надѣлалъ!..

И солдатикъ съ выраженіемъ восторга на миломъ лицѣ своемъ смотрѣлъ на Даева и хотѣлъ ему, видимо, еще что-нибудь сказать—хорошее, доброе, поощряющее, но ничего такого не придумалъ и лишь повторилъ:

— Ну и баринъ, ай да баринъ!..

Даевъ пожалъ руку Крупкина.

— Плохой я, должно быть, герой, милый Крупкинъ!—сказалъ онъ.—Ногъ подъ собой не слышу, руки какъ плети висятъ, голова на грудь клонится и совсѣмъ я разслабленный какой-то!..

— Такъ вы, баринъ, рази мало трудовъ понесли?—отозвался Крупкинъ.—Тутъ и привышный человѣкъ устанетъ, а не то што!.. Идите-ка спать,—тамъ вонъ земляночка отъ нѣмцевъ еще осталась, — важная земляночка, лучше, чѣмъ дома въ родной избѣ уютъ-то въ ней!

Даевъ пошелъ въ эту землянку.

Онъ повалился на постель, сдѣланную изъ еловыхъ вѣтвей, не поправилъ даже изголовья, заботливо приготовленнаго изъ сѣна и сталъ засыпать.

Засыпалъ онъ, а на душѣ у него было тоскливо и больно и нисколько не радовала его «побѣда», совершон-

ная имъ, какъ не радовали и похвалы капитана Сахарова и обѣщанная награда.

Нехорошее чувство злобы и зависти шевелилось въ немъ и мѣшало ему остановиться на томъ, что недавно произошло, и что сразу дѣлало его героемъ и молодцомъ, какими были большинство его товарищей.

Засыпая онъ думалъ о Софьѣ, о Латанинѣ и снова бѣшеная страсть къ красавицѣ охватывала его, а рядомъ съ этимъ чувствомъ росла ненависть къ Латанину.

— Хоть бы убили поскорѣй!—проговорилъ онъ, хватаясь за голову и призывая сонъ. — Невыносимо такъ жить, невыносимо!.. Въ то время, какъ кругомъ меня совершаются великіе подвиги самоотверженія, геройства, подвиги величайшей храбрости и великодушія, въ то время, какъ вся моя родина занята одною великою и священною мыслью, я копаюсь въ своихъ личныхъ чувствахъ и весь горю ненавистью къ человѣку, который заслуживаетъ лишь любви и уваженія! Ахъ, скорѣе бы убили!.. Если начнется «дѣло», такъ я брошусь въ самыя опасныя мѣста и приму смерть, какъ избавленіе отъ моихъ невыносимыхъ мукъ!..

Онъ уткнулся лицомъ въ сѣно и скоро сталъ засыпать.

Мысли мѣшались, сладкая истома охватывала все тѣло и, наконецъ, благодатный всеизлѣчивающій сонъ охватилъ Даева.

Проснулся онъ отъ какого-то смутнаго шума, поднялъ голову и сталъ прислушиваться.

Надъ крышею, вырытой въ землѣ, теплушки, слышались шаги множества людей, звякали штыки, ударяясь одинъ о другой, слышалась команда.

Даевъ быстро вскочилъ, взялъ лежащее рядомъ ружье, наскоро оправился — спалъ онъ не раздѣваясь и даже не ослабивъ ремни портупеи—и вышелъ наружу.

Отрядъ капитана Сахарова строился повзводно, а изъ лѣса густыми колоннами подходили новыя части и ихъ было очень много.

При свѣтѣ пасмурнаго утра можно было видѣть лица

солдатъ и что-то торжественное было написано на этихъ лицахъ.

— А, герой,—кивнулъ головою навстрѣчу Даеву капитанъ Сахаровъ.—Уснули, отдохнули, милый?..

— Да, совершенно отдохнулъ, господинъ капитанъ...

— Ну, вотъ и отлично... Сейчасъ въ атаку пойдемъ, батюшка...—Капитанъ туго затягивалъ портупею, обдергивалъ свою сѣрую солдатскую шинель, плотнѣе надвигалъ на самыя уши старенькую съ выдерганнымъ мѣхомъ папаху.

— Получено отъ развѣдчиковъ извѣстіе, что за тѣми вонъ холмами сосредоточилась огромная сила германцевъ и мы пойдемъ атаковать ихъ, — продолжалъ онъ. — Что намъ ихъ ждать-то косопузыхъ? Хе, хе, хе... Чѣмъ ждать такъ мы лучше сами на нихъ ударимъ...

Къ нему подошелъ фельдфебель роты и что-то сталъ докладывать.

Капитанъ отвернулся отъ Даева и, должно быть, сію же секунду забылъ его, занятый тѣмъ, что ему докладывалъ фельдфебель.

Подходящія части строились въ колонны, офицеры командовали не слишкомъ громко, но что-то торжественное и важное слышалось въ ихъ негромкихъ голосахъ.

Отъ прибывшаго отряда отдѣлился конный офицеръ, короткимъ галопомъ подъѣхалъ къ капитану Сахарову, поздоровался съ нимъ и протянулъ ему руку.

— Здравія желаю, ваше превосходительство!—весело отвѣчалъ всаднику на его привѣтствіе капитанъ.

Даевъ взглянулъ на всадника и въ его суровомъ мужественномъ лицѣ узналъ одного изъ славныхъ героевъ великой войны, портреты котораго онъ видѣлъ еще въ Москвѣ въ иллюстраціяхъ.

— Ну, что жъ, милый капитанъ,—надо выступать!—сказалъ генералъ, усмѣхаясь въ большіе сѣдые усы.—Ваши отдохнули за ночь?..

— Отдохнули, ваше превосходительство, да они и безъ отдыха пойдутъ куда угодно...

— Увѣренъ, милѣй капитанъ, увѣренъ!.. И въ нихъ

увѣренъ и въ васъ...—Онъ кивнулъ головою капитану, тронулъ коня лѣвою шпорою, отъѣхалъ на лѣвый флангъ и вынулъ шашку.

Ярко сверкала, поднятая въ рукѣ шашка, замерла на секунду въ воздухѣ, потомъ описала полукругъ и звонко, звонко раздался въ наступившей тишинѣ голосъ сѣдого генерала.

Голосъ стараго генерала былъ сильный и звонкій, но почему-то Даевъ не слыхалъ самыхъ словъ команды и лишь увидалъ, что колонны двинулись впередъ.

Онъ «подравнялся» съ шеренгой, съ которою стоялъ, и которая двинулась и тоже быстро пошелъ впередъ.

И зналъ онъ, что сейчасъ начнется нѣчто великое и страшное.

XXXV.

Густыми колоннами шли наши войска, то опускаясь въ лощины, то подымаясь на высокіе холмы, то снова опускаясь.

Если бъ смотрѣть на эти движенія съ очень большой вышины, то показалось бы, что колышется равномѣрными валами не слишкомъ бурное море.

Шли молча, совсѣмъ не разговаривая, такъ какъ всѣ сознавали огромность чего-то приближающагося.

Даевъ шелъ теперь бодро, хорошо выспавшись и чувствовалъ себя крѣпкимъ, здоровымъ, готовымъ на подвигъ.

Лица начальниковъ, выражающія все значеніе приближающагося момента, внушали къ себѣ уваженіе, вызывали вмѣстѣ съ уваженіемъ нѣкоторое чувство страха и всѣ солдаты чувствовали, вѣроятно, то же самое, что чувствовали ихъ начальники.

— Если мнѣ надо умереть, я умру,—думалъ Даевъ,— я умру, но я не буду искать смерти, такъ какъ я теперь нуженъ для одержанія побѣды, которую мы совер-

шимъ, и я не принадлежу теперь себѣ, а принадлежу вотъ этимъ людямъ, которые идутъ со мною, всѣ же мы принадлежимъ нашей великой дорогой родинѣ и нашему вождю, который послалъ насъ сюда не только за тѣмъ, чтобы умереть, но и за тѣмъ, главное, чтобы побѣдить... И не смѣю думать о своихъ личныхъ дѣлахъ въ эти моменты; я долженъ позабыть все на свѣтѣ, кромѣ желанія побѣдить злобнаго врага, восторжествовать надъ зломъ, добиться правды, отстоять честь и славу родины!..

Онъ думалъ такъ, смотрѣлъ на лица идущихъ съ нимъ товарищей и былъ увѣренъ, что всѣ они думаютъ такъ же.

Впереди была опасность, впереди была смерть, но никто не думалъ объ опасности, ни о смерти.

Всѣ хотѣли побѣдить и шли къ побѣдѣ.

Врага, съ которымъ очень скоро надлежало вступить въ бой, не было ни видно ни слышно, но чувствовалось, что онъ гдѣ-то близко и что скоро-скоро придется встрѣтиться съ нимъ.

Стало проясняться, подулъ свѣжій вѣтерокъ и слѣва, изъ-за гребня высокаго лѣса, брызнули холодные, но яркіе лучи солнца.

— Завтра такъ же взойдетъ это солнце, а меня, быть можетъ, не будетъ въ живыхъ,—подумалъ Даевъ.

Подумалъ, но отъ этого ему не стало хуже и духъ его не упалъ.

— А, быть можетъ, я еще много разъ увижу восходъ этого солнца, яркаго, горячаго, весенняго солнца, солнца моей милой, дорогой родины!..

И онъ почувствовалъ, что никогда еще не любилъ такъ горячо свою родину, какъ любилъ ее теперь.

Онъ даже совсѣмъ ее не любилъ, не думалъ о ней, не зналъ ее, какъ подкидышъ не знаетъ своей матери, но теперь, идя на великое дѣло съ этими вотъ дѣтьми родины, онъ начиналъ любить ее и сознавать свои къ ней обязанности.

И ему было хорошо, и не боялся онъ умереть, хотя желалъ бы теперь и жить.

Поднялись на высокій холмъ, который отлого сбѣгалъ

въ долину, а долина легкими волнами шла подъ уклонъ и заканчивалась невысокимъ густымъ кустарникомъ.

Только что сѣрыя массы нашего войска достигли вершины холма, какъ со стороны кустарника взвились бѣлые легкіе дымки, и сію же секунду загремѣли выстрѣлы.

Земля дрогнула отъ выстрѣловъ, какъ будто бы заколебалась подъ ногами, а вслѣдъ за тѣмъ въ воздухѣ что-то заурчало и загудѣло.

— Такъ въ Москвѣ гудитъ трамвай, несясь подъ проводами и,—дѣйствительно, звуки были похожи на гудѣнье быстронесущагося трамвайнаго вагона.

Это неслись въ воздухѣ большіе снаряды, которые стали падать затѣмъ на землю, разрываясь съ визгомъ и грохотомъ, вздымая клубы дыма и цѣлыя волны земли.

Непріятель стрѣлялъ издалека и снаряды не достигали еще до нашихъ.

Колонны остановились, слегка волнуясь, вытягивались по гребню холма, строились и потомъ послышалась команда.

Тамъ, здѣсь, тутъ слышались слова этой команды, точно перекликался кто-то.

Колонны дрогнули и массами двинулись по волнамъ лощины.

«Колыхаясь и сверкая движутся полки», — вспомнилось Даеву стихотвореніе.

Онъ увидалъ надъ рядами колоннъ рѣющія тамъ и сямъ знамена и видъ этихъ знаменъ воодушевлялъ его, какъ воодушевлялъ, вѣроятно, и всѣхъ солдатъ.

Эти клочки шелковой матеріи стали священны для Даева и онъ понялъ теперь, что значитъ знамя.

Шли мѣрнымъ шагомъ подъ барабанный бой, но лишь только попали въ линію огня, какъ и справа, и слѣва, и посерединѣ линіи войскъ, выскакали впередъ конныя фигуры офицеровъ, раздалась команда, щетина штыковъ сверкнула, опустилась, раздались сперва отдѣльные, а потомъ массовые крики и всѣ побѣжали впередъ.

Началась атака, грозная, стремительная атака цѣлымъ

фронтомъ, и войско грозною лавою неслось впередъ, навстрѣчу страшному огню непріятеля.

XXXVI.

Даевъ бѣжалъ, крѣпко стиснувъ обѣими руками винтовку и вперивъ глаза впередъ.

Долго тамъ ничего не было видно, кромѣ вырывающихся изъ невидимыхъ жерлъ орудій дымковъ, вслѣдъ за которыми, разрывая воздухъ, гремѣли выстрѣлы, но минутъ черезъ десять стремительнаго бѣга, то перегоняя товарищей, то отставая отъ нихъ, Даевъ увидалъ движущіяся массы людей.

Это былъ непріятель, идущій въ контръ-атаку подъ прикрытіемъ страшнаго артиллерійскаго огня.

Наши, а съ ними и Даевъ, побѣжали быстрѣе и все громче и громче, все напряженнѣе раздавались мощные крики «ура».

Порою эти крики заглушали звуки выстрѣловъ или сливались съ ними въ одну грозную гармонію.

Еще нѣсколько минутъ бѣга и мы соприкоснемся съ черными тучами враговъ.

Вдругъ Даевъ потерялъ подъ ногами почву и ему показалось, что подъ нимъ глубокая, бездонная трясина, въ которую онъ падаетъ.

Онъ выронилъ винтовку, взмахнулъ руками, какъ взмахиваетъ начинающій тонуть человѣкъ, крикнулъ что-то, почувствовалъ острую, жгучую боль во всемъ тѣлѣ, а затѣмъ темная мгла охватила его и скрылось все.

Онъ ничего не видалъ, ничего не слыхалъ, ничего не чувствовалъ.

Осколкомъ разорвавшагося снаряда его ранило въ лѣвую часть живота и онъ минутъ на двадцать потерялъ сознаніе.

Очнулся онъ отъ жгучей, невыносимой боли и отъ

страшной жажды, которая бываетъ лишь у тяжко раненаго человѣка, охваченнаго пламенемъ внутренняго жара.

Даевъ простоналъ и открылъ глаза.

Было видно далекое голубое небо, на которомъ, сквозь волны вьющагося порохового дыма, были видны медленно плывущія бѣлыя облачка, окрашенныя съ одной стороны лучами высоко взошедшаго солнца.

И тихо было кругомъ, а откуда-то издали доносился шумъ битвы, что-то звенѣло, трещало, наполняя воздухъ непонятными и странными звуками.

— Раненъ, умираю!—прошепталъ Даевъ, съ трудомъ шевеля воспаленными губами—побѣждены, проиграли сраженіе, все погибло!.. О, если бъ каплю воды, одну только каплю!.. Возьмите остатокъ жизни и дайте каплю воды!..

Кругомъ было все такъ же тихо.

Тяжело раненому Даеву казалось, что умираетъ все, какъ умираетъ и онъ и что все пропало, все погибло, тогда какъ мы въ этомъ дѣлѣ одержали блестящую побѣду и дѣло это было одно изъ тѣхъ, которыя на вѣчныя времена записываются въ скрижали исторіи, какъ великіе подвиги изумительной храбрости воиновъ и какъ неувядаемая слава вождей.

Даевъ снялъ положенную на грудь правую руку, уронилъ ее на снѣгъ, грязный, истоптанный ногами, кое-гдѣ окровавленный, схватилъ горсть этого снѣга и съ жадностью поднесъ его къ губамъ.

Ему показалось, что онъ пьетъ божественный нектаръ и никогда, во всю жизнь не пробовалъ онъ такого дивнаго, оживляющаго напитка.

Онъ улыбнулся, смотря на далекое ласковое небо, слегка простоналъ и снова потерялъ сознаніе.

Очнулся онъ второй разъ, окруженный санитарами и товарищами.

Онъ видѣлъ милыя знакомыя лица съ выраженіемъ участія и ласки, слышалъ родную рѣчь.

Какой-то человѣкъ, лица котораго онъ не видѣлъ, склонился надъ нимъ и что-то дѣлалъ и только по движенію

его рукъ Даевъ догадался, что это докторъ, который перевязываетъ его рану.

Понявъ это, онъ почувствовалъ боль.

— Мы побѣждены? — спросилъ Даевъ, стараясь превозмочь боль.

— Что вы, батюшка, Господь съ вами, — отвѣтилъ ему стоявшій около на колѣняхъ сѣдоусый офицеръ.—На голову разбили врага, блестящую побѣду одержали!..

— Слава Богу!—прошепталъ Даевъ, хотѣлъ перекреститься, но рука его безсильно упала на снѣгъ.

— Дайте мнѣ пить,—попросилъ Даевъ.

Сѣдоусый офицеръ отстранился и его мѣсто занялъ другой человѣкъ, который приложилъ къ губамъ Даева фляжку съ водою.

Даевъ жадно глотнулъ нѣсколько разъ, въ истомѣ закрывъ глаза, а когда онъ открылъ ихъ, то увидалъ надъ собою знакомое, какъ-то странно близкое лицо и узналъ въ этомъ лицѣ Латанина.

XXXVII.

Тяжело больнымъ, сильно страдающимъ людямъ всегда бываетъ особенно дорого участіе ближнихъ.

Ничто такъ не заставляетъ привязываться одного человѣка къ другому, какъ сострадание.

Тяжело больной, глубоко страдающій смотритъ въ глаза подходящаго къ нему человѣка и жадно желаетъ прочитать въ этихъ глазахъ участіе, состраданіе и, если прочитаетъ чуткимъ больнымъ сердцемъ своимъ, такъ сію же минуту начинаетъ уже чувствовать привязанность и любовь къ этому человѣку.

Участіе и состраданіе врага особенно дороги страдающимъ людямъ.

Даевъ зорко и чутко взглянулъ въ глаза склонивша-

гося къ нему Латанина, прочелъ участіе и съ благодарностью сталъ глядѣть на него, пожимая его руку.

— Васъ Богъ помиловалъ, Латанинъ?—спросилъ онъ.

— Слава Богу, пока живъ и здоровъ, Сергѣй Григорьевичъ,—съ улыбкою отвѣтилъ тотъ.—А васъ зацѣпили нѣмцы проклятые?.. Это они отмстили вамъ за молодецкую побѣду надъ ними, за своихъ товарищей, вами ухлопанныхъ...

Даевъ смотрѣлъ въ лицо Латанина, желая увидать еще большее сочувствіе и состраданіе и вдругъ ему показалось, что Латанинъ очень ужъ съ большимъ состраданіемъ смотритъ на него, съ тѣмъ состраданіемъ, которое бываетъ на лицахъ людей, присутствующихъ при кончинѣ другого человѣка.

Въ эту же самую секунду Даевъ почувствовалъ сильную боль, боль, отъ которой мучительно застоналъ, хотя и собралъ всѣ силы, чтобы удержаться отъ этого стона.

— Что, голубчикъ, больно?—обратился къ нему докторъ, кончая перевязку и поворачиваясь къ раненому.— Ничего,—это скоро пройдетъ!..

— Скоро?—переспросилъ Даевъ, угадывая въ этомъ словечкѣ особенный смыслъ.—Вы хотите сказать, докторъ, что все кончится скоро... Хотите сказать, что близокъ конецъ?..

— Ничего подобнаго, родной мой!—воскликнулъ докторъ, вытирая руки, поданнымъ санитаромъ полотенцемъ.— Хочу сказать, что послѣ перевязки вамъ будетъ легче, а затѣмъ, когда васъ уложатъ въ кроватку да перевяжутъ еще, какъ слѣдуетъ, такъ вамъ и совсѣмъ хорошо будетъ...

Даеву, какъ каждому тяжело больному и страдающему, думалось, что докторъ обманываетъ, хитритъ, что надежды никакой нѣтъ...

— Докторъ,—тихо заговорилъ онъ,—я человѣкъ, кажется, не изъ трусливыхъ, смерти я не боюсь и она никого не убьетъ, не огорчитъ, а потому я убѣдительно прошу васъ сказать мнѣ истинную правду, при чемъ прошу этого не ради свойственной человѣку въ этихъ случаяхъ любознательности, а ради того, чтобы я имѣлъ возмож-

ность сдѣлать кой-какія распоряженія,—у меня есть небольшое состояніе, есть недвижимое имущество, есть друзья и я хотѣлъ бы кой-чѣмъ распорядиться...

Докторъ поднялся на ноги и закурилъ сигару.

— Дорогой мой,—серьезнымъ тономъ началъ онъ,—больному человѣку вообще не худо сдѣлать распоряженіе... Ваша рана изъ тяжелыхъ, возможна опасность, но даю вамъ честное слово, что шансовъ выздоровѣть и поправиться у васъ гораздо больше, чѣмъ шансовъ для конца, говорю это, какъ правдивый, честный человѣкъ, говорю то, въ чемъ убѣжденъ... Я, батюшка, видѣлъ ужъ великое множество раненыхъ и умирающихъ и пришелъ къ заключенію, что русскій человѣкъ вообще, а русскій солдатъ въ особенности умираютъ героями и смотрятъ въ глаза идущей смерти совершенно покойно... Повѣрьте, что я не сталъ бы скрывать передъ вами правды и сказалъ *бы* вамъ, что ваше положеніе безнадежно, еслибъ оно *было* таковымъ...

Даеву отъ простыхъ искреннихъ словъ пожилого доктора стало легко и весело.

Онъ взглянулъ на ясное небо, улыбнулся лучамъ солнца, улыбнулся всѣмъ окружающимъ...

— Ну, что жъ, — посмотримъ, что будетъ! — сказалъ онъ.—«Коли жить—будемъ жить, умереть, такъ умремъ!»... Мы побѣдили врага?..

— Блестяще, Сергѣй Григорьевичъ? — отвѣтилъ ему Латанинъ.—Было славное дѣло, которое покрыло неувядаемою славою русское оружіе!..

— Ну, слава Богу, слава Богу!..

Даевъ дружелюбно и ласково взглянулъ на Латанина.

— Вы не знаете, Аркадій Павловичъ, куда меня отправятъ?—спросилъ онъ...

— Въ мѣстечко «Круженцы», во временный госпиталь, въ верстахъ семи отсюда...

— Можетъ, пріѣдете навѣстить?..

— Охотно, Сергѣй Григорьевичъ!.. Мы какъ разъ отходимъ туда, сегодня же...

— Пріѣзжайте, милый, навѣстите, я очень радъ буду васъ видѣть...

Даевъ крѣпко сжалъ руку Латанина и въ это время подошедшіе санитары стали подымать его, чтобы положить въ поданную повозку.

Даевъ стиснулъ зубы отъ боли, закрылъ глаза, потерялъ сознаніе и очнулся уже въ госпиталѣ.

XXXVIII.

Въ госпиталѣ Даевъ почувствовалъ себя очень хорошо, чему способствовали какъ великолѣпныя условія, при которыхъ происходило лѣченіе, такъ и то, что было очень хорошо состояніе духа раненаго.

Онъ сознавалъ, что послужилъ своей родинѣ,—быть можетъ, впервые послужилъ, какъ слѣдуетъ,—что пожертвовалъ своею жизнью за эту родину и велъ себя, какъ надлежитъ вести гражданину и воину.

Способствовало хорошему состоянію и то, что у Даева была могучая натура.

Госпиталь помѣщается въ небольшомъ домикѣ, гдѣ ранѣе было какое-то общественное учрежденіе; было тепло, сухо и не слишкомъ тѣсно, хотя раненыхъ привозили въ госпиталь много.

Въ одномъ отдѣленіи домика помѣщались раненые офицеры и лица привилегированнаго сословія, куда и хотѣли положить Даева, но онъ просилъ помѣстить его съ солдатами.

— Бога ради, туда, гдѣ солдаты!—горячо просилъ онъ.—Я—солдатъ и хочу быть съ солдатами...

Его просьбамъ уступили и онъ помѣстился въ небольшой комнаткѣ, гдѣ кромѣ него лежало еще трое солдатъ, раненыхъ настолько тяжело, что отправлять во внутреннія губерніи ихъ было неудобно.

Бодро, съ глубокою вѣрою въ милосердіе Божіе, муже-

ственно и почти весело переносили солдатики свои страданія, и Даевъ видѣлъ въ нихъ настоящихъ героевъ, героевъ, которые умѣли быть храбрыми, умѣли воевать, да умѣли теперь и переносить свои страданія.

И все это время Даевъ видѣлъ только героевъ, скромныхъ героевъ, часто даже не понимающихъ всю величину своего подвига.

Они покинули родину, дома свои, покинули близкихъ и пришли сюда сражаться съ врагомъ, который дерзко и нагло задумалъ попрать человѣческія права, охваченный духомъ стяжанія.

Богъ знаетъ, что было бы съ дорогою родиною, со всѣмъ человѣчествомъ, съ его правами и его культурою, если бы вотъ эти люди въ сѣрыхъ шинеляхъ не были бы такъ беззавѣтно храбры.

Ими руководили храбрые и проникновенные вожди, но, вѣдь, вожди эти имѣли возможность осуществить свои планы, только благодаря этимъ людямъ, и въ людяхъ этихъ Даевъ видѣлъ настоящихъ героевъ, привязываясь къ нимъ съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Нѣкоторые изъ нихъ страдали больше, чѣмъ онъ, но всѣ они, видя въ немъ «барина», т.-е., человѣка изнѣженнаго и слабаго, относились къ нему съ особеннымъ вниманіемъ, трогательнымъ и нѣжнымъ, съ вниманіемъ, которое оказываютъ добрые люди беззащитному ребенку.

— Къ барину-то идите, ваше благородіе,—говорилъ раненый солдатикъ Парменовъ съ обѣими оторванными ногами, когда приходившій для перевязки докторъ направлялся къ нему.—Я ничего, подожду, ваше благородіе, а баринъ всю ночь стоналъ, ему тяжело, должно быть...

Даеву надо было употребить много краснорѣчія, чтобы докторъ въ первую очередь занялся этимъ несчастнымъ съ оторванными обѣими ногами.

Глубоко трогали своимъ вниманіемъ Даева и врачи и сестры милосердія.

Трогали они и остальныхъ раненыхъ.

— Ангелы!—говорили раненые.—Ужъ во какъ тяжко иной часъ бываетъ—силъ нѣтъ, а подойдутъ къ тебѣ док-

торъ, либо сестрица, заговорятъ съ тобою и легко станетъ, потому видишь, какъ тебя любятъ, какъ о тебѣ заботятся!..

Сильно трогало раненыхъ солдатиковъ и то, что о нихъ заботилась вся Россія, оставшаяся въ домахъ своихъ, не принимавшая активнаго участія въ Священной войнѣ, не пришедшая на поля битвъ, но отдающая долю своихъ достатковъ для помощи тѣмъ, которые пришли на это поле битвы.

Присылка изъ Россіи бѣлья для раненыхъ, медикаментовъ, гостинцевъ такъ трогали раненыхъ, что безъ слезъ умиленія нельзя было смотрѣть на нихъ, и Даевъ теперь только понялъ, какое огромное значеніе имѣетъ добровольная жертва, посылаемая на поля битвы.

Жертва эта не только давала матеріальное благополучіе воинамъ, но и подымала ихъ духъ, ободряла ихъ, и завязывала крѣпкую, неразрывную связь всѣхъ русскихъ людей, связь, которая впослѣдствіи времени должна была вырасти въ нѣчто грандіозное для блага родины.

Однажды вечеромъ, Даевъ почувствовалъ себя плохо, сильно поднялась температура, стала болѣть голова, а затѣмъ онъ потерялъ сознаніе.

Какъ во снѣ, слышалъ онъ слова подошедшаго къ нему раненаго, который наклонился къ нему и подавалъ ему пить.

— Не можется, баринъ,—говорилъ этотъ раненый.— Испей водицы съ лимончикомъ, хорошо...

Даевъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза и говорилъ что-то «несуразное».

— Позови, Даниловъ, сестрицу,—посовѣтовалъ другой раненый,—она въ судѣдней палатѣ, сейчасъ туда прошла... Сбѣгай, Даниловъ, позови, можетъ, она доктора къ нему приведетъ...

Раненый вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ къ Даеву подошла молоденькая сестра милосердія и заботливо наклонилась къ нему.

XXXIX.

Наклонившаяся къ Даеву сестра милосердія напоила его какимъ-то питьемъ, положила ему на горячій лобъ руку и Даеву стало легче.

Онъ очнулся, пришелъ въ себя, открылъ глаза.

Открылъ глаза и улыбнулся.

Ему казалось, что онъ не бредитъ уже, что охватившій его жаръ покинулъ его, но то, что онъ увидалъ, заставило его думать, что грезы еще продолжаются, что онъ еще въ бреду.

Надъ нимъ, низко склонившись, стояла Софья Васильевна Станина и ласково, участливо смотрѣла ему въ глаза и что-то говорила.

Онъ улыбнулся еще разъ, закрылъ на минуту глаза, думая, что, если онъ снова откроетъ ихъ, такъ милое видѣнье исчезнетъ и вмѣсто Софьи очутится та пожилая сестра милосердія, съ некрасивымъ, но милымъ лицомъ, та Глафира Ивановна Свѣчина, которая ходила за нимъ и за прочими ранеными, снискавъ къ себѣ горячую любовь и уваженіе всѣхъ раненыхъ.

Открылъ Даевъ глаза, и снова видѣлъ передъ собою все ту же Софью.

— Все еще бредъ, все еще видѣнія, — тихо проговорилъ онъ. — Показалось мнѣ, что легче стало, а между тѣмъ, я все еще брежу и вижу сны на яву...

Онъ взялъ руку склонившейся къ нему сестры, слегка пожалъ эту руку, поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ.

И рука эта нè той, не Глафиры Ивановны.

У Глафиры Ивановны большія, сильныя руки, загрубѣлыя отъ всякихъ работъ. Она умѣетъ и этими грубыми руками прикасаться къ больнымъ осторожно и нѣжно, но все же не такъ, какъ прикасалась эта маленькая, бѣлая, нѣжная ручка.

Даевъ поцѣловалъ ручку нѣсколько разъ.

— Это вы, Глафира Ивановна? — спросилъ онъ. —

Я знаю, что вы подошли ко мнѣ, но не узнаю васъ и лицо ваше мнѣ кажется другимъ, я все еще брежу...

— Нѣтъ, это не Глафира Ивановна,—отвѣтила склонившаяся надъ Даевымъ, и онъ услыхалъ знакомый голосъ и весь задрожалъ отъ этого голоса и широко раскрылъ глаза.

— Софья!...—воскликнулъ онъ.—Софья!..

— Да, это я, Сергѣй Григорьевичъ.

И теперь Даевъ былъ убѣжденъ, что передъ нимъ дѣйствительно Софья, что это не бредъ, не видѣніе.

Онъ протянулъ къ дѣвушкѣ руки и хотѣлъ поднять голову съ подушки, но снова безсильно уронилъ ее...

— Софья, Софья!..—радостно воскликнулъ онъ.—Такъ это не сонъ, такъ это, дѣйствительно, вы?.. Боже мой, Боже мой!..

Онъ схватилъ руку дѣвушки, прижалъ ее къ губамъ и заплакалъ.

— Не волнуйтесь, Сергѣй Григорьевичъ, не надо, перестаньте плакать,—говорила Софья, не отнимая у него руки.

— Не волноваться?—улыбаясь, спросилъ Даевъ.—Да развѣ я могу не волноваться?.. Вы думаете, что мнѣ волненіе вредно, какъ тяжело больному?.. Нѣтъ, нѣтъ, Софья, это волненіе для меня лучше всѣхъ лѣкарствъ, и я оживу отъ него!.. Такъ это, дѣйствительно, вы?.. Боже мой, Боже мой, какое счастье, какая радость!..

Онъ цѣловалъ обѣ руки дѣвушки и мочилъ ихъ слезами.

Софья, вскорѣ послѣ приключенія съ Даевымъ, уѣхала сестрою милосердія въ дѣйствующую армію, горячо просила, чтобы ее послали къ передовымъ позиціямъ, въ ближайшій госпиталь къ этимъ позиціямъ, и вотъ просьба ея была уважена, ее назначили въ этотъ госпиталь и она знала, что Даевъ лежитъ тутъ, очень тяжело раненый.

Ей было сообщено, что положеніе раненаго представляетъ опасность, и все будетъ зависѣть отъ хода болѣзни.

— Пойдетъ болѣзнь по другому руслу, подымется температура, и возможенъ скорый конецъ,—говорилъ ей въ

этотъ самый день докторъ. — Надо вамъ сказать, что вашъ знакомый герой обладаетъ очень крѣпкою натурою, но тѣмъ не менѣе возможенъ и дурной исходъ, такъ какъ рана его весьма тяжелая...

И вотъ, когда прибѣжавшій солдатикъ сказалъ Софьѣ, что «барину Даеву худо», что температура у него поднялась и начался бредъ, Софьѣ представилось, что это близится конецъ, и она пошла къ Даеву, да, пожалуй, и не могла она не итти, такъ какъ другая сестра въ это время спала, сильно утомленная.

Пришла Софья и поняла теперь, что, пожалуй, не слѣдовало ей подходить, но было уже поздно, и она не знала, что ей дѣлать; она была испугана и смущена видомъ глубоко взволнованнаго Даева.

И жаль ей было его, и чувство глубокаго состраданія охватывало ее, и боялась она чего-то.

— Милая, милая, дорогая, близкая, какъ я счастливъ, что вы около меня и какъ мнѣ хорошо, хорошо, — шепталъ Даевъ.

XL.

Софья видѣла, что Даевъ любитъ ее попрежнему, любитъ даже, быть можетъ, больше, чѣмъ прежде, и вотъ это-то и пугало ее.

Словно выпившій «живой воды», Даевъ будетъ теперь поправляться, выздоровѣетъ и любовь съ новою силою охватитъ его, и онъ будетъ добиваться любви Софьи, а стало быть снова начнется то, что было, что мучило Софью и создавало страшную вражду между Даевымъ и Латанинымъ.

Жгучее чувство тоски и тревоги защемило сердце дѣвушки.

А Даевъ, держа ее за руки, смотрѣлъ ей въ глаза съ восхищеніемъ, и казалось, что здоровье волною вливается

въ него, какъ вливается молодость отъ сказочной «живой воды».

— Такъ вы здѣсь сестрой милосердія? — спросилъ Даевъ, съ улыбкою смотря на Софью.—Вы пріѣхали сюда и судьбѣ угодно было, чтобы я попалъ именно въ тотъ госпиталь, гдѣ вы находитесь,—какое счастье!.. Вы будете тутъ, около меня, я буду видѣть васъ каждый день, каждый часъ!..

Даевъ задыхался отъ счастья.

«Лучше, быть можетъ, сказать ему теперь же, что я пріѣхала къ Аркадію, что я скоро уйду къ нему?.. А вдругъ, это дурно повліяетъ на него?.. Вѣдь, онъ — тяжело раненый, вѣдь, это, быть можетъ, мимолетная вспышка, послѣ которой начнется реакція, гибельная для него»..

Софья ничего не могла рѣшить, и какъ-то вдругъ, безъ желанія, проговорила:

— Я здѣсь только до завтра, до утра...

Даевъ тревожно взглянулъ на нее...

— До завтра?..—переспросилъ онъ.

— Да... Я ѣду къ передовымъ позиціямъ, меня уже обѣщали отправить туда...

— Ахъ, да!—воскликнулъ Даевъ.—Вѣдь, тамъ Аркадій Латанинъ, и вы къ нему...

Софья очень обрадовалась тому, что онъ самъ договорилъ за нее, это облегчало ее.

Послѣ этой догадки надо было ждать, что настроеніе Даева измѣнится, что просвѣтлѣвшее лицо его потемнѣетъ, но этого не произошло.

Даевъ крѣпче сжалъ руку дѣвушки и все такимъ же свѣтлымъ взглядомъ смотрѣлъ на нее.

— Да, да, идите туда! — воскликнулъ онъ какимъ-то вдохновеннымъ тономъ.—Тамъ вашъ женихъ, тамъ любимый вами человѣкъ и вы должны быть тамъ, отъ этого будетъ легко и хорошо, и ему, и вамъ...

— А вы?..

Этотъ вопросъ невольно вырвался у Софьи, она совсѣмъ не хотѣла задать его и дорого заплатила бы, чтобы вернуть его назадъ.

— Я? — проговорилъ Даевъ, все съ тою же свѣтлою улыбкою.—Я буду любить васъ издали... Буду жить этой любовью, буду надѣяться, что когда-нибудь опять увижу васъ и, быть можетъ, могу быть вашимъ другомъ, могу дышать однимъ съ вами воздухомъ, и это для меня уже огромная радость...

Софья не вѣрила своимъ ушамъ.

Этотъ человѣкъ, охваченный дикою страстью, такъ недавно еще былъ способенъ на все и добивался лишь обладанія любимою дѣвушкою, и ненавидѣлъ своего «счастливаго соперника», а теперь онъ самъ посылаетъ ее къ этому сопернику, будто благословляетъ ее на бракъ съ нимъ.

Даевъ пристально смотрѣлъ на Софью и отъ его взгляда не могло укрыться изумленіе на ея лицѣ.

Онъ поцѣловалъ обѣ ея руки.

— Дорогая, вы удивлены?.. Вамъ совсѣмъ непонятны мои слова, и вы, вѣроятно, думаете, что я или лгу или сошелъ съ ума?..

Онъ опять поцѣловалъ ея руки.

— Милая, я и не лгу и въ твердомъ умѣ!.. Я, Софья, видѣлъ такія страданія людей и въ то же время видѣлъ подвиги такого геройства, видѣлъ такое величіе человѣческой личности, что совершенно переродился!.. Я и самъ страдалъ и страдаю, а всякое страданіе дѣлаетъ человѣка благороднымъ, но то, что я видѣлъ кругомъ всѣ эти дни, должно облагородить самаго неблагороднаго человѣка, должно сдѣлать полузвѣря человѣкомъ, и вотъ я сталъ инымъ... Я, дорогая Софья, не думаю уже о своемъ личномъ счастьѣ и хочу счастья другихъ, для меня будетъ ужъ слишкомъ много и того счастья, котораго я ожидаю отъ дружбы съ вами...

Софья теперь съ восторгомъ смотрѣла на Даева и видѣла почти чудо въ этомъ «преображеніи».

Да, ей казалось это чудомъ, но она вѣрила въ это чудо и понимала его.

— Ступайте туда,—продолжалъ Даевъ,—герои, которые сражаются тамъ—сильны и могучи, но когда они видятъ

около себя любящихъ ихъ людей и такихъ женщинъ, какъ вы, такъ они становятся еще болѣе героями и силы ихъ несокрушимы. Идите, дорогая, туда, идите къ вашему жениху, который тоже герой, и хранитъ васъ Богъ!..

— А вы?—опять повторила Софья, и теперь этотъ вопросъ былъ уже сознательнымъ.

Она наклонилась къ Даеву и поцѣловала его въ губы.

— А вы?..

— А я буду ждать, что вы вернетесь сюда счатливая, и, быть можетъ, встрѣтите меня совсѣмъ выздоравливающимъ...

Дѣвушка заплакала и уронила головку на грудь Даева.

XLI.

На другой день Софья отправилась къ окопамъ, на передовую линію.

Тамъ работали санитары, сестеръ не было и старшій докторъ неохотно допускалъ туда Софью, уговаривалъ ее остаться, ворчалъ, но дѣвушка такъ убѣдительно просила, столько мольбы было въ ея голосѣ, что старикъ, наконецъ, согласился.

— Ну, зачѣмъ, зачѣмъ вы потащитесь туда?—сердито спрашивалъ было онъ сперва. — Вѣдь, живо подшибутъ, какъ пить дадутъ... Умереть за святое дѣло хорошо, но зачѣмъ же умирать, если для этого дѣла, будучи живымъ, работать можно?.. Сидѣли бы здѣсь, сударыня, тутъ тѣ же больные, тѣ же раненые, святого дѣла хоть отбавляй, а вы, вишь, непремѣнно въ огонь, подъ самый этотъ свинцовый дождь!..

— У нея тамъ женихъ, докторъ, — сообщила доктору другая сестра милосердія.

Старикъ посмотрѣлъ на Софью поверхъ очковъ, притворно суровое лицо его стало добрымъ, морщинки побѣжали около глазъ.

— Женихъ?.. Ну, коли женихъ, такъ, конечно, другое дѣло... Ступайте, а только берегите себя, не суйтесь зря туда, куда не надо...

По гребню окопа и по обѣ стороны этого гребня ходили солдатики, ходили по домашнему — кто въ рубахѣ, несмотря на значительный холодъ, кто въ шинели въ накидку, весело переговаривались, смѣялись, шутили, носили котелки и мѣдные чайники, таскали изъ ближайшаго лѣса хворостъ для топки земляныхъ печей въ блиндажахъ.

Тамъ и сямъ виднѣлись группы офицеровъ, которые вышли изъ душныхъ землянокъ, пользуясь яснымъ и сравнительно теплымъ днемъ.

Софью привезъ въ двуконной повозкѣ маленькій еврейчикъ, съ которымъ были посланы на передовую линію медикаменты, перевязочныя средства и сухари.

Скрипучая повозка на огромныхъ одинаковыхъ какъ на передкѣ, такъ и позади колесахъ, спускалась съ пригорка и еврейчикъ сдерживалъ лошадей, опрокинувшись назадъ и съ испугомъ на блѣдно-весноватомъ лицѣ.

— Смотрите, господа, вѣдь, къ намъ женщина ѣдетъ,— сказалъ одинъ изъ офицеровъ, обращаясь къ товарищамъ, которые сидѣли на холмикахъ окоповъ, покуривая и мирно бесѣдуя.

Всѣ стали смотрѣть на спускающуюся съ кручи повозку.

— Да, женщина и, кажется, не «баба», а «дама»!— отвѣтилъ другой.—Верховскій, принесите, подите, бинокль!

Молоденькій прапорщикъ сбѣгалъ въ землянку и принесъ бинокль.

Всѣ бросились за этимъ биноклемъ, но овладѣлъ имъ тотъ, который посылалъ за нимъ прапорщика.

Овладѣлъ и сталъ смотрѣть.

— Прехорошенькая, господа!—воскликнулъ онъ.—Прелесть, какая хорошенькая!.. Держится, бѣдняжка, за грядки телѣги, глазенки таращитъ съ испуга, ротикъ даже открыла, а видно, что прехорошенькая... Сестра милосердія...

— Такъ дай же и другимъ посмотрѣть,—сказалъ по-

жилой капитанъ и принялся отнимать у товарища бинокль.

Въ этой группѣ офицеровъ былъ и Латанинъ.

Онъ сидѣлъ, куря трубку, чертилъ шашкою на гладко утоптанномъ пескѣ планъ нашихъ укрѣпленій, объясняя ихъ молоденькому офицеру, и не обращалъ вниманія на борющихся изъ-за бинокля товарищей.

— Да, да, прелесть какая! — говорилъ пожилой офицеръ, овладѣвъ биноклемъ. — Латанинъ милый, Аркадій Павловичъ, да идите же сюда, посмотрите!..

— Онъ равнодушенъ къ этому, у него невѣста въ Москвѣ,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— А у меня жена въ Тамбовѣ,—засмѣялся пожилой офицеръ.—Любимая жена, милая, но почему же на хорошенькое личико не посмотрѣть и не полюбоваться?—Охъ, не опрокинулъ бы ее жиденокъ! Айда, господа, помогать!.. Побѣжимъ туда и спустимъ повозку на рукахъ, будемъ настоящими джентльменами и рыцарями.

Но повозка благополучно сползла съ кручи, еврейчикъ весело улыбнулся, ослабилъ вожжи, замахалъ кнутикомъ и лошадки побѣжали рысцей.

Офицеры оправились, обдернулись, закрутили усы и стали ждать дорогую, нежданную гостью.

Латанинъ въ это время кончилъ свои объясненія, всталъ, вложилъ шашку въ ножны и направился къ группѣ офицеровъ.

XLII.

Одинъ изъ офицеровъ оглянулся на подходящаго Латанина и крикнулъ ему:

— Аркадій Павловичъ, посмотрите, какая хорошенькая сестрица ѣдетъ къ намъ въ гости!..

Но Латанинъ увидалъ уже эту «хорошенькую сестрицу».

Онъ почти обезумѣлъ отъ радости, отъ волненія, которое охватило его.

Онъ бросился бѣгомъ навстрѣчу повозкѣ и офицеры съ удивленіемъ переглянулись:

— Что съ нимъ?—спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Батюшки, да, вѣдь, это, господа, его невѣста!—воскликнулъ другой.—Вѣдь, у него же невѣста въ Москвѣ осталась, онъ говорилъ объ этомъ, и потомъ дѣлалъ предположенія, что она можетъ пріѣхать на войну, ну, вотъ и пріѣхала...

— Счастливецъ Латанинъ!—замѣтилъ третій офицеръ.

Всѣ офицеры пошли встрѣчать невѣсту своего товарища, охорашиваясь и оправляясь.

Еврейчикъ, правившій лошадьми, между тѣмъ, кажется, очень испугался бѣгущаго навстрѣчу офицера, вытаращилъ глаза и сталъ останавливать лошадей, которыя, чуя близкую цѣль путешествія, все увеличивали рысь и еврейчикъ съ трудомъ остановилъ ихъ.

До полной еще остановки колесницы, Софья выскочила изъ нея и бросилась навстрѣчу Латанину.

— Милый!—воскликнула она и замерла въ объятіяхъ жениха.

Латанинъ цѣловалъ ея руки, волосы, рдѣющія румянцемъ щеки и не могъ выговорить ни слова отъ охватившей его радости.

И огромная радость охватила его и тревога защемила болѣзненно сердце.

Вѣдь, тутъ окопы, тутъ передовая линія, которая вотъ-вотъ можетъ попасть въ линію огня и тогда опасность, смертельная опасность, грозитъ не только тѣмъ, которые воюютъ, которые защищаютъ окопы, но и всѣмъ, кто находится близко.

Развѣ шальная пуля будетъ разбирать?.. Развѣ непріятельскій снарядъ, разорвавшись не можетъ убить, изуродовать вотъ эту юную нѣжную дѣвушку, которая теперь радостная и трепетная прильнула къ Латанину?

Возможенъ и плѣнъ.

Навалятся германцы огромными силами, опрокинутъ

кучку храбрецовъ, перебьютъ, а тѣхъ, которые выбились изъ силъ или ранены, возьмутъ въ плѣнъ.

Возьмутъ въ плѣнъ и ее, эту нѣжную дѣвушку, эту красавицу...

Сердце Латанина замерло отъ ужаса.

— Софья, милая, дорогая Софья, какъ я радъ тебя видѣть, какъ я счастливъ, но въ то же время, какъ я и боюсь!—заговорилъ, наконецъ, Латанинъ, продолжая цѣловать невѣсту. — Зачѣмъ ты пріѣхала? Милая, родная, вѣдь, если ты хотѣла быть сестрой милосердія, такъ ты бы могла остаться, если ужъ не въ Москвѣ, такъ въ какомъ-нибудь госпиталѣ въ тылу арміи, а ты пріѣхала сюда на позиціи!.. Зачѣмъ, зачѣмъ родная моя!

— Я хочу быть тамъ, гдѣ ты!—тихо сказала она.— Ты думаешь и говоришь про опасность, да?.. Милый, да, вѣдь, опасность грозитъ и тебѣ, а развѣ это не все равно?.. Я хочу переживать съ тобою не однѣ лишь радости, если есть опасность для тебя, такъ пусть будетъ она и для меня!.. Но не станемъ думать объ этомъ, милый, будемъ ждать только радостей, побѣды, свѣтлаго праздника мира, когда будетъ всѣмъ хорошо и радостно!...

Въ это время группа офицеровъ приблизилась къ нимъ.

Латанинъ оглянулся на товарищей, взялъ Софью подъ руку и пошелъ къ нимъ навстрѣчу.

— Вотъ, Соня, это мои товарищи, мои милые друзья,— сказалъ онъ.—Давай знакомиться съ ними...

Онъ представилъ всѣхъ офицеровъ невѣстѣ и всѣ они, стараясь превзойти одинъ другого въ любезности, принялись предлагать барышнѣ услуги.

— Надо сейчасъ же освободить для сестрицы блиндажикъ,—суетливо говорилъ пожилой капитанъ, ласково и привѣтливо смотря на Софью.—Мы устроимъ прекрасное гнѣздышко, барышня будетъ думать, что находится дома, въ своемъ будуарѣ...

— Ха, ха, ха!—захохоталъ другой.—Хорошъ будуаръ, въ которомъ вмѣсто ковра еловыя вѣтки!..

— Да, но тамъ будетъ тепло и уютно, а это уже на войнѣ много значитъ...

— Господа, прежде всего надо напоить чаемъ Софью Васильевну, дать ей чего-нибудь покушать, — засуетился третій. — Я сейчасъ побѣгу приготовить чай, закуску, у меня, Софья Васильевна, есть печенье и шоколадъ!..

И онъ, щелкнувъ шпорами, побѣжалъ къ окопамъ.

Минутъ черезъ двадцать Софья, окруженная офицерами, сидѣла подъ крышею шалашика, пила чай, закусывала, весело болтала со своими кавалерами и совсѣмъ не было похоже на то, что тутъ кругомъ царитъ смерть, что каждую секунду надъ этимъ шалашикомъ можетъ разорваться снарядъ и убить, изуродовать, уничтожить этихъ мирно и весело бесѣдующихъ людей.

— Казаки ѣдутъ со стороны нѣмцевъ, ваше высокоблагородіе! — отрапортовалъ, подходя къ шалашику, фельдфебель роты.

XLIII.

Офицеры повставали.

— Это что же такое значитъ? — спросила Софья у Латанина.

Тотъ пожалъ плечами и переглянулся съ товарищами.

— Пока—ничего,—отвѣтилъ онъ.—Быть-можетъ, они везутъ какое-нибудь извѣстіе, быть-можетъ, приказъ о наступленіи...

Всѣ вышли на валъ окопа и стали смотрѣть въ поле.

Два казака, нагнувшись къ шеямъ коней, летѣли по полю, шаловливо перегоняя другъ друга.

— Бумага къ начальнику, ваше высокородіе! — отвѣтилъ одинъ изъ нихъ на вопросъ пожилого капитана.

Казаковъ проводили къ начальнику отряда и скоро по всей линіи окоповъ было отдано приказаніе готовиться къ наступленію непріятеля.

Командиръ передового отряда, расположеннаго верстахъ въ трехъ отъ окоповъ, туда, ближе къ непріятельскому

расположенію, доносилъ, что непріятель наступаетъ большими массами по всему фронту.

Его встрѣтятъ артиллерійскимъ огнемъ трехъ полевыхъ батарей; двѣ сотни казаковъ и три эскадрона гусарскаго полка примутъ атаку, затѣмъ отступятъ за линію нашихъ окоповъ; окопы же должны сдѣлать контръ-атаку.

Мирная картина бивуака, лагеря уступила мѣсто кипучему оживленію.

Теперь уже не курились огоньки костровъ, не вился самоварный дымокъ, не было видно солдатиковъ въ рубахахъ и въ шиненяхъ въ накидку, а повсюду виднѣлись правильные ряды готовыхъ принять бой воиновъ, находившихся пока еще въ окопахъ, готовыхъ открыть убійственный огонь, а затѣмъ—броситься въ штыки и встрѣтить врага грудью.

Софья осталась подъ крышею шалашика одна, только вѣстовой солдатикъ заботливо убиралъ посуду и остатки мирной трапезы.

— Можетъ и сюда залетѣть снарядъ? — спросила у него Софья.

Солдатикъ засмѣялся.

— А какъ же, барышня?.. Оченно даже просто, въ лучшемъ видѣ. Енъ разбирать не будетъ; енъ палитъ куда угодно... Хе, хе, хе... Страшно?...

— Нѣтъ, ничего...

И онъ заботливо перемывалъ посуду, перетиралъ ее, складывалъ въ корзину, аккуратно завертывалъ въ бумагу колбасу, сыръ, куски бѣлаго и чернаго хлѣба, а очистки отъ колбасы и недоѣденные кусочки бросалъ лохматой бѣлой собаченкѣ, которая вертѣлась у его ногъ, помахивая пушистымъ хвостомъ.

Эта мирная картина, этотъ безпечный солдатикъ и пушистая собаченка, совершенно успокоили Софью.

Ни малѣйшаго страха не чувствовала она и только шептала молитвы, чтобы Богъ сохранилъ «Аркашеньку».

Латанинъ быстро подошелъ къ навѣсу.

Онъ былъ теперь въ плотно застегнутой шинели, съ шашкою черезъ плечо, съ револьверомъ на поясѣ.

Лицо его было покойно, но сурово, а лобъ перерѣзывала глубокая вертикальная морщина.

— Софья!—какимъ-то особеннымъ голосомъ проговорилъ онъ, взявъ дѣвушку за обѣ руки.—Софья, еврейчикъ, который привезъ тебя, покормилъ лошадей и сейчасъ ѣдетъ обратно. Поѣзжай съ нимъ!.. Софья, я понимаю, глубоко цѣню твое желаніе быть здѣсь, но, вѣдь, это излишняя жертва... Поѣзжай, дорогая; ты, вѣдь, и тамъ нужна, какъ и здѣсь...

Дѣвушка встала и положила ему руки на плечи.

— Нѣтъ, милый!.. Я не за тѣмъ пріѣхала сюда, чтобы малодушно вернуться... Почему ты и всѣ вотъ эти люди должны подвергаться опасности, а я нѣтъ?.. Я могла остаться дома, въ Москвѣ, вѣдь не всѣмъ же итти сюда, вѣдь люди имѣютъ полное право жить и по домамъ, исполняя мирный трудъ свой. Но разъ я пришла сюда, такъ я должна нести тѣ труды, которые здѣсь несутъ... Иди, родной, хранитъ тебя Богъ, а я буду исполнять то, что велитъ мнѣ долгъ. Если же Богу угодно, чтобы я умерла, такъ я сумѣю умереть такъ же, какъ умираютъ эти славные герои, твои товарищи...

Она лѣвою рукою сняла папаху съ Латанина, а правою перекрестила его три раза и поцѣловала.

— Иди, родной!..

Въ эту самую минуту откуда-то издали донеслись орудійные выстрѣлы.

Дѣло начиналось.

XLIV.

Отрядъ нашей кавалеріи и казаки на рысяхъ отходили отъ наступающаго массами непріятеля и располагались по обоимъ флангамъ нашихъ укрѣпленій, батареи же наши заняли на лѣвомъ флангѣ возвышенность и открыли огонь по непріятелю.

Отъ линіи тѣхъ окоповъ, въ которыхъ теперь оставалась Софья, не было видно поля сраженія, но дымъ отъ выстрѣловъ застилалъ весь видимый горизонтъ, а звуки орудійной и ружейной пальбы не только были здѣсь слышны, но, казалось, сотрясали даже землю подъ ногами.

Оставшіеся въ окопахъ нестроевые солдаты, высыпали на возвышеніе и смотрѣли въ поле, мирно разговаривая, точно тамъ, за этимъ полемъ, происходили маневры, а не шелъ смертельный бой, унося сотни, тысячи жертвъ.

Софья, увидавъ этихъ солдатиковъ, тоже вышла изъ блиндажа, поднялась на холмикъ и стала смотрѣть.

— Ой, сестрица, напрасно вы вышли сюда!—обратился къ ней одинъ изъ солдатъ, подходя къ ней, набивая трубочку и ласково улыбаясь.

— Почему?—спросила Софья.

— Какъ «почему»?.. Залетитъ снарядъ, ну, и того... снарядъ, сестрица, разбирать не будетъ, убьетъ и праваго и виноватаго...

— Да вѣдь вы же стоите здѣсь?—возразила Софья.

Солдатикъ засмѣялся да засмѣялись и другіе, слышавшіе этотъ разговоръ.

— Хе, хе, хе... Мы—иное дѣло, мы солдаты, мужики, а вы—барышня...

— Ничего,—задумчиво отвѣтила Софья.—Говорятъ, что отъ судьбы не уйдешь и часто убиваютъ того, кто особенно бережется.

— Это точно, что такъ,—отъ смерти никуда не спрячешься...

Выстрѣлы гремѣли все чаще и чаще, были все громче и громче.

Скоро они слились въ одинъ гулъ, и вдругъ на густой массѣ дыма, который сплошною стѣною, какъ завѣсою, закрывалъ горизонтъ, начали выдѣляться отдѣльные бѣлые клубы.

— Наступаютъ, ближе подходятъ,—проговорилъ одинъ изъ солдатъ.

— Да,—согласился другой.—Идутъ въ атаку и стрѣ-

ляютъ на послѣдяхъ, а сейчасъ прекратятъ огонь, чтобы не бить своихъ и пойдутъ...

— Наша батарея ужъ замолчала,—замѣтилъ третій, дѣлая надъ глазами щитокъ изъ руки и вглядываясь въ ту возвышенность, которую занимала наша батарея.

Съ этой батареи, дѣйствительно, перестали стрѣлять, такъ какъ въ сферѣ ея огня, должно-быть, находились уже наши.

Шагахъ въ двухстахъ впереди окоповъ, упалъ непріятельскій снарядъ, взбороздилъ землю, выкинулъ ее огромнымъ снопомъ и съ трескомъ разорвался, блеснувъ огнемъ.

Скоро упалъ другой, третій и снаряды стали рваться одинъ за другимъ.

Вдругъ орудійная пальба разомъ прекратилась и стали слышны лишь перекатные залпы огня ружейнаго.

— Сходятся въ штыки,—проговорилъ одинъ изъ солдатиковъ и, снявъ шапку, истово перекрестился нѣсколько разъ.

Вдругъ слѣва и справа послышались мощные крики, а затѣмъ земля задрожала отъ новыхъ звуковъ.

— Кавалерія пошла въ атаку,—сообщилъ Софьѣ тотъ солдатикъ, который предупреждалъ ее объ опасности. — Смотрите, смотрите, сестрица, вонъ какъ хорошо видно ихъ гусаровъ и казаковъ нашихъ.

Софья прищурила глаза и увидала несущихся справа и слѣва кавалеристовъ, стремительный бѣгъ которыхъ сопровождался могучими криками «ура».

Скоро кавалерія исчезла за покрытымъ дымомъ горизонтомъ, стрѣльба совсѣмъ прекратилась и издали несся лишь смутный гулъ, похожій на шумъ моря или водопада.

Тамъ, за этимъ горизонтомъ, шелъ штыковый бой.

Шумъ постепенно затихалъ, удаляясь, словно бушующее море перестало волноваться.

Это было опять одно изъ тѣхъ славныхъ дѣлъ, въ которомъ наши войска стяжали себѣ безпримѣрную славу, въ которомъ показали не только великую доблесть,но изумительную стойкость, прославившую русскаго солдата на весь міръ.

Несмотря на то, что непріятель превосходилъ насъ численностью, несмотря на убійственный огонь его артиллеріи, которымъ началось дѣло, несмотря на бѣшенство стремительной атаки нѣмцевъ, наши контръ-атакою сперва остановили натискъ, потомъ опрокинули врага и погнали его, безпорядочно отступающаго.

Теперь крестились уже всѣ солдатики, стоявшіе на окопѣ.

Софья смотрѣла на нихъ и тоже стала креститься.

— Наши побѣдили?—спросила она.

— Стало-быть такъ, — отвѣтилъ ей одинъ изъ солдатъ.—Слышно, что гонятъ «его», опрокинули, стало-быть...

«А что-же Аркадій?» подумала Софья. «Наши побѣдили, а онъ гдѣ, съ нимъ что?.. Живъ-ли онъ»?..

Сердце дѣвушки усиленно билось...

XLV.

Скоро наступила почти абсолютная тишина.

Сперва еще слабо шумѣло что-то вдали, какъ удаляющаяся гроза, но затѣмъ становилось все тише и тише и лишь слегка шумѣли обнаженныя деревья расположеннаго налѣво лѣса.

Около стоявшей Софьи было человѣкъ десять солдатъ, но всѣ они, словно по уговору, перестали разговаривать, глубоко задумались, каждый своею думою, и молча смотрѣли въ туманную даль, попыхивая своими трубочками.

— Какъ же тамъ?—думала Софья, устремивъ въ эту же даль глаза.—Что тамъ?.. Какъ бы то ни было, а тамъ много лежитъ теперь мертвыми изъ тѣхъ, которые еще такъ недавно были живы, также вотъ тревожились; думали, молились... Живъ ли онъ?..

Она приложила руки къ сильно бьющемуся сердцу и минуты казались ей часами.

Особенно мучительно было въ этой абсолютной тишинѣ, при близкихъ живыхъ людяхъ.

Дѣвушка оглянулась на солдатъ и прочитала на ихъ лицахъ думы, должны быть, близкія тѣмъ думамъ, которыя волновали ее.

— Почему же такъ тихо все?—обратилась Софья къ близстоявшему солдату.

Тотъ, не вздрагивая отъ недавно разрывающихся снарядовъ, вздрогнулъ теперь отъ неожиданности, отъ этого человѣческаго голоса и какъ-то испуганно оглянулся на Софью.

— Что вы сказали, сестрица?—переспросилъ онъ.

— Почему такъ тихо стало?..

— Далеко ушли... Отступаетъ, стало быть, непріятель, ну, наши и пошли за нимъ, гонятъ, ушли далеко, вотъ ничего и не слышно...

Солдатикъ вздохнулъ.

— Скоро, вотъ услышимъ,—докончилъ онъ.

— Выстрѣлы?..

— Нѣтъ, не выстрѣлы... Услышимъ, барышня, стоны раненыхъ, потому много ихъ будетъ... Много привезутъ сюда и приведутъ и нашихъ и ихнихъ...

И опять Софья устремила глаза въ даль и долго смотрѣла туда.

Такъ прошло около часу и въ теченіе этого довольно продолжительнаго времени никто изъ стоящихъ тутъ не произнесъ ни единаго слова.

Вдругъ мертвая тишина поля была нарушена какимъ-то отдаленнымъ шумомъ.

Опять стало похоже, что море заволновалось и зашумѣло и какъ будто бы стало приближаться сюда, къ этимъ окопамъ.

Солдатики насторожились и стали чутко прислушиваться, а Софья вся обратилась во вниманіе.

Это возвращались наши арьергарды.

Гремѣла артиллерія, содрогая землю; шла конница; медленно и тяжко двигалась пѣхота.

Скоро сталъ виденъ блескъ орудій, засверкали штыки

пѣхоты и шумъ принялъ совершенно опредѣленную форму, непохожую уже теперь на шумъ моря.

— Идутъ!—заговорили солдатики, оживляясь.—Стало быть разбили, потому стройными колоннами идутъ, словно съ ученья, либо съ парада...

— И пѣсни поютъ!—добавилъ другой.

Всѣ прислушались и дѣйствительно со стороны идущаго войска донеслись звуки веселой пѣсни.

— Степановъ, надо идтить обѣдъ господамъ офицерамъ приготовлять,—проговорилъ одинъ солдатикъ, выколотилъ о сапогъ трубку, сунулъ ее въ карманъ и побѣжалъ къ блиндажамъ.

Ушли за нимъ и всѣ остальные.

Софья осталась одна.

Она опять смотрѣла въ даль, впиваясь глазами въ приближающіяся массы людей, какъ бы желая найти среди нихъ того, который былъ для нея дороже всего на свѣтѣ.

«Колыхаясь и сверкая», приближалось наше храброе воинство и лихая пѣсня теперь слышалась опредѣленно и ясно.

За четверть версты отъ окопа, на которомъ стояла Софья, отрядъ сталъ разбиваться на группы и было видно, какъ правильными четерыхугольниками одни отходили направо, другіе—налѣво, было видно, какъ, волнуясь, отходила кавалерія.

Теперь можно было различить отдѣльныя лица и Софья съ особеннымъ напряженіемъ смотрѣла на подходящихъ.

Когда отрядъ раздѣлился на нѣсколько группъ и одна изъ нихъ форсированнымъ маршемъ шла къ окопамъ, Софья радостно вздрогнула, взмахнула руками, какъ собравшаяся летѣть птица и, сбѣжавъ съ пригорка, бросилась навстрѣчу идущимъ,—она увидала Латанина, который шелъ съ лѣваго фланга, тоже видѣлъ ее и привѣтственно махалъ ей рукою.

Задыхаясь отъ быстраго бѣга по неровному полю, спотыкаясь, нѣсколько разъ чуть не упавъ, Софья добѣжала

до Латанина и, забывъ, что кругомъ чужіе люди, забывъ все на свѣтѣ, бросилась къ нему на шею.

— Живъ? — тяжело дыша, проговорила она. — Живъ, мой милый?..

— Какъ видишь, Софья,—съ улыбкой отвѣтилъ Латанинъ и тоже забылъ, что кругомъ сотни чужихъ людей.

Эти «чужіе люди», которые были для Латанина и Софьи ближе всякихъ «своихъ», съ улыбками смотрѣли на нихъ, и, конечно, ни одинъ изъ этой массы людей не осудилъ ихъ, не посмѣялся надъ ними...

— Милый, родной, какъ я счастлива!..

Софья ближе прижалась къ Латанину, а онъ, наклонясь, цѣловалъ ее въ голову.

— А много убитыхъ, раненыхъ? — спросила Софья, отстраняясь отъ жениха и вспомнивъ, что она находится здѣсь не для того, чтобы выражать свою радость.

— Есть, дорогая, конечно, — отвѣтилъ Латанинъ. — Безъ этого нельзя, но я не знаю еще кто счастливѣе— тотъ ли, который вернулся вотъ сюда живымъ и здоровымъ, или тотъ, который славно умеръ на этомъ полѣ, проливъ свою кровь за счастье и честь родины!..

Раненыхъ везли и несли сзади вернувшагося послѣ побѣды отряда.

XLVI.

Латанинъ былъ живъ и здоровъ и Софья пошла къ раненымъ.

— Иди, милый, отдыхай,—сказала она жениху.—Ты, должно быть, сильно усталъ и душою и тѣломъ, тебѣ надо отдыхать, а я пойду къ нимъ...

Она указала на раненыхъ, которыхъ санитары распредѣляли тутъ же около окоповъ, гдѣ сейчасъ же и образовался перевязочный пунктъ.

При отрядѣ, очень значительномъ, теперь былъ одинъ лишь врачъ, предназначенный для тѣхъ, которымъ требовалась очень быстрая помощь. Такихъ тутъ и оставляли, а болѣе или менѣе легко раненыхъ повезли къ тому пункту, гдѣ находился лазаретъ, изъ котораго пріѣхала Софья.

Туда былъ посланъ верховой за вспомогательнымъ медицинскимъ отрядомъ и къ вечеру этотъ отрядъ, снабженный какъ всѣмъ необходимымъ для перевязокъ, такъ и санитарными повозками, былъ у окоповъ.

Къ этому времени оставленныхъ у окоповъ раненыхъ, въ большинствѣ случаевъ тяжело, перевязали.

Раненыхъ было много.

Среди знакомыхъ, родныхъ русскихъ лицъ, среди людей въ сѣрыхъ шинеляхъ и папахахъ виднѣлось много лицъ чуждыхъ, незнакомыхъ, были видны чужія одежды, каски съ блестящими мѣдными шишаками, но теперь и тѣ и другія лица были лишь ранеными, были страдальцами, нуждались въ скорой помощи, нуждались въ участіи и не только Софья, съ ея нѣжнымъ сердцемъ, не только санитары, но и рѣшительно всѣ солдаты, только что бывшіе храбрыми бойцами, незнающіе пощады, относились ко всѣмъ одинаково и не видѣли уже въ этихъ чуждыхъ лицахъ, въ этихъ людяхъ съ касками на головахъ, враговъ.

Тутъ лежали лишь страдающіе люди и ихъ страданія, носящійся надъ ними ангелъ смерти дѣлалъ ихъ всѣхъ равными.

Софья, не чувствуя никакой усталости, работала часовъ восемь подъ-рядъ, забывая даже хлебнуть глотокъ воды, хотя ее мучила жажда.

— Какъ сестрица-то работаетъ, — сказалъ одинъ тяжело раненый, которому только что сдѣлали перевязку и котораго теперь товарищъ-солдатикъ угощалъ папиросою. — Губки у сердечной пересохли, потрескались, видно, что пить хочется, а она, голубушка, только о другихъ заботится...—Отдохни, сестрица, попей вотъ чайку, вотъ чайничекъ, тутъ горячій и чай есть...

— Успѣю,—съ улыбкой отвѣтила дѣвушка.—Я здоровая, я могу потерпѣть, а тутъ вонъ сколько больныхъ, страдающихъ...

— И за своими и за нѣмцами ухаживаетъ наша барышня, — сказалъ тотъ солдатикъ, который угощалъ раненаго папироской...

— Ей, братъ, всѣ равны, — отозвался раненый. — Да такъ оно и быть должно, потому онъ ужъ теперь и не непріятель, а больной человѣкъ... Мы его сейчасъ и кололи и рубили, а кончился бой, такъ вражды къ нему быть не должно.

Софьѣ много уже разъ приходилось слышать такія рѣчи, много разъ она наблюдала самое задушевное отношеніе нашихъ героевъ къ раненымъ врагамъ своимъ и даже къ здоровымъ плѣннымъ.

Иной плѣнный стоитъ, угрюмо нахмурившись, сурово и недоброжелательно смотритъ изъ-подъ козырька своей каски на окружающихъ его русскихъ солдатъ и, видимо, ждетъ какого-нибудь зла, крѣпко сжимаетъ зубы и ходуномъ ходятъ его челюсти, а тутъ подойдетъ какой-нибудь солдатикъ, добродушно улыбнется, потреплетъ плѣннаго по плечу, скажетъ ему что-нибудь на ломанномъ русскомъ языкѣ, воображая, что плѣнный нѣмецъ пойметъ этотъ языкъ.

Подойдетъ другой, третій, посмѣются, угостятъ нѣмца табакомъ.

И смягчится плѣнный.

На лицѣ его нѣтъ уже суровости, какъ нѣтъ и страха.

Онъ начинаетъ улыбаться доброжелательно и говоритъ что-то, мучаясь тѣмъ, что его не понимаютъ.

Среди раненыхъ Софья наблюдала особенную нѣжность русскихъ солдатъ къ своимъ недавнимъ врагамъ, — иной самъ не пьетъ, сгорая отъ жажды, а указываетъ на близлежащаго раненаго врага и шепчетъ пересохшими губами:

— Дайте ему пить, вишь, какъ онъ, сердечный, тяжко стонетъ да мучается.

И Софью глубоко трогало такое отношеніе нашихъ героевъ къ своимъ побѣжденнымъ врагамъ и ей хотѣлось

быть еще дѣятельнѣе и вспоминала она стихотвореніе Гумилева, которое читала еще въ Москвѣ и которое произвело на нее тогда сильное впечатлѣніе:

«Но тому о, Господи, и силы
И побѣды въ царскій часъ даруй,
Кто поверженному скажетъ: «Милый,
Вотъ, прими мой братскій поцѣлуй».

Она тихо декламировала это четырехстишіе и слезы текли по ея блѣднымъ отъ усталости щекамъ.

Стало уже почти совсѣмъ темно, когда перевязали всѣхъ раненыхъ и повозки съ ними двинулись къ госпиталю.

Софья присѣла на какой-то опрокинутый ящикъ, тяжело вздохнула и теперь только почувствовала, какъ она устала, какъ ей хочется ѣсть и пить, главное—пить.

Въ блиндажѣ былъ, конечно, чай, тамъ было возможно прилечь и отдохнуть, но не хотѣлось двинуться съ мѣста, не хотѣлось пошевельнуться.

XLVII.

Становилось все темнѣе и темнѣе.

Софья съ наслажденіемъ заснула бы тутъ же, на этомъ полѣ,—такъ она утомилась, такъ ослабли ея силы.

Софью стало клонить ко сну, стали спускаться сновидѣнія, грезы, дѣйствительность переплеталась съ этими грезами.

Теперь на полѣ было тихо, только издали, отъ опушки лѣса слабо слышались голоса и видно было, какъ тамъ мелькали огоньки, переходя съ мѣста на мѣсто.

Это погребали убитыхъ какъ нашихъ, такъ и непріятельскихъ.

Дѣвушка совсѣмъ было заснула въ своей неудобной позѣ, какъ вдругъ къ ней подошелъ Латанинъ.

— Устала, милая?.. — ласково спросилъ Латанинъ, наклоняясь къ дѣвушкѣ.

— Да, устала!..

Софья съ улыбкою поднялась и взяла жениха подъ руку.

— Вѣдь, и ты усталъ? — проговорила она. — Ты перенесъ и пережилъ больше, чѣмъ я...

— Теперь ничего, отдохнулъ... Мы закусили, напились чаю, а ты вотъ сидишь тутъ и задремала отъ усталости, бѣдная... Пойдемъ въ землянку, — тамъ самоваръ кипитъ, будемъ опять чай пить...

Они пошли къ окопамъ.

— Какъ много было раненыхъ, какъ много убитыхъ! — проговорила Софья, устало опираясь на руку жениха и опуская ему голову на плечо.

— Да, много... Вѣдь, «подъ свинцовымъ дождемъ» находились и мы и наши враги, такъ не мудрено, что полегло огромное количество и тѣхъ и другихъ...

— «Подъ свинцовымъ дождемъ»...—задумчиво повторила Софья.—Кто-то уже обмолвился разъ этими словами и мнѣ они понравились... «Подъ свинцовымъ дождемъ»... Это—губительный, смертельный дождь, но въ то же время, уцѣлѣвшіе отъ него люди получаютъ такое же облегченіе, какъ деревья и травы отъ плодотворнаго весенняго дождя... Ты не согласенъ съ этимъ, милый?..

Она пытливо взглянула въ лицо жениха.

— Совершенно согласенъ,—съ улыбкою отвѣтилъ Латанинъ. — Можешь себѣ представить — я недавно думалъ то же самое и почти этими словами!..

Софья радостно взглянула на него.

Они пришли въ землянку.

На дощаномъ столикѣ весело кипѣлъ маленькій самоварчикъ, окруженный различными атрибутами чаепитія.

Землянка освѣщалась одной жестяною лампочкою и въ ней было дымно и душно, но послѣ непривѣтливаго поля, послѣ всего того, что видѣла Софья, эта землянóчка показалась ей лучше и привѣтливѣе самой роскошной комнаты, комнаты съ коврами, съ электрическимъ освѣ-

щеніемъ, съ тропическими растеніями, съ ласково тлѣющимъ каминомъ.

Она съ наслажденіемъ опустилась на обрубокъ дерева, покрытый шинелью и жадно принялась за чай.

— А вы, Артемьевъ, все хлопочете, и тоже ничего не пили и не ѣли?—обратилась она къ вѣстовому.

— Никакъ нѣтъ, сестрица, мы поѣмши и попимши, не извольте безпокоиться,—съ улыбкой отвѣтилъ вѣстовой.

Спавшій неподалеку на лавкѣ офицеръ, простоналъ что-то во снѣ и повернулся.

— Тсъ!—остановилъ самъ себя вѣстовой. — Громко разговаривалъ, разбудилъ барина!..

И дальше онъ говорилъ уже шопотомъ, ходилъ. по землянкѣ осторожно, стараясь не стукнуть, не брякнуть.

XLVIII.

Наступило затишье.

Послѣ значительнаго пораженія, нанесеннаго нашими войсками, непріятель сталъ отходить по всему фронту.

Происходили небольшія аванѓардныя дѣла, дѣлались временами тамъ и сямъ развѣдки, да неутомимые казаки наши непрестанно безпокоили непріятеля лихими набѣгами.

Въ той линіи окоповъ, гдѣ находились Латанинъ и Софья, было теперь совсѣмъ тихо, точно въ мирномъ лагерѣ.

Софья въ это время обдумывала все то, чему она была свидѣтельницею, все, что она пережила. и послѣ этого принялась писать длинныя-длинныя письма въ Москву.

Написала она и обоимъ родителямъ своимъ, написала отцу и матери по отдѣльному письму, написала «милому студентику» Александру Васильевичу Красову, написала всѣмъ своимъ подругамъ.

И полетѣли письма въ далекую Москву.

А Москва жила своею жизнью.

Много жертвовали на раненыхъ, жертвовали на осиротѣлыя семьи героевъ, устраивали различные базары, благотворительные концерты, спектакли, живо интересовались извѣстіями съ войны, встрѣчали раненыхъ и провожали свѣжіе отряды на войну.

Великая Священная война интересовала всѣхъ, но не могла заполнить всей жизни мирныхъ обывателей, и обыватели эти во многомъ жили такъ же, какъ жили и до войны.

Было много такихъ, мимо которыхъ война и величайшія событія міра проходили почти совсѣмъ не задѣвая ихъ.

Такимъ былъ Андрей Степановичъ Вертушевъ, закадычный другъ, пріятель и собутыльникъ Даева.

Этотъ жилъ совершенно такъ же, какъ онъ жилъ и до войны, т.-е. гулялъ, пилъ, игралъ въ карты, ухаживалъ за женщинами и, кажется, совсѣмъ не думалъ о томъ, что гдѣ-то, — и даже совсѣмъ ужъ не очень далеко, — люди дрались въ смертельномъ бою, клали свои головы, проливали кровь...

Проводивъ Даева на войну, Андрюшка Вертушевъ заскучалъ было немного, захандрилъ, даже одно время думалъ самъ послѣдовать за Даевымъ, но это продолжалось недолго.

Попалъ какъ-то Вертушевъ въ веселую компанію, напился до полнаго озвѣренія, на другой день «поправился», а тамъ и вошло все въ обычную колею.

— Гуляешь, Андрюша? — спрашивалъ у него кто-нибудь изъ знакомыхъ, встрѣтивъ его гдѣ-нибудь, краснаго, непроспавшагося послѣ гулевой ночи, но неизмѣнно веселаго, безпечнаго и немного буйнаго.

— Гуляю, милый! — отвѣчалъ Вертушевъ, поблескивая своими нагло-веселыми глазами. — Что жъ намъ не гулять-то?.. Гуляемъ, другъ, живемъ, пока мыши голову не отъѣли!..

Андрюшка заключалъ пріятеля въ объятія, цѣловалъ

и приглашалъ куда-нибудь «чиликнуть», какъ онъ выражался, когда имѣлъ въ виду попойку или какой-нибудь дебошъ.

— «И пить будемъ и гулять будемъ, а коль денегъ не достанетъ—занимать будемъ!..—хриплымъ голосомъ напѣвалъ онъ. — Пока еще, дружище, пенензы есть, нѣтъ, такъ, авось, какая-нибудь благодѣтельная тетенька, либо добрѣйшій дяденька окачурятся и мнѣ наслѣдство оставятъ... Ха, ха, ха!.. Въ позапрошломъ году совсѣмъ было у меня «подъ исходъ Израиля» дѣло стало, ни сантима, и кредитъ пошатнулся, какъ вдругъ въ Самарѣ дяденька померъ и мнѣ, какъ единственному его наслѣднику, все его состояніе досталось, а покойничекъ терпѣть меня не могъ и все собирался духовное завѣщаніе писать, да не собрался, скувырнулся въ одночасье, ну, все мнѣ и досталось!..

И вотъ, этотъ самый Андрей Степановичъ Вертушевъ жилъ, совершенно не думая о войнѣ, отыскивая себѣ компанію изъ такихъ же «неунывающихъ россіянъ».

Однажды онъ ѣхалъ по Петровкѣ, послѣ обильнаго завтрака, на бѣга.

Былъ по обыкновенію и «веселъ безконечно», раскланивался со многочисленными знакомыми, перемигивался съ гуляющими «этими дамами», ухалъ и ахалъ на несущагося и рвущагося изъ оглобель рысака.

Вдругъ онъ увидалъ около Петровскихъ воротъ Александра Васильевича Красова.

«Милый студентикъ» куда-то очень торопился, шелъ быстро, опустивъ голову и никого не замѣчая.

Вертушевъ увидалъ его и сію же секунду воспламенился желаніемъ во что бы то ни стало сойтись съ богатыремъ студентомъ, расточить передъ нимъ изліянія дружбы и вообще—сблизиться.

— Стой!—гаркнулъ Вертушевъ кучеру такъ громко, что разлетѣвшійся рысакъ шарахнулся въ сторону, кучеръ чуть не слетѣлъ съ козелъ, а задумавшійся студентъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

Вертушевъ соскочилъ съ пролетки и широко зашагалъ къ студенту, радостно улыбаясь и раскидывая руки.

— Господинъ Красовъ?—еще съ середины улицы закричалъ Вертушевъ.—Студентъ Красовъ, другъ Латанина и знакомый Софьи Васильевны Станиной?.. Ну, конечно, онъ, конечно,—я не могъ ошибиться, ибо такой студентъ во всей Европѣ только одинъ и есть!

Студентъ съ изумленіемъ остановился и смотрѣлъ на Вертушева, а тотъ шагнулъ къ нему, порывисто обнялъ его и принялся покрывать поцѣлуями.

XLIX.

Студентъ даже отшатнулся отъ бѣшенаго натиска Вертушева, не вдругъ узналъ его, поморщился, когда узналъ, вспомнивъ исторію похищенія Софьи и однимъ движеніемъ могучей руки своей отстранилъ отъ себя непрошеннаго друга.

— Милый, не толкайся! — пьяно и весело улыбаясь, проговорилъ Вертушевъ.—Движимый чувствомъ безконечной любви и несказаннаго уваженія, хочу обнять васъ и облобызать... «Другъ друга обымемъ», какъ это говорится, ну, вотъ, я обнимаю... Ѣду, вижу—идетъ милѣйшій студентъ Красовъ и воспламенился неудержимымъ желаніемъ обнять и поцѣловать... Вѣдь, старое все забыли, да?.. Она, голубушка наша, ангелоподобная Софья Васильевна все забыла, Аркаша Латанинъ все забылъ, такъ вамъ-то ужъ и Богъ повелѣваетъ забыть все!..

— Въ чемъ дѣло?—угрюмо, безъ всякаго раздраженія, спросилъ Красовъ.

— Да въ томъ лишь, что желаю облобызать васъ!..— отвѣтилъ Вертушевъ.—Увидалъ васъ, милѣйшій, и вспомнилъ милое прошлое, вспомнилъ божественную Софью Васильевну, вспомнилъ Сережу Даева, который теперь раненый лежитъ и, кажется, умираетъ, ну, и захотѣлъ обнять

васъ... Слышали, что Даевъ-то смертельно раненъ и врядъ ли живъ будетъ?..

— Да, слышалъ... Софья Васильевна объ этомъ мнѣ писала...

— Голубушка!—умилительно воскликнулъ Вертушевъ и даже прослезился.—Все и всѣмъ простила, а сама на войну уѣхала, жизнью будетъ жертвовать...

Вертушевъ опять обнялъ Красова.

— Милый, родной, славный мой студентище колоссальный! Поѣдемъ со мной!—крикнулъ онъ на всю улицу.

— Куда?—удивился Красовъ.

— Сперва—на бѣга... Провѣтримся, воздушкомъ подышемъ, лошадокъ посмотримъ, играмемъ немножко, а потомъ пообѣдать поѣдемъ, выпьемъ, побесѣдуемъ, старину вспомнимъ, посмѣемся и поплачемъ... Ѣдемъ, родной, потѣшь меня, а то я скоро либо подъ поѣздъ брошусь, либо въ петлю отъ тоски полѣзу!..

Красовъ задумчиво почесалъ затылокъ.

— Да, поѣдемъ, пожалуй!...—внезапно рѣшилъ онъ, махнувъ рукою.—У меня тоже сумбуръ какой-то въ головѣ, тоска гложетъ, мѣста не нахожу...

— А вотъ я тебѣ сейчасъ найду мѣсто!..

Вертушевъ взялъ студента подъ руку, подсадилъ его въ пролетку.

— Да, господинъ Вертушевъ, очень многіе теперь тоскуютъ,—говорилъ по дорогѣ Красовъ, немного удивляясь на самого себя за рѣшеніе ѣхать куда-то съ этимъ незнакомымъ человѣкомъ.—Очень многіе!.. Вотъ и я на распутьи... И здѣсь-то мнѣ надо быть, потому разныя большія дѣла привязываютъ, и туда хочется. Вѣроятно, уйду, а только не знаю еще—поступлю ли вольноопредѣляющимся или сдѣлаюсь санитаромъ, а уйду, непремѣнно уйду!.. Хожу самъ не свой, голову потерялъ, тоска грызетъ...

— Вѣдь тоже влюбленъ въ Софью-то Васильевну, а?—подмигнулъ Вертушевъ, ткнувъ студента въ бокъ.

Тотъ метнулъ въ него огненнымъ взглядомъ.

— А ты вздоръ не мели!—угрюмо сказалъ онъ.—Вижу я, что ты человѣкъ шалый, но, кажется, не злой

и простой, я вотъ съ тобой куда-то къ чорту на кулички ѣду, неизвѣстно зачѣмъ и, кажется, полюбилъ тебя, а только ты про Софью Васильевну легкомысленно говорить никогда не смѣй... Никакой тутъ пошлой влюбленности нѣтъ, это ты зря буркнулъ, а думать я объ ней непрестанно думаю... Какія она письма оттуда пишетъ, какія письма!..

— Да, ужъ я думаю, что хорошія!—проговорилъ Вертушевъ.—Она, братъ, сама хорошая, возвышенной души барышня, не отъ міра сего, и я далекъ отъ мысли не только обидѣть ее, но даже и дурно объ ней подумать... Я тебя понимаю, студентъ, понимаю!.. У меня, братъ, душа широкая, а только я окончательно человѣкъ безпутный, потерянный и очень я усердно хорошаго друга ищу, который, быть можетъ, меня человѣкомъ сдѣлаетъ. Не ты ли этотъ другъ, а?

Не дождавшись отвѣта, Вертушевъ обнялъ студента и поцѣловалъ къ великому удовольствію и потѣхѣ многочисленной публики, которая шла и ѣхала на ипподромъ.

Скоро примчалъ туда Вертушевъ и «милаго студента».

L.

На трибунахъ Вертушева встрѣтило множество самыхъ разнообразныхъ знакомыхъ.

Были тутъ и люди, такъ называемаго «порядочнаго общества», франты, одѣтые по послѣдней модѣ, были и какія-то подозрительныя чуйки и лица «неопредѣленнаго званія», съ алчными физіономіями, съ бѣгающими глазами, въ которыхъ было написано страстное желаніе выиграть сегодня.

Вертушева засыпали вопросами, предложеніями; какой-то франтикъ, то блѣднѣя, то краснѣя, просилъ у него «красненькую до завтра».

Слышались названія лошадей, называли «фаворитовъ», бранили администрацію бѣговъ за что-то, волновались, суетились.

— Ну васъ къ чорту! — отмахнулся Вертушевъ отъ всей этой толпы рукою и потащилъ куда-то Красова.

Студентъ хмуро оглядывался кругомъ, бранилъ себя за то, что пріѣхалъ сюда и былъ не прочь «удрать».

— Друже мой, — обратился Вертушевъ къ Красову, обнимая его за талію и куда-то увлекая,—сейчасъ третій заѣздъ начнется и мы съ тобою игранемъ... Игранемъ, милочка, и выиграемъ, непремѣнно выиграемъ!.. Есть у тебя красненькая?.. Если есть, такъ давай на счастье свою, а то такъ я за тебя поставлю самъ...

Красовъ никогда въ тотализаторъ не игралъ, чуть ли не первый разъ былъ на бѣгахъ, играть не имѣлъ ни малѣйшаго желанія, но почему-то досталъ изъ кошелька единственную десятирублевую бумажку и отдалъ Вертушеву.

— Великолѣпно!.. — одобрилъ тотъ и, приподнявшись на носкахъ, чтобы достать до уха высокаго студента, сталъ шептать:—На «Кречета» поставлю—онъ не фаворитъ, но онъ обязательно первымъ придетъ сегодня и мы выиграемъ съ тобою, навѣрняка выиграемъ... Стой тутъ, смотри, а я сейчасъ приду...

Вертушевъ куда-то скрылся, а студентъ смѣшался съ пестрою толпою и сталъ смотрѣть на ипподромъ, гдѣ дѣлали уже стартъ для третьяго заѣзда.

Кругомъ волновалась огромная толпа, взоры всей этой толпы были устремлены на ипподромъ, и тысячи глазъ горѣли однимъ желаніемъ, желаніемъ, чтобы облюбованная лошадь пришла первою или второю.

Говорили о лошадяхъ, о наѣздникахъ, о суммахъ, которыя можно было выиграть, которыя были поставлены въ тотализаторѣ.

Глядя на эту толпу, Красовъ удивлялся и не могъ понять, какъ это возможно всецѣло отдаваться игрѣ и тотализатору, когда «тамъ», на полѣ брани, сражаются лучшіе люди страны за честь и свободу этой страны?..

Красовъ глубоко задумался, и далеко, далеко унеслись его мысли отъ этой волнующейся толпы.

Видѣлъ онъ иныхъ людей, видѣлъ иныя картины и забылся, словно во снѣ...

Лошади пошли.

Толпа заволновалась сильнѣе, стало шумно кругомъ, Красова толкали, не обращали на него никакого вниманія, рвались ближе къ барьерамъ, рвались мыслями и желаніями туда, къ этимъ мчащимся лошадямъ.

Вдругъ наступила почти мертвая тишина—лошади дѣлали послѣдній кругъ и сейчасъ должна была рѣшиться судьба тѣхъ, которые играли.

Вотъ снова заволновалась толпа, загудѣла, какъ потревоженный улей, началась настоящая давка, и о могучую, огромную фигуру студента разбивалась народная волна, какъ разбивается морская волна о какую-нибудь преграду.

— Выиграли!—гаркнулъ надъ самымъ ухомъ студента Вертушевъ.—На твою долю шестьдесятъ пять цѣлковыхъ приволокъ—получай!..

И Вертушевъ, красный, улыбающійся, съ котелкомъ на затылкѣ, обнялъ Красова, поцѣловалъ его и сунулъ ему въ карманъ пальто смятую пачку кредитокъ.

— Тебя, вѣдь, Саша зовутъ-то, кажется?—продолжалъ онъ.—Да, да,—Саша, вспомнилъ я... Тутъ больше, Саша, дѣлать нечего, потому интереснаго ничего нѣтъ, и поѣдемъ мы съ тобою пожрать... Хорошо, братъ, сейчасъ чиликнуть, солененькаго чего-нибудь въ себя запустить, а потомъ, напримѣръ, стерляжью ушку слопать, съ маленькими такими растегайчиками, которые во рту таютъ и которыхъ можно два десятка слопать... Ѣдемъ!..

Вертушевъ взялъ студента подъ руку и повелъ къ выходу.

— Маркелъ Маркелычъ, Аратюша! Вы куда?..—крикнулъ онъ какимъ-то двумъ франтамъ, которые проталкивались сквозь толпу.—Будете что ли играть?.. Бросьте, черти, не стоитъ,—ерунда!.. Поѣдемъ лучше уху жрать,

у меня ужъ заказана она на десять человѣкъ, а осетра намъ такого подадутъ, что вы его за кита примите!

Два солидныхъ франта, къ которымъ обратился Вертушевъ съ этимъ предположеніемъ, улыбнулись ему, помахали руками и сказали, что пріѣдутъ немного погодя.

— Тащите еще кого-нибудь!—крикнулъ имъ Вертушевъ.

И вотъ опять Красовъ мчался съ этимъ страннымъ, гуляющимъ, полудикимъ, но почему-то симпатичнымъ ему человѣкомъ.

Вертушевъ хохоталъ, гикалъ на рысака, разсказывалъ, что очень хорошо выигралъ сегодня и что ихъ ждетъ не только великолѣпный обѣдъ, но и прекрасно задуманный вечеръ.

LI.

Въ одномъ изъ лучшихъ ресторановъ былъ уже приготовленъ кабинетъ для Андрея Степановича Вертушева и его компаніи.

Когда Вертушевъ съ Красовымъ вошли въ кабинетъ, тамъ уже дожидались какіе-то два господина, которые и наблюдали за лакеями, приготовляющими столъ.

Вертушевъ громогласно поздоровался съ этими господами, поздоровался съ распорядителемъ ресторана и принялся производить инспекторскій смотръ приготовленнымъ водкамъ, винамъ и закускамъ.

— Ловко!.. — похвалилъ онъ распорядителя. — Тащи сюда, пока что горячихъ калачиковъ и мы, въ ожиданіи прочихъ, хватимъ по единой и икрой закусимъ...

Онъ обнялъ Красова, за которымъ почему-то нѣжно до трогательности ухаживалъ, и подвелъ къ столу.

— Тяпнемъ, Саша!.. Ты съ этими субъектами незнакомъ?.. Этотъ вотъ, который блондинъ—Василій Васильевичъ, а фамилію я его не знаю, ну, а брюнета, такъ

даже и совсѣмъ не знаю!.. Промышляетъ чѣмъ-то, человѣкъ хорошій, а кто онъ такой—сіе неизвѣстно...

— Лотыревъ,—отрекомендовался брюнетъ и фамильярно потрепалъ Вертушева по плечу. — У Андрея Степановича такъ много знакомыхъ, что мудрено всѣхъ помнить...

Красовъ смотрѣлъ на закуски и вина.

— Какъ же это такъ? — обратился онъ къ Вертушеву. —Вѣдь, запрещены спиртуозные-то напитки?

— А ты пей, Саша, не смущайся и не разсуждай!— захохоталъ Вертушевъ. — Кому запрещены, а мы добываемъ...

— Намъ, господинъ студентъ, законъ не писанъ,—пошутилъ брюнетъ.

Скоро собралось еще человѣкъ десять и началось пиршество.

Много ѣли всякихъ яствъ, много пили и компанія развеселилась.

Кричали, хохотали, острили, разговаривали о бѣгахъ и тотализаторѣ, хвастались выигрышами, или жаловались на проигрышъ, но не особенно горько жаловались, — народъ, должно быть, былъ не изъ бѣдныхъ и проигрышъ въ нѣсколько сотенъ рублей не обременялъ.

Красовъ не хотѣлъ было пить, но Вертушевъ такъ присталъ къ нему, такъ уговаривалъ, что Красовъ уступилъ, выпилъ большую рюмку какой-то горькой водки, выпилъ потомъ еще, потомъ — невольно какъ-то выпилъ стаканъ какого-то вина и въ головѣ у него зашумѣло.

Онъ мрачно сидѣлъ въ концѣ стола и смотрѣлъ на эту компанію веселящихся людей, которые говорили теперь о женщинахъ и собирались ѣхать къ какимъ-то женщинамъ, при чемъ одни изъ компаніи настаивали, чтобы этихъ женщинъ пригласить сюда.

— Напоимъ ихъ, милашекъ, накормимъ, а потомъ и махнемъ куда-нибудь по свѣжему воздуху! —кричалъ одинъ изъ компаніи, молодой человѣкъ, сверкающій бриллiантами, которые у него были и на пальцахъ, и въ булавкѣ, и на брелокахъ, и медальонахъ.

Подали шампанское.

— Да смѣемъ ли мы гулять, кутить и развратничать, когда совершаются въ мірѣ величайшія событія, когда рѣками, морями льется кровь? — вдругъ на всю комнату крикнулъ Красовъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Всѣ разомъ замолчали и стали смотрѣть на него.

— Не должны, не смѣемъ! — продолжалъ Красовъ. — Я не хочу сказать, чтобы всѣ брали оружіе и шли на войну,—у насъ воиновъ достаточно и призываютъ на бой тѣхъ, которыхъ нужно, остальнымъ же предоставлено право мирно трудиться, но мы, оставшіеся здѣсь, должны участвовать въ общемъ великомъ дѣлѣ всѣми нашими силами, всѣми фибрами существа... Мы должны помогать одолѣть врага, мы должны дѣлиться нашими избытками съ тѣми, кто насъ защищаетъ, кто бьется съ проклятымъ, ненавистнымъ врагомъ и мы не смѣемъ пить этого дорогого вина, не смѣемъ кутить, бражничать!.. Не смѣемъ, не смѣемъ!..

Красовъ схватилъ стаканъ съ шампанскимъ и бросилъ его на полъ.

— Вотъ у меня здѣсь, въ карманѣ есть письма одной сестры милосердія,—продолжалъ онъ.—О, если бы вы прочитали эти письма! Они продиктованы нѣжною женскою душою, золотымъ сердцемъ одной изъ лучшихъ русскихъ женщинъ и они тронули бы васъ, несмотря на то, что вы далеки отъ общечеловѣческихъ интересовъ, далеки отъ всего того, что завѣщано ученіемъ Христа и лучшихъ людей міра.

Господинъ въ брилліантахъ откинулся на спинку стула, прищурился на студента и помахалъ въ воздухѣ рукою, сверкая брилліантами.

— Э... э... э... посушайте, посушайте, посушайте, какъ васъ?..—заговорилъ онъ, шепелявя и картавя.—Что вы за пгоповѣдникъ, а?.. Кто васъ, посушайте, пгповѣдникомъ сдѣлалъ, а?.. Мы даже и сгушать васъ не жегаемъ...

— Врешь,—загремѣлъ Вертушевъ — Врешь ты, каракатица, желаемъ мы слушать, желаемъ!.. Говори, Саша, говори, валяй!.. Бей насъ своими словами по мордамъ,

какъ арапникомъ!.. Говори, Саша, говори и письма намъ прочитай!.. Кто не хочетъ слушать, тотъ пусть къ чорту убирается, я даже самъ того за дверь, а нѣтъ, такъ и въ окошко вышвырну, а я желаю Сашу слушать, желаю!..

Въ комнатѣ воцарилось молчаніе.

LII.

Красовъ досталъ изъ кармана письмо Софьи,—у него было нѣсколько такихъ писемъ,—развернулъ его,—обвелъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, которые хранили молчаніе, подумалъ немного и началъ читать письмо.

Дѣвушка горячо призывала Красова на поля битвы, рекомендовала ему «бросить все» и ѣхать сюда, на поля битвъ, гдѣ такъ нужны сильные, крѣпкіе люди, гдѣ такимъ людямъ предстоитъ святая и продуктивная работа.

Красовъ читалъ съ увлеченіемъ, съ паѳосомъ и письмо произвело большое впечатлѣніе почти на всѣхъ слушателей, только ужъ самые заядлые «тотошники», да тѣ, которые были значительно пьяны, отнеслись къ письму равнодушно, либо не слушая его, либо не придавая ему значенія.

Сюсюкающій и картавящій господинъ въ бриллiантахъ, иронически улыбался во все время чтенія, насмѣшливо смотрѣлъ на Красова и засмѣялся, когда онъ кончилъ.

— Сто-съ тутъ особеннаго? — пожалъ онъ плечами. Прокламація какая-то!.. Мы всѣ это и слыхали и читали...

— Молчи, каракатица!—закричалъ Вертушевъ на господина въ бриллiантахъ.—Молчи, протоплазма!.. Ничего ты не понимаешь. Ничего ты не понимаешь, душа у тебя коротка и благородныхъ чувствъ мало!.. А у меня душа, хоть и подмоченная алкоголемъ,—широкая, русская душа и письмо барышни тронуло меня до слезъ, до самого сердца достало!..

Онъ сѣлъ рядомъ съ Красовымъ и обнялъ его.

— Вѣдь, это, Саша, писала Софья Васильевна Станина, да?

— Да, она...

— Экая милая барышня-то!—патетически воскликнулъ Вертушевъ. — Обидѣли, вѣдь, мы ее, крѣпко обидѣли и тебя тогда обидѣли, и Латанина, всѣхъ обидѣли, негодяи, а вы намъ простили... Серега Даевъ раскаялся въ своихъ окаянствахъ разныхъ, ушелъ на войну, раненъ тамъ, бѣдняга, отличился, а теперь, можетъ, его и въ живыхъ ужъ нѣтъ, а я бражничаю здѣсь со всякой шушерой, деньги жгу...

Нѣкоторые изъ присутствующихъ обидѣлись.

— Вы, господинъ Вертушевъ, очень ужъ крупно крошите,—замѣтилъ брюнетъ, съ которымъ Вертушевъ познакомилъ Красова. — Кто же это «шушера»-то изъ насъ?.. Попрошу объяснить...

— Коли обидѣлъ кого, такъ прошу извинить,—отвѣтилъ Вертушевъ.—Я никого не хотѣлъ обижать, неловкое, грубое слово сорвалось съ языка... Обижать я никого не желаю, а скажу только, что правъ былъ милый студентикъ нашъ, Саша Красовъ, когда говорилъ, что не время теперь гулять, бражничать, развратничать!.. Правъ онъ, милліонъ разъ правъ!..

Вертушевъ взялъ со стола налитой стаканъ шампанскаго, и высоко поднялъ его.

— Пью за здоровье нашихъ героевъ, пью за побѣду и за славу русскаго оружія, и это послѣдній стаканъ вина, который я выпиваю!..

Онъ залпомъ выпилъ вино и бросилъ стаканъ на полъ такъ, что осколки и брызги разлетѣлись во всѣ стороны.

— Больше я пить никогда не стану и съ сегодняшняго же дня начинаю хлопотать о томъ, что меня либо въ солдаты добровольцемъ взяли, либо санитаромъ отправили, если я, ожирѣлый, разслабленный, ни къ чорту отъ пьянства негодный, не смогу быть солдатомъ и не сумѣю ружьемъ управлять!..

Господинъ въ бриллiантахъ позвалъ лакея и приказалъ подать счетъ.

— Цыцъ!—крикнулъ на него Вертушевъ.—Никакихъ счетовъ, никакихъ платежей—здѣсь всѣ мои гости и платить никто не долженъ, не смѣетъ!.. Сегодня Андрюшка Вертушевъ кутитъ и гуляетъ и въ послѣднiй разъ, тратитъ выигранныя въ тотализаторъ деньги, деньги шалыя, подлыя, а засимъ дѣлается трезвымъ, порядочнымъ человѣкомъ и пойдетъ по новой дорогѣ!..

Онъ выслалъ изъ кабинета лакея.

— Я, господа, я еще разъ прошу извинить меня, если я кого-нибудь обидѣлъ, прошу посидѣть здѣсь «на послѣдяхъ», поговорить по душамъ, а тамъ мы разъѣдемся и Богъ вѣсть, когда еще опять соберемся вмѣстѣ... Я больше пить не стану, но васъ всѣхъ прошу кушать во славу Божiю на здоровье и знать, что сегодня Андрюшка Вертушевъ устраиваетъ «прощальный обѣдъ».

LIII.

Далеко отъ этой кутящей компанiи, далеко отъ кающагося Вертушева, далеко отъ Москвы съ ея обыденными интересами, съ ея жизнью, тамъ, на театрѣ войны и близъ этого театра шла своя жизнь.

Происходили большiя и малыя сраженiя, гремѣли выстрѣлы, радостно раздавались побѣдные крики могущественной русской армiи, которая только что отпраздновала взятiе Перемышля.

Радостная вѣсть о паденiи этой, казавшейся незыблемой, твердыни, дошла и до западнаго фронта, гдѣ еще болѣе одушевила и безъ того одушевленныя войска.

Сергѣй Григорьевичъ Даевъ въ это время лежалъ все въ томъ же госпиталѣ и радостная вѣсть о паденiи Перемышля подѣйствовала благопрiятно на него, какъ и на всѣхъ другихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ.

Даевъ поправлялся.

Стоялъ ясный и теплый день.

Доктора только что кончили осмотръ больныхъ и перевязки и въ палатѣ госпиталя, гдѣ лежалъ Даевъ, царило то радостное спокойствіе, которое всегда охватывало больного, послѣ посѣщенія доктора, послѣ мучительной порою перевязки.

Софья не была теперь на передовыхъ позиціяхъ и вернулась въ этотъ же госпиталь, къ великой радости, къ неописуемому счастію Даева.

Быть-можетъ, и это обстоятельство помогало благопріятному ходу болѣзни нашего раненаго.

Вставать съ койки Даевъ еще не могъ, но садился уже, съ большимъ апетитомъ ѣлъ, какъ всѣ поправляющіеся больные, много читалъ, а все свободное время Софьи былъ съ нею.

Она и теперь сидѣла около его кровати, читая какую-то книжку.

Даевъ взялъ было газету, но лишь бѣгло проглядѣлъ ее, отложилъ и любовался на Софью, радостно, весело улыбаясь.

Дѣвушка, должно-быть, почувствовала на себѣ его взглядъ, положила книгу на колѣни, взглянула на Даева, слегка покраснѣла отъ его пристальнаго влюбленнаго взгляда и опустила глаза.

— Какъ хорошо, Софья Васильевна! — проговорилъ Даевъ.

— Да?—улыбнулась ему Софья.—Вы чувствуете себя лучше?

— Да, и чувствую себя лучше, чувствую себя совсѣмъ здоровымъ и вообще мнѣ хорошо!..

— Ну, слава Богу, если такъ, — опять улыбнулась дѣвушка.

Улыбнулась и сію же секунду печальное облачко смѣнило на лицѣ ея эту улыбку.

Она слегка отвернулась, взяла книгу и закрылась ею, какъ бы продолжая читать.

Но она не читала.

Она поняла, что радость у Даева рождается любовью къ ней и опять, какъ когда-то эта любовь, она напугала ее.

Ей думалось, что Даевъ на что-то надѣется, чего-то ждетъ, а чего же онъ могъ ждать?.. Онъ, вѣдь, отлично зналъ, что Софья любитъ Латанина, что она его невѣста, и скоро будетъ женою, такъ чего же онъ ждетъ?

Софья при этой мысли содрогнулась и сердце ея мучительно сжалось.

Она подумала, что Даевъ ждетъ смерти Латанина, страстно желаетъ этой смерти, быть можетъ, грѣховно молится объ этомъ...

Дѣвушка поблѣднѣла при этихъ страшныхъ мысляхъ и руки съ книгою у нея задрожали.

Она встала и хотѣла уйти.

— Куда вы, Софья Васильевна?—спросилъ Даевъ.

— Пойду немного подышать свѣжимъ воздухомъ, Сергѣй Григорьевичъ, сегодня такой славный день...

— Ну, идите, идите, гуляйте, а то вы все въ этомъ душномъ госпиталѣ, все за работою... Идите, но когда погуляете, приходите опять посидѣть сюда, ко мнѣ, мнѣ такъ хорошо съ вами!..

Софья пошла, остановилась посреди комнаты, быстро вернулась къ Даеву и присѣла на край его кровати...

— А не лучше ли мнѣ совсѣмъ уйти отсюда?—тихо, тихо спросила она.

Даевъ испуганно открылъ глаза.

— Почему?—воскликнулъ онъ.

— Да такъ... Не лучше ли это будетъ, Сергѣй Григорьевичъ?..

Даевъ опустилъ голову на подушку, закрылъ глаза, положилъ на лобъ руку.

— Я дѣлаю вамъ больно своею любовью, — проговорилъ онъ, послѣ довольно длиннаго молчанія.—Вамъ непріятна и тяжела моя любовь, но, вѣдь, она не безпокоитъ васъ, вѣдь, я не говорю самъ про нее, и я, Софья Васильевна, ни на что не надѣюсь, ничего не жду!..

Онъ взялъ ее за руку.

— Я, вѣдь знаю, Софья Васильевна, что вы будете

его женою и клянусь вамъ Богомъ и честью, клянусь вамъ жизнью своею, которую я опять полюбилъ, что желаю вамъ счастья съ Латанинымъ и люблю его, какъ милаго, родного брата!.. Вѣрьте этому, Софья Васильевна, вѣрьте, вѣдь, вамъ говоритъ это человѣкъ, только что вырвавшійся изъ когтей смерти!..

Лицо Софьи просвѣтлѣло, она крѣпко сжала руку Даева, наклонилась къ нему и поцѣловала его въ лобъ.

LIV.

Въ этотъ самый моментъ въ сосѣдней палатѣ раздался чей-то очень громкій голосъ.

И Софья и Даевъ стали прислушиваться къ этому голосу и узнали въ немъ что-то знакомое, что-то давнишнее, напоминающее былое.

— Мнѣ сказали, что здѣсь,—говорилъ этотъ голосъ.— Сюда направили, а солдатикъ на дворѣ такъ и сказалъ, что здѣсь, молъ, въ самомъ этомъ госпиталѣ...

Дежурная сестра въ той палатѣ тревожно зашикала.

— Потише!—донесся ея шопотъ.—Здѣсь есть тяжело больные, есть спящіе...

— Простите меня, анаѳему,—робко теперь зазвучалъ знакомый голосъ, перешедшій въ шопотъ, но и самый шопотъ этотъ былъ шуменъ, какъ далеко уносящійся вихрь.—Идіотъ я, дубина!.. Пришелъ въ госпиталь, гдѣ наши голубчики раненые лежатъ, а заоралъ какъ въ кабакѣ... Простите великодушно, сестрица, извините меня, идіота!.. Такъ изволите говорить, что здѣсь?..

— Да, вотъ пройдете въ эту дверь, тамъ вы найдете и господина Даева и сестру Софью Васильевну...

Софья и Даевъ переглянулись.

— Насъ кто-то спрашиваетъ?—замѣтила Софья.

Дверь отворилась и въ палату вошелъ Андрей Степановичъ Вертушевъ.

Его съ трудомъ можно было узнать въ костюмѣ санитара, который совершенно преобразилъ всегда щеголевато одѣтаго Андрея Степановича.

Совсѣмъ другимъ казался онъ въ курткѣ защитнаго цвѣта, въ высокихъ сапогахъ, въ накинутомъ на плечи военномъ плащѣ, обвѣтренный, загорѣлый, значительно похудѣвшій.

— Андрей!—воскликнулъ Даевъ, приподнимаясь на койкѣ. — Андрей Степановичъ Вертушевъ!.. Милый ты, мой, Андрюшка ты мой любезный, какими судьбами? Ты ли это?.. Не брежу ли я опять?..

Вертушевъ движеніемъ плечъ сбросилъ плащъ на полъ, швырнулъ на окно фуражку и, широко разставивъ руки, ринулся къ койкѣ, словно на приступъ.

— Я самый!—опять очень громкимъ голосомъ проговорилъ онъ.—Я, не бойся, Сережа, не призракъ передъ тобою, не созданіе бреда, не тѣнь, а настоящій, изъ костей и плоти Андрюшка Вертушевъ!..

Онъ обхватилъ Даева, какъ медвѣдь обхватываетъ оплошавшаго охотника и принялся душить его поцѣлуями.

Софья даже испугалась, какъ бы пріѣхавшій другъ не повредилъ раненому Даеву.

Поцѣловавъ разъ двадцать Сергѣя Григорьевича, Вертушевъ опустилъ его измученнаго на подушку, повернулся къ Софьѣ и расшаркался передъ нею, какъ кавалеръ, кончившій съ дамой туръ вальса.

— Андрей Степановичъ Вертушевъ, — отрекомендовался онъ.—Имѣлъ честь... нѣтъ, не такъ выражаюсь, не такъ!.. Имѣлъ удовольствіе... Нѣтъ, опять не такъ,—никакого «удовольствія» не было, а было только одно огромное свинство съ моей стороны!.. Однимъ словомъ, Софья Васильевна, передъ вами тотъ самый Андрюшка Вертушевъ, который по пьяному дѣлу, обезумѣвшій отъ непомѣрнаго количества алкоголя похитилъ васъ, какъ какой-нибудь опричникъ Ивана Грознаго, произведя на васъ разбойное нападеніе... Не узнали?.. Забыли мою гнусную рожу, причинившую вамъ обиду и огорченіе?..

Софья съ улыбкой подала ему руку.

— Нѣтъ, узнала,—отвѣтила она.—Это давно забыто, это все ликвидировано и мы не будемъ говорить о прошломъ... Я рада васъ видѣть...

Вертушевъ почтительно, какъ у герцогини, поцѣловалъ у Софьи руку и низко, низко поклонился ей...

— Убитъ, уничтоженъ, но въ то же время и окрыленъ вашимъ великодушіемъ, Софья Васильевна!—проговорилъ онъ. — Несказанно радъ васъ видѣть, несказанно радъ, что вижу живымъ и выздоравливающимъ Сережу Даева и вообще ликую, радуюсь и опьяненъ этой радостью такъ, какъ не былъ опьяненъ никогда виномъ, которое брошено мною теперь на вѣки вѣковъ и проклято!.. Матушка, родная, Софья Васильевна, вѣдь, и Саша Красовъ со мною пріѣхалъ!..

Софья такъ и встрепенулась вся при этомъ извѣстіи.

— Развѣ!—воскликнула она.—Гдѣ же онъ?..

— А онъ отправился на передовыя позиціи... Онъ поступилъ вольноопредѣляющимся, мы съ нимъ разстались третьяго дня, онъ отправился на позиціи съ ближайшей станціи желѣзной дороги, а я, какъ изволите видѣть, санитаромъ, привезъ сюда гостинцевъ великимъ героямъ нашимъ изъ родной Москвы, доставилъ ихъ, роздалъ, а самъ прибылъ сюда, разузнавъ въ штабѣ, что Сергѣй Григорьевичъ Даевъ, тяжело раненый, находится въ этомъ госпиталѣ, по дорогѣ же сюда и узналъ, что и вы здѣсь...

Вертушевъ опять засіялъ весь отъ радостной улыбки.

— Такъ обрадовался, такъ обрадовался, что словъ высказать не нахожу!—крикнулъ онъ и снова принялся обнимать и цѣловать Даева.

LV.

Возбужденіе Вертушева передалось и Софьѣ и Даеву. Оба они съ улыбками смотрѣли на него и любовались его оживленнымъ лицомъ, которое стало теперь такимъ милымъ, пріятнымъ, и его сіяющими глазками, не столь теперь заплывшими «отъ воздержанія», какъ онъ самъ выражался.

А Вертушевъ воодушевлялся все болѣе и болѣе.

— Съ какимъ народомъ я познакомился, какихъ людей увидалъ, такъ это просто на удивленіе!—продолжалъ онъ разсказывать.—Подарки я сюда изъ Москвы привезъ, какъ имѣлъ уже честь вамъ докладывать, среди пріятелей собралъ денегъ на эти подарки, вещами многіе надавали, ну, изъ своихъ средствъ тоже кое-что пріобрѣлъ и привезъ, — табачекъ тамъ, знаете, чай, сахаръ, спички, трубокъ купилъ недорогихъ, этакихъ симпатичныхъ, разныхъ письменныхъ принадлежностей тоже, открыточекъ раскрашенныхъ и тому подобное... Привезъ...

Вертушевъ особенно радостно улыбнулся, а, вмѣстѣ съ этой улыбкою на маленькихъ глазкахъ его засверкали слезинки.

— Привезъ, раздавать сталъ,—продолжалъ онъ.—Случалось мнѣ человѣку одинокому, бобылю, дѣтишкамъ и родственникамъ подарки приносить, ну, конечно, радовались ребятишки, но такой чистосердечной, такой искренней, горячей радости, какъ радость солдатиковъ, я и среди дѣтей не видалъ!.. Беретъ подарокъ иной усачъ и на загорѣлой усатой рожѣ у него широчайшая улыбка засіяетъ, словно вотъ солнышко на небѣ, когда оно сквозь тучи выглянетъ, возьметъ, разглядываетъ, благодарить примется и видно, что несказанную радость доставилъ ему подарокъ этотъ, который и самъ по себѣ пріятенъ и, быть можетъ, нуженъ, но который, главнымъ образомъ, трогаетъ героя потому, что о героѣ-то этомъ на родинѣ помнятъ, заботятся... Иной возьметъ подарокъ, радостно улыбнется,

руку крѣпко пожметъ и скажетъ какое-нибудь задушевное словечко, отъ котораго и смѣяться и плакать хочется!... И, вѣдь, все герои, дѣти-то эти, рыцари, богатыри!... Встрѣчалъ я и раненыхъ, встрѣчалъ и украшенныхъ Георгіевскимъ крестомъ, встрѣчалъ такихъ, у которыхъ по два, по три Георгія, да и всѣ рѣшительно герои храбрые, самоотверженные, готовые итти на смерть, какъ на праздникъ... И идутъ, вѣдь, на подвиги свои безъ малѣйшей рисовки, безъ всякихъ этакихъ позъ, идутъ такъ же, какъ они ходили у себя на родинѣ землю пахать, сѣно косить, какъ ходили работать на заводы и фабрики... Удивительный, милые вы мои, народъ, и я, пьяница, кутила, мотъ, затычка кабацкая, только теперь увидалъ вблизи нашъ славный, великій народъ и полюбилъ его сердцемъ, всею душою!..

Вертушевъ, все такъ же радостно улыбаясь, принялся пожимать руки Софьи и Даева.

— А вы развѣ не герои?..—снова заговорилъ онъ.— Герои, тоже герои!.. Барышня вотъ эта, хрупкая и нѣжная, оставила свою комнатку теплую, уютную постельку и пришла сюда работать не покладая рукъ, рискуя и здоровьемъ и жизнью, а Сережа, человѣкъ тоже избалованный, привыкшій сладко ѣсть и пить, до полудня въ постели валяться, воевать пришелъ и ужъ вотъ пролилъ кровь свою за матушку-Русь, за отечество свое, стало быть, герои, настоящіе герои!.. Вотъ Саша Красовъ тоже воевать будетъ...

— Разскажите мнѣ про него, что-нибудь, Андрей Степановичъ,—проговорила Софья.

— Про богатыря-то про этого?.. Да здоровъ онъ, бодрый такой, силища въ немъ такъ и гуляетъ и, думаю, что онъ подвигъ какой-нибудь окажетъ, если только...

Вертушевъ почесалъ затылокъ.

— Если только не ухлопаютъ его въ первомъ же дѣлѣ, — очень ужъ онъ рьянъ и напористъ!.. Будь это дѣло во времена старинныя, когда сражались мечами да бердышами разными, да какими-нибудь этакими двухпудовыми палицами, такъ Саша цѣлыя бы полчища враговъ

уложилъ, какъ какой-нибудь Добрыня Никитичъ или Илья Муромецъ, а его бы никакая вражья нѣмецкая сила не сокрушила, ну, а теперь, вѣдь, самый тонконогій нѣмчишка за тысячу двѣсти шаговъ какой-нибудь этакой думъ-думъ нашего Сашеньку уложить можетъ, а онъ попретъ впередъ, не думая объ опасности... Ну, да можетъ, Господь Богъ и сохранитъ его...

— Дай Богъ! —проговорила Софья, перекрестилась и встала.—Ну, мнѣ надо сходить въ другую палату, пока до свиданья... Мы, вѣдь, съ вами еще увидимся, Андрей Степановичъ?..

— Увидимся, барышня милая, увидимся,—я пока побуду здѣсь, а завтра, либо послѣ завтра меня отправятъ на передовыя позиціи, потому мнѣ хочется въ самую гущу попасть, гдѣ бы я могъ съ пользою для великаго дѣла остатокъ своего жира растрясти, нагуленнаго мяса поубавить... Увидимся еще, дорогая Софья Васильевна, увидимся.

Софья улыбнулась Даеву, пожала обоимъ друзьямъ своимъ руки и ушла.

Вертушевъ сѣлъ на край кровати Даева и наклонился къ нему.

— Какова барышня-то, а?.. — понижая голосъ, заговорилъ онъ.—Кажись, лучше еще стала, честное слово!.. Все еще любишь ее, Сережа, все еще влюбленъ?.. Какъ же быть-то, милый ты мой, если она другого любитъ, а?..

Даевъ положилъ голову на подушку и закрылъ глаза.

LVI.

Даевъ долго молчалъ, погруженный въ какую-то глубокую думу, а добродушный Андрей Степановичъ Вертушевъ понялъ, что мѣшать ему не слѣдуетъ и тоже молчалъ.

— Ты спрашиваешь, Андрюша, люблю ли я ее?—за-

говорилъ Даевъ, открывая глаза.—Люблю, конечно, люблю... «Люблю, какъ буйный вѣтеръ любитъ волю!..» Да и возможно ли ее не любить?.. Люблю, но никакихъ надеждъ не питаю и счастью моего, такъ называемаго «соперника» не завидую, ибо не смѣю завидовать... Счастье... Да, вѣдь, счастье надо заслужить, мой милый, заслужить какими-нибудь подвигами, заслужить страданіями, а развѣ я, безпутный прожигатель жизни, кутила, «ловкій дѣлецъ», чуть-чуть не преступникъ — развѣ я имѣю право на счастье, развѣ я заслужилъ его?.. Вѣдь, для того, чтобы получить чинъ какого-нибудь коллежскаго регистратора, надо и поучиться, и поработать, и послужить, а развѣ счастье не выше любого чина, такъ какъ же мы хотимъ получить его безъ всякихъ трудовъ?.. Нѣтъ, Андрюша, я не имѣю права на счастье и сперва постараюсь его заслужить...

Вертушевъ внимательно слушалъ своего друга и видно было по лицу Андрея Степановича, что онъ соглашается съ нимъ, вѣритъ ему и сочувствуетъ.

— Правда, Сережа, правда!—воскликнулъ онъ.—Лодыри мы на сей землѣ были, бремянили только ее, матушку, старались взять обильную жатву, ничего не сѣя, срывали плоды, не нами выращенные.

— Вотъ именно, милый,—подтвердилъ Даевъ.—Война и то, что я видѣлъ на ней, научило меня многому, открыло мнѣ глаза и я понялъ смыслъ жизни...

Даевъ какъ-то свѣтло улыбнулся.

— Еще очень недавно я желалъ смерти и искалъ ее, — продолжалъ онъ. — Теперь я хочу жить!.. Очень, очень хочу жить, жадно хочу жить!.. Я вотъ, кажется, выздоровѣю, опять пойду въ бой, не стану беречь себя, при всей моей жаждѣ къ жизни, но что-то такое таинственное говоритъ во мнѣ, что я останусь живъ и вотъ тогда я примусь жить обновленный.

Онъ опять свѣтло улыбнулся.

— Я начну новую жизнь, полную содержанія и смысла,—началъ онъ.—Милый, вѣдь, здѣсь, на поляхъ битвы,

въ окопахъ, въ укрѣпленіяхъ, въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ лучшіе люди страны, пойми это!..

— Конечно, конечно! — быстро подхватилъ Вертушевъ.—Я ужъ и понялъ это, видѣлъ...

— Ты еще не все видѣлъ, Андрюша, такъ какъ ты еще не былъ въ бою,—тамъ ты увидишь настоящихъ людей... Эти люди пришли отдать всѣ свои силы, всю свою жизнь на благо отчизны и когда видишь этихъ людей, такъ понимаешь, какъ сладко отдавать свою жизнь за счастье и благо родины!.. Когда идетъ война, мы сильные, крѣпкіе люди должны быть здѣсь, а когда война кончится, такъ мы должны отдавать всѣ свои силы на благо родины мирнымъ трудомъ, а, главное—должны быть хорошими, честными и достойными жизни!

Андрей Степановичъ даже прослезился отъ этихъ словъ пріятеля, находясь все это время въ возбужденномъ состояніи, испытывая «повышенную чувствительность».

Долго еще говорили пріятели, а вечеромъ этого дня Вертушевъ отправился къ передовымъ линіямъ, куда былъ сформированъ отрядъ санитаровъ.

Стояла темная холодная ночь, когда отрядъ, въ которомъ находился Андрей Степановичъ, прибылъ къ мѣсту назначенія.

Отрядъ расположился въ небольшой лощинѣ, въ которой по отлогимъ уступамъ, похожимъ на лѣстницу, росъ молодой лѣсокъ. Лѣсокъ этотъ сгущался на вершинѣ холма, дальше холмъ шелъ отлогимъ скатомъ и незамѣтно переходилъ опять въ широкую лощину, по которой прихотливо извивалась неширокая, но глубокая и быстрая рѣчка.

Вершину холма заняли наши батареи, подъ прикрытіемъ довольно значительнаго отряда пѣхоты и со стороны рѣчки въ эту же ночь ожидали наступленія нѣмцевъ, собравшихся, какъ извѣстили наши летчики, въ огромномъ количествѣ.

Черезъ рѣчку былъ перекинутъ очень красивый и прочный мостъ, который вечеромъ этого дня былъ взорванъ нашими саперами.

Теперь нѣмцы должны были для наступленія навести

новый мостъ и вотъ этому-то намѣренію непріятеля должна была помѣшать наша артиллерія.

Вертушевъ, расположившись съ санитарнымъ отрядомъ въ лощинѣ, сейчасъ же пожелалъ пойти на вершину холма, чтобы посмотрѣть наше расположеніе.

— Можно-то можно,—съ улыбкою разрѣшилъ ему начальникъ отряда, знакомый ему по Москвѣ полковникъ,—а только зачѣмъ вы полѣзете туда, Андрей Степановичъ?.. Мы съ минуты на минуту ждемъ непріятельскаго огня,—онъ сейчасъ откроетъ его и на холмѣ быть далеко не безопасно!..

— Ничего, господинъ полковникъ!—весело отвѣтилъ Вертушевъ.—Авось, меня не подстрѣлятъ, а если и подстрѣлятъ, такъ бѣда невелика!..

И онъ, тяжело отдуваясь, опираясь на толстую суковатую палку, сталъ взбираться на вершину холма.

LVII.

Огромными массами наступалъ непріятель.

Подъ убійственнымъ огнемъ нашей артиллеріи нѣмцы навели таки черезъ рѣчку мостъ, а часть ихъ бросилась переправляться черезъ рѣку бродомъ, но лишь немногимъ удалось сдѣлать это, такъ какъ настоящаго брода не оказалось и нѣмцы переправлялись по глубокому мѣсту, тонули, гибли подъ огнемъ, выплывали, цѣпляясь другъ за друга, и бѣшено неслись на наши батареи.

Непріятель значительно превосходилъ насъ численностью и, перебираясь черезъ трупы своихъ, которые лежали цѣлыми массами, ринулся на батарею.

Пѣхота, прикрывающая батареи, встрѣтила непріятеля ружейнымъ огнемъ, потомъ—штыками и завязался страшный, кровопролитный бой.

Смѣло можно было сказать, что на одного русскаго

солдата приходилось десять нѣмецкихъ, но наши дрались, какъ львы, отчаянно защищая каждую пять земли.

Вертушевъ, опираясь на свою толстую палку, стоялъ почти въ самой гущѣ рукопашной битвы, стоялъ, широко раскрывъ ротъ, стоялъ, какъ стоятъ любопытные «глядѣльщики», любующіеся на какой-нибудь уличный скандалъ, который смѣшонъ, любопытенъ, но рѣшительно никакой опасностью не угрожаетъ.

Вертушевъ просто-напросто потерялъ всякое соображеніе, рѣшительно не сознавалъ опасности, рѣшительно ни о чемъ не думалъ, находился въ состояніи, похожемъ на столбнякъ.

Сперва надъ головою и мимо ушей свистали пули, словно пролетали быстрыя пчелки, но именно только «пролетали», по какой-то странной случайности, по непонятному, таинственному капризу судьбы, минуя его.

Потомъ въ десяти шагахъ отъ него кипѣлъ уже рукопашный бой, лязгали скрещивающіеся штыки, раздавались то злобные, то жалобные крики, лилась кровь, а добродушный Андрей Степановичъ Вертушевъ, ненавидящій кровь и боящійся ея, стоялъ и съ изумленно раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ на бойцовъ.

— Убьютъ, лѣшай!—крикнулъ ему, бросивъ на него изумленный взглядъ, какой-то солдатикъ и сію же секунду былъ уже отъ него далеко, ринувшись за товарищами впередъ.

Нѣмцы все ползли и ползли по отлогому скату холма, казалось, что имъ конца не будетъ, казалось, что ихъ сыплютъ откуда-то изъ огромнаго, необъятнаго мѣшка.

Немного осталось уже защитниковъ батареи, пѣхотинцевъ; артиллеристы, вынимая затворы орудій, суетились около этихъ орудій, рѣшивъ защищать ихъ до послѣдней капли крови и уступить нѣмцамъ лишь въ никуда негодномъ видѣ.

Вдругъ огромнаго роста солдатъ, въ одной рубахѣ защитнаго цвѣта, безъ шапки, вывернулъ оглоблю изъ артиллерійской повозки, взмахнулъ ею такъ, что она свистнула въ воздухѣ и ринулся съ этимъ страшнымъ оружіемъ

впередъ, сокрушая имъ нѣмцевъ, какъ нѣкій древній богатырь—палицею.

Что-то эпическое было въ могучей фигурѣ солдата, что-то сказочно-богатырское было во всей этой картинѣ.

Со свистомъ разсѣкая воздухъ, оглобля описывала круги и крушила враговъ направо и налѣво съ ужасающей силою...

— Саша! — вдругъ неистовымъ голосомъ закричалъ Вертушевъ и бросился впередъ.

Онъ узналъ въ богатырѣ студента Александра Васильевича Красова.

— Саша, Саша! — продолжалъ кричать Вертушевъ и бѣжалъ впередъ, размахивая своею палкою, которою онъ тоже, кажется, хотѣлъ бить враговъ.

Здѣсь Андрей Степановичъ непремѣнно угодилъ бы на нѣмецкій штыкъ, но въ эту минуту нѣмцы дрогнули, смѣшались и частью бросились безпорядочно отступать, а частью принялись бросать ружья и подымать руки вверхъ, сдаваясь.

Вертушевъ добрался таки до студента, бросилъ свою палку и кинулся было обнимать Красова, но тотъ отстранилъ его сильнымъ движеніемъ руки и побѣжалъ за нашей пѣхотой, снова готовый разить и сокрушать врага.

— Богатырь, богатырь, Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ!—вопилъ Вертушевъ, устремляясь за нимъ.

Теперь побѣда была обезпечена и, прижатые къ рѣкѣ, германцы безпорядочно лѣзли на мостъ, который не выдержалъ ихъ тяжести и обрушился.

LVIII.

Немногимъ врагамъ удалось переправиться черезъ рѣку,—огромная часть была перебита, очень многіе сдались въ плѣнъ.

Бѣшеная атака на нашу батарею окончилась полной неудачею нѣмцевъ, и мы праздновали побѣду.

Доктора и санитары принялись подбирать раненыхъ и перевязывать. Неподалеку отъ мѣста боя, въ рощицѣ хоронили убитыхъ; на холмѣ, гдѣ помѣщалась батарея, офицеры нашего отряда расположились на отдыхъ.

Среди офицеровъ, на подбитомъ лафетѣ орудія, сидѣлъ студентъ Александръ Васильевичъ Красовъ, курилъ папиросу и застѣнчиво улыбался, опустивъ голову, на восторженныя похвалы офицеровъ, которые дивились и его удали и его необычайной силѣ.

— Ну, вотъ!—отмахивался рукою студентъ отъ этихъ похвалъ и восторговъ.—Ничего нѣтъ особеннаго, господа!.. У меня штыкъ сломался, я хотѣлъ было прикладомъ поработать, да промахнулся, ударилъ прикладомъ по землѣ, ну, онъ и отлетѣлъ, вотъ я и взялъ оглоблю...

— Ха, ха, ха!—смѣялись офицеры.

— Видалъ я лихіе подвиги, но такой, какъ вашъ, впервые сегодня увидалъ,—заговорилъ одинъ изъ офицеровъ.—Во время Бородинскаго боя былъ среди нашихъ генераловъ артиллерійскій генералъ Костенецкій, мужчина, должно быть, такой же комплекціи, какъ господинъ Красовъ. Налетѣли на батарею польскіе уланы, перебили большую часть орудійной прислуги, перебили бы и всѣхъ остальныхъ, взяли бы батарею, но генералъ Костенецкій схватилъ банникъ, а банники тогда были деревянные, со втулкою на одномъ концѣ для забиванія ядра и со щеткою для чистки пушки—на другомъ. Вотъ, схватилъ Костенецкій этотъ банникъ и началъ глушить имъ улановъ, да такъ, что они давай Богъ ноги,—едва ускакали... Императоръ Александръ I собственноручно вручилъ Костенецкому за этотъ молодецкій подвигъ Георгіевскій крестъ и горячо благодарилъ его, а Костенецкій и говоритъ: «Я осмѣлился бы предложить Вашему Императорскому Величеству, въ виду такихъ случаевъ, завести во всей артиллеріи желѣзные банники... Полагаю, что желѣза въ Россіи для этого хватитъ»... Императоръ усмѣхнулся:—«Желѣза для банниковъ хватитъ, но гдѣ я наберу Костенецкихъ,

чтобы владѣть ими?»—возразилъ онъ... Ха, ха, ха... Вотъ теперь можно бы предложить сдѣлать желѣзныя оглобли, и желѣзо бы для нихъ нашлось, но врядъ ли въ Россіи найдется достаточное количество такихъ богатырей, какъ господинъ Красовъ...

— Повезло вамъ, господинъ Красовъ,—за первое же дѣло Георгія заслужили,—замѣтилъ другой офицеръ.

Красовъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— За что?—спросилъ онъ.—Я вѣдь даже ни одного выстрѣла не далъ...

Опять всѣ засмѣялись.

— Вы и безъ выстрѣла панику на нихъ навели!—сказалъ одинъ.—Я убѣжденъ, что окончательной побѣдѣ сегодня способствовали вы, такъ какъ вы не только сокрушили огромное количество враговъ, но и поощрили своимъ молодецкимъ подвигомъ нашихъ людей..

Красовъ только головою покачалъ, совершенно не признавая за собой никакой особенной заслуги.

Было уже поздно, когда къ мѣсту бивуака пришли усталые, измученные, голодные и жаждущіе санитары.

Вертушевъ сейчасъ же отыскалъ Красова и опять принялся душить его объятіями и поцѣлуями.

— Ну и Саша, вотъ такъ Саша! — кричалъ Андрей Степановичъ, заливаясь хохотомъ.—Гляжу я, вижу, что какой-то Еруслан Лазаревичъ нѣмцевъ дубиною гвоздитъ, подивился, пришелъ взглянуть на этого Еруслана Лазаревича поближе, анъ это нашъ Саша Красовъ!.. Ну и Саша, ай да Саша!.. Какъ же это ты тогда допустилъ Софью-то Васильевну похитить и всѣхъ насъ въ котлеты не измолотилъ?..

— Ну, вспомни еще эту ерунду,—сердито отмахнулся Красовъ, но офицеры заинтересовались словами Вертушева и Вертушевъ принужденъ былъ разсказать про похищеніе Софьи, организованное Даевымъ и имъ, Вертушевымъ.

— Видѣлъ вѣдь я Софью-то Васильевну, — радостно обратился онъ къ Красову. — Въ госпиталѣ у нея былъ, тамъ и Сережа Даевъ лежитъ, и его видѣлъ... Ты съѣзди къ нимъ, Саша, это недалеко отсюда...

Красовъ потупился.

— Не поѣду,—угрюмо отвѣтилъ онъ.

— Почему?..

— Придется невеселую вещь сообщить Софьѣ Васильевнѣ,—проговорилъ Красовъ.

— Невеселую вещь? — переспросилъ Андрей Степановичъ.

— Да...

Красовъ пощипывалъ свою кудрявую бородку и долго не отвѣчалъ ничего Вертушеву, который съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на него.

— Аркадій Павловичъ Латанинъ безъ вѣсти пропалъ,—проговорилъ онъ наконецъ.

Вертушевъ даже руками всплеснулъ.

— Какъ?..

— Такъ... Его нѣтъ ни среди убитыхъ послѣ дѣла, въ которомъ онъ участвовалъ, ни среди раненыхъ,—я вчера узналъ объ этомъ.

Вертушевъ печально склонилъ голову.

LIX.

Крѣпко задумался Андрей Степановичъ Вертушевъ и долго, долго молчалъ.

Молчалъ и Красовъ.

— А знаешь, что, Саша? — вдругъ заговорилъ Вертушевъ.

— Что?

— Съѣзди ты къ ней!..

— Ты думаешь? — задумчиво проговорилъ студентъ, пощипывая бородку.

— Думаю, милый, думаю!.. Вѣдь, она могла уже узнать это обстоятельство, возможно, что ей сообщили о пропавшемъ безъ вѣсти Латанинѣ и, можешь себѣ представить, какъ она, бѣдная, удручена, а когда человѣкъ

удрученъ, такъ присутствіе близкаго человѣка, друга, дѣйствуетъ на него благотворно... Поѣзжай, милый Саша, право, поѣзжай!..

— Да, ты, пожалуй, правъ, — сказалъ онъ. — Надо съѣздить...

Онъ оглянулся кругомъ.

— Слѣдуетъ, вѣдь, разрѣшенія попросить, и я не знаю, какъ я доберусь до госпиталя, въ которомъ находится Софья Васильевна.

— Разрѣшеніе тебѣ дадутъ, Саша!—живо подхватилъ Вертушевъ, видимо обрадованный рѣшеніемъ студента.— Во-первыхъ, ты молодецкимъ подвигомъ своимъ заслужилъ расположеніе начальства, а во-вторыхъ, теперь, чай, нѣмецкія морды не скоро сунутся сюда, затишье наступитъ, а добраться до госпиталя очень даже легко...

— Какимъ образомъ?

— Да, вѣдь, туда раненыхъ послѣ сегодняшняго дѣла отправляютъ, вотъ ты съ ними и доѣдешь... Иди, Саша, просись, а я сбѣгаю и узнаю, какъ тебѣ лучше и когда можно поѣхать...

Командиръ роты, въ которой находился Красовъ, охотно далъ ему отпускъ до утра, а въ это время какъ разъ къ госпиталю направлялся транспортъ раненыхъ, съ которыми студентъ и отправился.

Красову предложили занять мѣсто въ повозкѣ, но онъ уклонился, сказавъ, что пойдетъ пѣшкомъ, и такъ зашагалъ рядомъ съ повозками, что скоро оставилъ ихъ позади, и шелъ полемъ, огромный, широко шагающій, похожій и здѣсь на старорусскаго богатыря.

Транспортъ прибылъ къ госпиталю ночью, и весь составъ госпиталя занялся пріемкою раненыхъ, перевязкою ихъ, распредѣленіемъ по мѣстамъ.

Красовъ увидалъ Софью, которая вмѣстѣ съ остальными сестрами помогала принимать раненыхъ, и по лицу ея, освѣщенному фонарями и разложеннымъ посреди двора костромъ, догадался, что дѣвушкѣ все извѣстно, такъ было блѣдно это лицо, такая грусть стояла въ прекрасныхъ глазахъ.

Красовъ не захотѣлъ теперь безпокоить Софью, отложивъ свиданіе съ ней до разсвѣта и разсчитывая утромъ съ обратными повозками поспѣть на мѣсто расположенія своего полка.

Онъ подошелъ къ служителю, который несъ въ госпиталь охапку дровъ и спросилъ, гдѣ помѣщается раненый прапорщикъ Даевъ.

— А вотъ я какъ разъ туда дрова несу, — отвѣтилъ служитель.—Пойдемте со мною...

Даевъ не спалъ, когда въ палату вошелъ Красовъ, и сейчасъ же, узнавъ студента въ полумракѣ палаты, очень обрадовался ему, сѣлъ на койкѣ, зажегъ стоявшую рядомъ на табуреткѣ свѣчу и протянулъ Красову обѣ руки.

— Это вы, милый студентикъ мой? — воскликнулъ онъ, радостно улыбаясь. — Вотъ неожиданная и пріятная встрѣча!..

Они обнялись и поцѣловались.

— Давно ли здѣсь, милый?—спрашивалъ Даевъ, усаживая студента рядомъ съ собою и предлагая ему курить.

— Только что...

— Санитаромъ или въ дѣйствующей арміи?—продолжалъ спрашивать Даевъ, разглядывая форму студента и не разбирая ее въ полумракѣ.

— Въ арміи добровольцемъ... Въ дѣлѣ былъ, къ наградѣ представленъ,—съ улыбкою разсказывалъ Красовъ.— Оказывается, что я какой-то подвигъ совершилъ, а по-моему никакого подвига не было и просто-на-просто я штукъ десять нѣмецкихъ головъ оглоблею пригвоздилъ...

— Какъ такъ «оглоблею»?—засмѣялся Даевъ...

— Потомъ разскажу вамъ объ этомъ, якобы геройствѣ моемъ, а теперь поговоримъ о Софьѣ Васильевнѣ...

Даевъ такъ и встрепенулся.

— Да, да, здѣсь она!—воскликнулъ онъ.—Вы ее видѣли?...

— Мелькомъ...

Студентъ оглянулся и наклонился къ Даеву.

— Вамъ извѣстно, что Аркадій Павловичъ Латанинъ пропалъ безъ вѣсти?—спросилъ онъ.

Даевъ вздохнулъ.

— Да, извѣстно,—отвѣтилъ онъ.—И она знаетъ...

Красовъ пытливо взглянулъ на Даева, думая подмѣтить въ выраженіи его лица тайную радость, но ничего не подмѣтилъ, кромѣ тоски и тревоги, сконфузился и отвернулся.

— Какъ же она отнеслась къ этому?—спросилъ онъ.

Даевъ взялъ его за обѣ руки, потянулъ къ себѣ, поцѣловалъ, и по глазамъ его потекли слезы.

LX.

Долго Даевъ не могъ выговорить ни слова, сильно взволнованный.

— Она — героиня, героиня, — наконецъ, заговорилъ онъ.—У этой дѣвушки, Красовъ, у этой нѣжной, какъ лилія, дѣвушки благородное сердце и мужественная душа!.. Она, конечно, глубоко огорчена случившимся, тѣмъ болѣе, что, вѣдь, такое «безвѣстное отсутствіе» хуже, чѣмъ смерть на полѣ брани... Не правда ли?.. Когда человѣкъ раненъ, такъ это тяжело для близкаго, но когда онъ пропалъ безъ вѣсти, такъ это тяжелѣе во сто кратъ, ибо воображеніе рисуетъ самыя страшныя картины и неизвѣстность и невыносима и мучительна... Софья Васильевна должна глубоко страдать и она страдаетъ, но она мужественно переноситъ это страшное горе свое и вызываетъ прямо-таки изумленіе... Вѣдь, другая, обыкновенная женщина, билась бы головой объ стѣну, рвала бы на себѣ волосы, рѣшилась бы на самоубійство, а наша Софья Васильевна, именно нѣжная, какъ лилія, стоитъ подъ ударами судьбы, словно огромный, несокрушимый дубъ подъ ударами бури... Вотъ вы сами увидите и убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ...

Даевъ легъ на кровать.

— Проклятая рана все еще держитъ меня въ постели,—продолжалъ онъ, — а сердце такъ и рвется въ бой, такъ и горитъ святою местью за всѣ обиды, за всѣ злодѣянія подлаго врага!.. Ахъ, скорѣй бы встать и скорѣй бы въ строй!..

Красовъ молчалъ, опустивъ голову.

Онъ довольно долго еще просидѣлъ у Даева и вышелъ изъ палаты тогда, когда забрезжилось уже утро, и когда ему пора было отправляться въ полкъ.

Привезенныхъ раненыхъ перевязали, уложили въ кровати и дворъ госпиталя опустѣлъ, только копошились около повозокъ солдатики, покормивъ лошадей и собираясь къ передовымъ позиціямъ.

— Вы скоро ѣдете?—спросилъ у нихъ Красовъ.

— Да вотъ запрягаемъ, черезъ полчасика думаемъ выѣхать, — отвѣчалъ ему завѣдующій обозомъ пожилой унтеръ-офицеръ.—А вы, баринъ, на позицію?..

— Да... Я сейчасъ приду, и если вы уѣдете, такъ я догоню васъ.

Онъ потерялъ надежду увидать Софью, рѣшивъ, что она, утомленная пріемомъ раненыхъ, ушла въ свое помѣщеніе и, совершенно измученная, уснула.

Красовъ выкурилъ папироску и пошелъ было опять въ госпиталь, какъ вдругъ въ бѣлесоватомъ свѣтѣ начинающагося утра увидалъ Софью.

Дѣвушка сидѣла около отворенныхъ воротъ на обрубкѣ дерева, прислонившись къ каменной оградѣ и нѣсколько запрокинувъ голову назадъ.

Красовъ пошелъ къ ней, осторожно ступая и думая, что она спитъ.

Онъ остановился въ двухъ шагахъ отъ дѣвушки, увидавъ ее блѣдное, истомленное лицо съ закрытыми глазами, убѣдился, что она, дѣйствительно, спитъ и хотѣлъ было отойти, но Софья въ эту минуту открыла глаза и увидала его.

— Красовъ, Саша!—радостно воскликнула она, вставая. — Милый мой, какъ я рада васъ видѣть... Я замѣ-

тила васъ, когда прибыли раненые, но рѣшительно не могла вамъ удѣлить и одной секунды времени...

Красовъ быстро подошелъ къ ней, схватилъ ея обѣ руки и припалъ къ нимъ губами, а дѣвушка приподняла его голову и поцѣловала въ губы.

— Вы знаете все? — спросила она, догадываясь, что студентъ видѣлся съ Даевымъ и узналъ о пропавшемъ безъ вѣсти Латанинѣ.

— Да... Какой ужасъ!..

— Да, вѣдь, здѣсь все ужасы, мой милый Саша,— съ кроткою улыбкою возразила Софья. — Сколько «ужасовъ» я видѣла, вотъ сейчасъ, перевязывая раненыхъ!.. Мы должны переносить все, и лишь просить у Бога терпѣнія, мужества и силъ, полагаясь на Его святую волю... Да, Аркадій пропалъ безъ вѣсти...

Дѣвушка употребила огромныя усилія, чтобы не зарыдать, крѣпко, почти до боли стиснула маленькою ручкой своею богатырскую руку Красова и тихо-тихо улыбнулась...

— Я почему-то вѣрю, Саша, что онъ живъ и что мы увидимся еще, — проговорила она. — Да, увидимся, увидимся!..

Она подняла голову и взглянула на голубѣющее небо, восточная часть котораго заалѣла румянцемъ.

— Увидимся, быть можетъ, тамъ,—добавила она, указавъ глазами на это далекое, блѣдно-голубое небо.

Оба замолчали.

— Я поѣду, Софья Васильевна, мнѣ пора, — сказалъ Красовъ. — У меня нѣтъ словъ, чтобы утѣшать васъ, да и какія же могутъ быть тутъ слова?.. Дай Богъ вамъ мужества, вотъ все, что я могу сказать. Прощайте, до свиданья...

— Да, вѣдь, я съ вами ѣду,—все съ тою же тихою улыбкою проговорила Софья.

— Со мною?..

— Да... Я отпросилась туда, на позиціи, вотъ и багажъ мой тутъ лежитъ...

Она указала на маленькій кожаный сакъ, который лежалъ около нея на землѣ...

— Да, мой милый, туда, туда!.. Работы и здѣсь много, но душа моя рвется туда!..

Студентъ ничего не возразилъ ей, и, минутъ черезъ двадцать, оба они съ возвращающимся обозомъ отправились на передовую линію.

LXI.

Съ этого дня Даевъ началъ быстро поправляться.

Онъ надоѣдалъ докторамъ, упрашивая ихъ поскорѣй «поставить его на ноги» и выпустить изъ госпиталя.

— Да успѣете еще, батюшка,—говорилъ ему старшій врачъ. — Окрѣпните хорошенько, наберитесь силъ, а то, вѣдь, слабы еще...

— Какое тамъ «слабы», докторъ!..—горячо возражалъ Даевъ.—Давайте поборемтесь и я васъ, хоть вы сильный мужчина, мигомъ на обѣ лопатки уложу!..

— Да, вѣдь, боли еще чувствуете, я думаю?

— Никакихъ!..

Однажды утромъ докторъ, осмотрѣвъ его, сказалъ, что готовъ его выписать, хотя противъ своего желанія противъ «всѣхъ медицинскихъ правилъ», какъ выразился докторъ.

— Какія тамъ правила, милый докторъ, когда я неудержимо хочу нѣмцевъ бить!—воскликнулъ Даевъ и радуясь, какъ ребенокъ, сталъ одѣваться.

Въ этотъ же день онъ отправился на позиціи и попалъ какъ разъ въ тотъ отрядъ, къ тѣмъ окопамъ, гдѣ былъ и Красовъ.

Удивились скорому выздоровленію тяжело больного Даева и всѣ его знакомые и Красовъ.

Встрѣтили его очень радушно, весело, но немножко журили, какъ и доктора, за слишкомъ быстрое стремленіе встать.

— Ничего!—весело смѣялся Даевъ. — Тамъ еще скорѣе умрешь отъ какой-нибудь гадости, чѣмъ здѣсь, а кромѣ того, право, очень хочется либо отразить подлаго врага, либо съ честью положить голову за родину!..

Даевъ узналъ, что Софья и Вертушевъ отправились на другую позицію, которая была расположена на берегу рѣки, по ту сторону ея, для защиты моста, только что построеннаго и страшно прельщающаго нѣмцевъ.

Дѣло тутъ ожидалось серьезное, войска стояло много и много нужно было медицинскаго персонала.

Дѣло это началось на другой день послѣ прибытія на позиціи Даева, началось раннимъ утромъ и грохотъ нѣмецкихъ орудій, направленныхъ на защитниковъ моста, разбудилъ всѣхъ во второй цѣпи окоповъ, гдѣ находился Даевъ.

Надо было готовиться къ бою и отряду Даева, такъ какъ по сообщенію развѣдчиковъ, къ мосту подходили огромныя силы противника.

Отрядъ былъ въ полной боевой готовности и ждали лишь приказа съ передовой позиціи.

Часу въ седьмомъ утра это приказаніе было получено по телефону и отрядъ спѣшно выступилъ.

Когда наши подкрѣпленія подошли къ мосту, были уже отбиты три яростныя атаки нѣмцевъ и наши готовились къ стремительной, лавоподобной контръ-атакѣ.

Передовой отрядъ въ стройномъ порядкѣ отступалъ къ мосту подъ натискомъ превосходящаго силами противника, защищая каждый шагъ, дорогою цѣной продавая каждую пядь земли.

Вотъ наши отступили къ самому мосту, аріергардъ вступилъ уже на мостъ, какъ вдругъ раздалась команда вступить въ бой подошедшему отряду, и отрядъ этотъ съ криками «ура» бросился впередъ.

Это была стремительная контръ-атака и она ударила на врага, какъ вихрь и какъ вихрь погнала его.

Нѣмцы дрогнули, смѣшались и стали отступать, а черезъ нѣсколько минутъ это отступленіе обратилось въ настоящее бѣгство.

Кавалерійскій полкъ погналъ отступающихъ нѣмцевъ дальше, а пѣхотѣ былъ сыгранъ «отбой» и она, остановившись, строилась въ колонны.

Скоро пѣхота поставила ружья въ козлы, солдаты принялись готовиться къ обѣду.

Убирали убитыхъ и раненыхъ.

— Вы знаете, господа, наша сестра милосердія Софья Васильевна Станина и санитаръ Вертушевъ попали въ плѣнъ!..—сказалъ стоявшимъ у костра Даеву и Красову подошедшій къ нимъ офицеръ.

— Какъ?!—воскликнули въ одинъ голосъ и Даевъ и Красовъ.

— Такъ... Они зарвались слишкомъ впередъ, ихъ отрѣзали и они, по всему вѣроятію, попали въ плѣнъ, такъ какъ среди убитыхъ и раненыхъ ихъ нѣтъ...

Красовъ опустилъ голову, а Даевъ взглянулъ на него, отошелъ и присѣлъ на разбитое нѣмецкое орудіе.

Кругомъ кипѣла шумная оживленная жизнь бивуака, тамъ и сямъ горѣли костры, раздавались веселые голоса, гдѣ-то группа солдатъ, собравшись вокругъ костра, запѣла пѣсню.

— Вотъ и нѣтъ Софьи Васильевны, — проговорилъ Красовъ, подходя къ сидѣвшему Даеву.

Тотъ поднялъ голову и взглянулъ на него.

— Да, вѣдь, она жива, жива, мы увидимъ ее!—воскликнулъ Даевъ.

— Богъ вѣсть!..

Скоро пришло извѣстіе, что Софья Васильевна Станина и санитаръ Вертушевъ находятся въ плѣну у нѣмцевъ.

КОНЕЦЪ.

ь нѣмц
а, оста

ость пр

нія Соф
попали и
Крас

Дневъ

, ихъ о
нъ, так

на В
діе.
бивуака
голоса
ра, за

ворил

—вос

Ста-
нѣм-

Цѣна 1 руб.

